

ИРИНА
ТОКМАКОВА

ПИТЕР КРОЛИК
И ДРУГИЕ

ИРИА
ТУМАНА

Бетрмас
НОРТА

Бетрмас
НОРТА

ИРИНА
ТОКМАКОВА

Дж. М.
БАРРИ

**ПИТЕР
ПЭН**

Беатрикс
ПОТТЕР

**ПИТЕР -
КРОЛИК**

пересказы с английского

Художник
ЛЕВ ТОКМАКОВ

МОСКВА
дрофа
2001

УДК 821.161.1-93Токмакова
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т51

Barrie J. M.

Peter Pan

Brockhampton press, 1974

The tale of Peter Rabbit

Frederick Warne & Co, 1910

Токмакова И. П.

Т51 Избранные произведения: Питер Кролик и другие:
Пересказы / Художник Л. Токмаков. — М.: Дрофа,
2001. — 320 с.: ил.

ISBN 5—7107—2979—5

В этой книге соединились прозаические пересказы Ирины Токмаковой: повесть-сказка классика английской литературы Дж. М. Барри «Питер Пэн» и сказки знаменитой английской писательницы Б. Поттер «Питер Кролик и другие».

УДК 821.161.1-93Токмакова
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5—7107—2979—5

© И. П. Токмакова. Текст, 2001
© Л. А. Токмаков. Иллюстрации, 2001
© ООО «Дрофа», 2001

ДЖ. М. БАРРИ

сказочная повесть

ПИТЕР ПЭН

НАРУШАЕТ
СПОКОЙСТВИЕ

Все дети, кроме одного-единственного на свете ребёнка, рано или поздно вырастают. Вэнди знала это наверняка. Выяснилось это вот каким образом. Когда ей было два года, она играла в саду. Ей попался на глаза удивительно красивый цветок. Она его сорвала и побежала к маме. Наверное, Венди в этот момент

была очень хорошенькая, потому что мама, миссис Дарлинг, воскликнула:

— До чего жаль, что ты не останешься такой навсегда!

Только и всего. Но с этого момента Венди знала, что она вырастет. Человек обычно догадывается об этом, когда ему исполнится два года...

Мама у Венди была необыкновенная. Во-первых, она была красивая. Во-вторых, в правом уголке рта пряталась у неё особенная, почти неуловимая улыбка. Венди никак не удавалось её поймать. Улыбка показывалась — и тут же пряталась, будто её и нет. И ещё было у мамы в характере что-то такое... ну, прямо поразительное, почти волшебное. Я вам сейчас попытаюсь объяснить. Знаете, бывают такие ящички. Откроешь один, а в нём — другой, а в другом — третий. И всегда остаётся ещё один ящичек про запас, сколько ты ни открывай.

Папа, мистер Дарлинг, так женился на маме. Однажды почти целый десяток юношей вдруг обнаружили, что они хотят взять её в жёны.

Они тут же побежали делать ей предложение. А папа нанял извозчика и всех опередил. Таким образом мама досталась ему. Всё, кроме той самой улыбки и самого последнего ящичка.

Мама очень уважала папу, потому что он работал в банке и разбирался в таких вещах, как проценты и

акции, а в этом чаще всего разобраться просто невозможно. Но он говорил «Проценты растут» или «Акции падают» с таким видом, что всякий бы его уважал.

Между прочим, Венди появилась первой, а потом уже Джон, а после — Майкл.

Когда Венди появилась на свет, родители долго совещались, как им быть — то ли оставить её, то ли кому-нибудь отдать, потому что ведь прокормить ребёнка не такая уж дешёвая вещь.

Мистер Дарлинг сидел на краешке постели и считал, а миссис Дарлинг смотрела на него умоляюще.

— Не перебивай, — просил он. — У меня в кармане фунт и семнадцать пенсов да два шестьдесят на работе. Я перестану пить кофе в обеденный перерыв, да твои восемнадцать, да ещё фунт, который ты одолжила соседу, да вычесть семь... Почему плачет ребёнок? Итак, сорок девять, да вычесть ребёнка... Вот видишь, ты меня сбила! Короче говоря, как ты думаешь: мы можем прожить на девятьсот девяносто семь фунтов в год?

— Сможем, сможем, — заверила его миссис Дарлинг. Уж очень ей хотелось оставить себе девочку.

— Не забывай про свинку, — предупредил он её. — На свинку — фунт, на корь — полтора, да и коклюш обойдётся не меньше чем в восемь шиллингов.

Те же переживания возникли, когда появились Джон и Майкл. Но их тоже оставили в доме.

И вскоре их можно было увидеть на улице. Все трое важно вышагивали в сопровождении няни.

Миссис Дарлинг любила, чтобы всё в доме было как надо, а мистер Дарлинг любил, чтобы было не хуже, чем у людей. Поэтому они никак не могли обойтись без няни. Но поскольку они были бедны — ведь дети просто разоряли их на молоко, — в нянях у них была большая чёрная собака-водолаз, которую звали Нэна. До того как Дарлинги наняли её к себе на службу, она была просто ничьей собакой. Правда, она очень заботилась о детях вообще, и Дарлинги познакомились с ней в Кенсингтонском парке. Там она проводила свой досуг, заглядывая в детские колясочки. Её страшно не любили нерадивые няньки, которых она сопровождала до дому и жаловалась на них их хозяйкам.

Нэна оказалась не няней, а чистым золотом. Она купала всех троих. Всклакивала ночью, если кто-нибудь из них хотя бы шевельнётся во сне. Будка её стояла прямо в детской. Она всегда безошибочно отличала кашель, который не стоит внимания, от кашля, при котором горло необходимо обвязать старым шерстяным чулком. Нэна верила в старые испытанные средства, вроде листьев ревеня, и не доверяла всем этим новомодным разговорам о микробах.

Было приятно видеть, как она вела юных Дарлингов в детский сад, выстроив в линеечку по росту и неся в зубах зонтик на случай дождя. Нэна была во всех отношениях образцовой няней. И мистер Дарлинг прекрасно это знал, хотя иногда и беспокоился, не шушукаются ли на этот счёт соседи.

Он всё-таки занимал положение в Сити и не мог с этим не считаться. Временами ему казалось, что Нэна недостаточно им восхищается.

— Что ты, Джордж, — пыталась разуверить его миссис Дарлинг. — Нэна от тебя в полном восторге, — при этом она делала незаметный знак детям, чтобы они были особенно ласковы с отцом.

Порой в детской открывались танцы. Иногда в них принимала участие и Лиза, единственная прислуга в доме. Ох, как бывало весело! Веселее всех отплясывала сама миссис Дарлинг. Она так приседала и кружилась, что видна была только та самая улыбка. Если бы в этот момент с маху наскочить на миссис Дарлинг, может быть, и удалось бы наконец эту улыбку поймать. Трудно было представить себе более простую и счастливую семью до того, как появился Пётр Пэн.

Миссис Дарлинг впервые обнаружила его, когда приводила в порядок мысли своих детей. Разве вы не слышали? Это в обычае у всех хороших матерей. Когда дети уснут, матери производят уборку в их мыслях, наводят там порядок и кладут все мысли по мес-

там. Когда ребёнок просыпается, то все капризы лежат сложенные на дне его головы, а сверху положены добрые чувства, хорошенечко проветренные и вычищенные за ночь. И ещё в мыслях у каждого ребёнка есть его собственная страна Нетинебудет, и чаще всего — это остров, очень яркий и цветной, с коралловыми рифами, с быстроходным кораблём на горизонте, с дикарями и гномами. И большинство из этих гномов — портные. Есть там ещё пещеры, на дне которых протекают реки, и — принцессы, у которых к тому же есть шесть старших братьев и заброшенная хижина в лесу, и ещё — очень старая старушка, и нос у неё крючком. С этим было бы не так сложно справиться, однако это не всё. Там ещё помещается первый день учёбы в школе, и пруд, и убийцы, и вышивание крестиком, и глаголы, требующие дательного падежа, и воскресный пудинг, и три пенса, которые дадут, если молочный зуб выдернуть самому, и так далее, и так далее.

Конечно, в воображении каждого — своя страна Нетинебудет. В своей стране Джон, например, жил в перевёрнутой лодке, Майкл — в вигваме, а Венди — в шалаше из крепко сшитых друг с другом больших листьев, и к тому же у неё был ручной волк, которого родители покинули в детстве. Но с этой небольшой разницей острова Нетинебудет похожи друг на друга, как братья, у которых всегда одинаковые носы. На этих волшебных берегах дети, играя, вечно вытаски-

вают на берег свои рыбацьи лодки. Мы с вами в детстве тоже там побывали. До сих пор до нашего слуха доносится шум прибоя, но мы уже никогда не высадимся на том берегу.

Иногда, совершая путешествия в мыслях своих детей, миссис Дарлинг натыкалась на непонятные слова, и самым удручающим было слово «Питер». Она лично не была знакома ни с каким Питером, но в мыслях Джона и Майкла он попадался нередко, а в голове у Венди это слово попадалось просто на каждом шагу. Имя это было написано там более крупными буквами, чем все остальные слова. Присматриваясь к нему, миссис Дарлинг нашла, что оно выглядит как-то очень странно и дерзко.

— Да, Питер очень заносчивый, — призналась Венди со вздохом, когда мама спросила её о нём.

— Но кто он, доченька?

— Он просто Питер Пэн, мамочка. Ты ведь знаешь.

Сначала миссис Дарлинг никак не могла вспомнить никого с таким именем. А потом, мысленно добравшись до своего детства, она вдруг вспомнила про какого-то Питера Пэна, о котором говорили, что он живёт там, где феи. Когда она была маленькая, она, конечно, этому верила, но теперь она была замужней и разумной женщиной, поэтому решительно сомневалась в существовании подобного персонажа.

— Кроме всего прочего, — заметила она Венди, — ему уже давно пора повзрослеть.

— Ой нет, он не растёт, — поделилась с ней Венди. — Он такой, ну, такой, как я.

Миссис Дарлинг решила посоветоваться с мистером Дарлингом. Но он только снисходительно улыбнулся.

— Попомни мои слова. Это какая-нибудь ерунда, которую Нэна вбила им в голову. Собаке вполне могла прийти подобная фантазия. Не обращай внимания. Пройдёт.

Но это никак не проходило. И вскоре несносный мальчишка насмерть перепугал бедную миссис Дарлинг.

Однажды утром Венди открыла миссис Дарлинг нечто, что чрезвычайно её обеспокоило. В детской на полу обнаружили листья, которых там не было, когда дети ложились спать. Миссис Дарлинг безуспешно пыталась найти ключ к этой загадке, когда Венди произнесла со снисходительной улыбкой:

— Наверно, это опять Питер.

— О чём ты говоришь, Венди?

— Как только не стыдно не убрать за собой! — продолжала Венди со вздохом. Она была очень опрятной девочкой.

Венди объяснила самым будничным тоном, что, мол, Питер иногда появляется ночью в детской, и садится на краешек её кровати, и играет на своих дудочках. Она при этом не просыпается, и неизвестно, откуда она об этом знает. Просто знает, и всё.

— Что за нелепицу ты говоришь, солнышко! Как же можно войти в дом не постучавшись?

— По-моему, он является через окно.

— Но, родненькая, мы ведь живём на третьем этаже!

— А разве листья не валялись возле окна, мам?

Совершенно верно. Листья были обнаружены как раз возле окна. Миссис Дарлинг растерялась. Венди говорила с такой уверенностью. Прямо не было никакой возможности объяснить ей, что всё это она увидела во сне.

— Доченька, почему ты мне про это раньше не сказала? — воскликнула миссис Дарлинг.

— Я забыла, — ответила Венди беззаботно. Она торопилась к завтраку.

Может, это всё-таки был сон? А как же тогда листья?

Миссис Дарлинг рассмотрела их внимательно. Это были высохшие листья. И миссис Дарлинг могла бы поклясться, что в Англии такие деревья не растут.

Она исползала весь пол со свечой в руке, стараясь обнаружить следы. Она на всякий случай поковыряла кочергой в каминной трубе и постучала по стенкам камина. Она спустила из окна спальни шнурок до самой земли, но никто по нему не влез.

Конечно, дочери всё приснилось.

Но ей ничего не приснилось. Это выяснилось на следующий день вечером. Можно сказать, что с этого дня и начались приключения детей семьи Дарлингов.

Ребята уже улеглись спать. У Нэны был выходной, и миссис Дарлинг сама их выкупала, и уложила в постель, и спела песенку каждому. Пока они один за другим не отправились в страну сновидений.

Всё выглядело таким уютным и таким надёжным, что миссис Дарлинг улыбнулась своим недавним страхам. Она села с шитьём возле камина. В камине ещё горел огонь. Детская была освещена тремя ночниками. Миссис Дарлинг неожиданно задремала над рубашкой, которую она шила для Майкла. Ей даже начал сниться сон. Ей привиделось, будто остров Нетинебудет подплыл совсем близко к дому и странный мальчик с этого острова явился к ним в дом. Она не встревожилась, потому что лицо его показалось ей знакомым. Ей снилось, что он слегка раздвинул завесу, которая скрывает остров Нетинебудет, и что Венди, и Джон, и Майкл по очереди заглядывают в щёлку.

Сам по себе сон мог оказаться сущим пустяком. Но дело-то в том, что, пока он ей снился, окно в детской растворилось и мальчик, появившийся на подоконнике, соскочил на пол. За ним вслед в окно влетело какое-то странное пятнышко света, величиной не больше вашего кулака. Это пятнышко, как живое,

заметалось по комнате. Видимо, оно и разбудило миссис Дарлинг.

Вздрогнув, она проснулась, и сразу же увидела мальчика, и каким-то образом тотчас поняла, что это Питер Пэн. Между прочим, если бы мы с вами оказались в комнате, мы бы сразу увидели, что он чем-то очень напоминает ту самую загадочную её улыбку, о которой мы говорили вначале.

В общем-то он был хорошеньким мальчиком, одетым в платье из сухих листьев и прозрачной смолы.

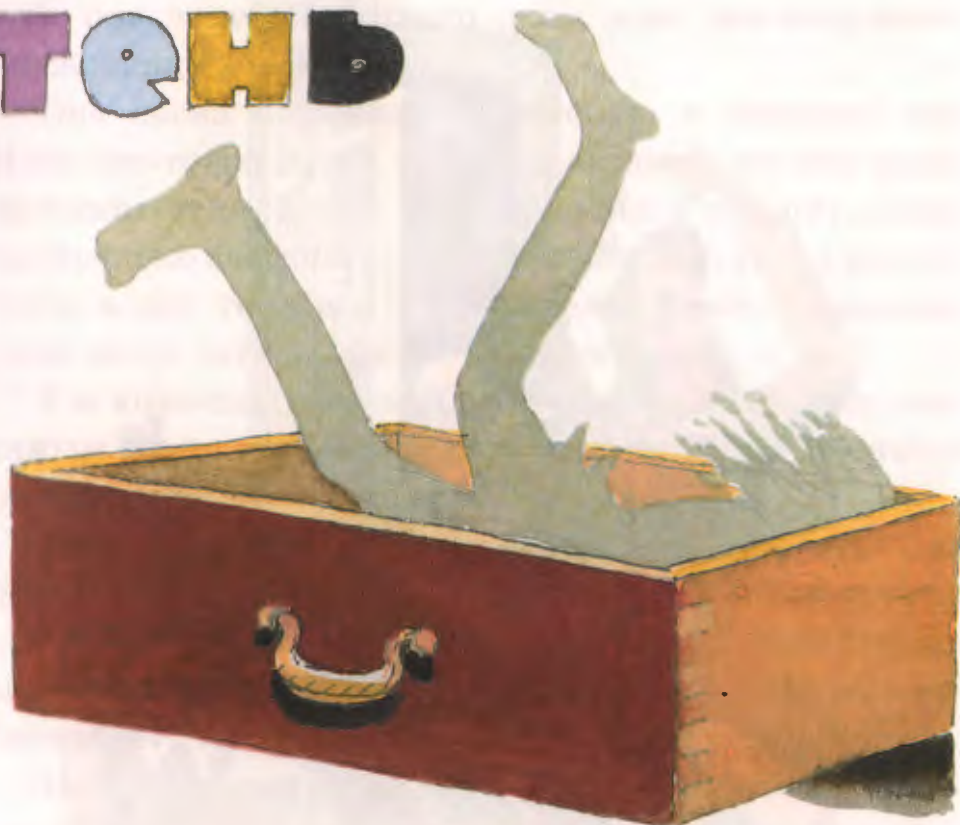
Его рот был полон жемчужных молочных зубов. Ни один ещё не выпал. И это её напугало. Как же так, ведь он был таким же ребёнком с молочными зубами ещё во времена её детства!

Когда мальчик заметил, что в спальне — взрослый человек, он сердито оскалил на неё все свои жемчужинки.

глава 2

ТЕНЬ

Миссис Дарлинг вскрикнула, и в тот же момент открылась дверь и вошла Нэна, потому что её выходной день кончился. Она зарычала и бросилась к мальчишке, который лёгким движением выпорхнул в окно. Миссис Дарлинг снова вскрикнула, на этот раз от страха, что он упадёт и разобьётся, и поскорее

побежала вниз, чтобы поглядеть, что с ним случилось. Но его там не было. Она подняла голову. На небе она заметила только одну, как она подумала, блуждающую звёздочку.

Она снова поднялась в детскую и увидела, что Нэна что-то держит в зубах. Оказалось, что это мальчишкина тень. Когда он подскочил к окошку, Нэна быстренько захлопнула раму, но он уже успел выскочить, а вот тень его — не успела. Хлоп — оконная рама резко затворилась и прищемила её.

Уж конечно, миссис Дарлинг рассмотрела эту тень самым внимательным образом, но ничего особенного не обнаружила — тень как тень.

Нэна тут же сообразила, что с тенью делать. Она повесила её за окном, что должно было означать: «Он, конечно, вернётся за своей тенью. Давайте поместим её так, чтобы он мог её взять, не напугав ребятшек».

Но, к сожалению, миссис Дарлинг не могла допустить, чтобы за окном что-то болталось. Тень была так похожа на выстиранную тряпку, что портила respectable вид их фасада.

Ей очень хотелось немедленно показать тень мистеру Дарлингу. Он сидел, склонившись над счётами, обвязав голову мокрым полотенцем для ясности мыслей, и высчитывал возможность купить Майклу и Джону зимние пальтишки. Ей было совестно отры-

вать его от важного дела. Кроме того, она заранее знала, что он скажет:

— Вот чем кончается, когда в няньки нанимают собаку.

Она решила аккуратненько свернуть тень и положить её в ящик комода.

Пусть полежит, пока не подвернётся удобный случай сообщить мужу новость.

Увы! Случай подвернулся ровно через неделю, в ту незабываемую пятницу. Да, несомненно. Это была пятница.

— Мне надо было быть особенно осторожной в пятницу, — говорила она впоследствии мужу.

Он сидел рядом с ней, а Нэна сидела с другой стороны и держала её руку.

— Ах нет, нет, — качал головой мистер Дарлинг. — Я во всём виноват. Я, Джордж Дарлинг, сотворил всё это своими руками. Меа кульпа, меа кульпа, — добавил он по-латыни, что значит «моя вина». Он получил в своё время классическое образование.

Так они сидели по вечерам, вспоминая ту роковую пятницу, пока все, даже самые мелкие подробности не проявились у них в головах, как это бывает с переводными картинками.

— Если бы только я сообразила не принять приглашение от соседей из дома двадцать семь! — говорила миссис Дарлинг.

— Если б только я не налил своё дурацкое лекарство в Нэнину мисочку!

«Если б только я догадалась сделать вид, что лекарство мне нравится», — говорили собачьи глаза, полные слёз.

— Ах, это всё моё пристрастие к званым обедам, Джордж!

— Нет, дорогая, это всё моё дурацкое чувство юмора.

«Нет, моё неумение не обращать внимания на пустяки, дорогие хозяева!»

А затем кто-нибудь из них или все трое разом плакали, и каждый думал своё.

Нэна думала: «Конечно, нельзя было нанимать собаку в няньки», и миссис Дарлинг промокала Нэнины слёзы своим платком.

— Этот негодяй! — восклицал мистер Дарлинг, а Нэна вторила ему лаем.

Так они сидели рядышком в опустевшей детской, припоминая все подробности этого ужасного вечера в пятницу...

Начался вечер совсем обыкновенно, безо всяких событий, как тысячи таких же вечеров.

Нэна согрела воду, чтобы выкупать Майкла, посадила его к себе на спину и потащила в ванную.

— Не хочу я спать! — вопил Майкл, хотя прекрасно понимал, что все эти вопли не помогут. — Не

хочу, Нэна, ещё рано ведь! Нэна, не буду тебя больше любить, раз так! Не хочу я купаться, слышишь?

Потом в детскую вошла миссис Дарлинг в белом вечернем платье. Венди очень любила, когда она надевала это платье. На ней были надеты ожерелье и браслет. Браслет принадлежал Венди. Но пока она вырастет, миссис Дарлинг его одалживала у Венди. А Венди очень любила давать свой браслет маме поносить.

Венди и Джон перед сном играли в «маму и папу» и разыгрывали тот момент, когда родилась Венди.

Джон говорил:

— Я счастлив сообщить вам, миссис Дарлинг, что вы теперь стали матерью, — таким тоном, как мог бы говорить сам мистер Дарлинг по такому случаю.

А Венди изображала миссис Дарлинг. Она запрыгала от радости, как это сделала бы сама настоящая миссис Дарлинг.

Потом так же разыграли рождение Джона, только ещё торжественнее, потому что родился мальчик.

В это время Нэна привезла Майкла из ванной, и Майкл заявил, что он тоже хочет родиться. Но Джон довольно грубо сказал ему, что им больше детей не нужно.

Майкл чуть не заплакал:

— Никому я, выходит, не нужен.

Ясно, что леди в вечернем платье не выдержала такой несправедливости.

Она закричала:

— Мне нужен, мне нужен третий ребёнок.

— Мальчик или девочка?

— Мальчик, — подтвердила миссис Дарлинг.

Тогда он прыгнул к ней на колени. Казалось бы, незначительное событие. Но теперь они все его вспоминали, потому что это было в последний раз.

— Как раз в этот момент я и ворвался как ураган, да? — говорил мистер Дарлинг, глубоко себя презирая.

И действительно, тогда он напоминал ураган.

Дело в том, что мистер Дарлинг тоже одевался к званому обеду, и всё было в порядке до тех пор, пока не дошло до галстука. Трудно, конечно, поверить, но дело обстояло именно так. Этот человек, который знал всё про акции и проценты, не умел завязывать галстука! Правда, по временам галстук сдавался без борьбы. Но иногда всем домашним казалось, что лучше бы уж мистер Дарлинг проглотил свою гордость и пользовался готовым галстуком, заранее завязанным на фабрике.

В тот вечер был как раз такой случай. Он влетел в детскую, держа в руках измятый негодяйский галстук.

— Что-нибудь случилось, папочка?

— Случилось! Вот галстук — так он не завязывается! Видишь ли, он желает завязываться только на

спинке кровати. Двадцать раз я пробовал, и двадцать раз он завязывался. А вокруг шеи не желает. Откачивается!

Ему показалось, что миссис Дарлинг не поняла всей серьёзности положения, поэтому он продолжал:

— Предупреждаю тебя, мамочка. Пока этот галстук не завяжется по-человечески вокруг моей шеи, я из дома не выйду. А если я из дома не выйду, то мы не попадём на званный обед. А если мы не придём на этот обед, мне лучше не показываться на службе. А если я там не покажусь, то мы умрём с голоду, а наши дети окажутся на улице.

Но даже после этой зажигательной речи миссис Дарлинг продолжала сохранять спокойствие.

— Дай я попробую завязать, милый.

Собственно, за этим он и шёл в детскую.

Своими мягкими прохладными руками она завязала ему галстук, а дети стояли и глядели на то, как решалась их судьба.

Другой бы мужчина, может быть, и возмутился бы тем, что она сумела сделать это так легко. Другой, но не мистер Дарлинг. Он ведь был славным человеком. Он поблагодарил её кивком и через минуту уже скакал по детской с Майклом на закорках...

— Какую мы тогда устроили кучу малу!.. — вздохнула миссис Дарлинг.

— В последний раз в жизни... — простонал мистер Дарлинг.

— Помнишь, Джордж, Майкл спросил меня: «Мамочка, а как ты узнала в первый раз, что это именно я?»

— Помню!

— Они были такие милые, правда?

— И они были наши. Наши! А теперь их у нас нет!..

Тогда куча мала рассыпалась с приходом Нэны. Мистер Дарлинг нечаянно наскочил на Нэну и тут же обшерстил свои новые брюки. И не в том даже дело, что брюки были новые. Это были первые в жизни брюки с шёлковой тесьмой по бокам!

Конечно, миссис Дарлинг тут же почистила их щёткой, но мистер Дарлинг опять завёл разговор насчёт того, что неправильно держать в няньках собаку.

— Джордж, Нэна просто сокровище!

— Не сомневаюсь. Только мне иногда кажется, что она принимает детей за щенят.

— Да нет же, дорогой! Я уверена, что ты ошибаешься.

— Не знаю, — произнёс мистер Дарлинг задумчиво. — Не знаю.

Миссис Дарлинг показалось, что наступил подходящий момент рассказать ему про мальчишку. Сначала он не хотел и слушать, но потом задумался, когда она показала ему тень.

— Эта тень не напоминает мне ни одного из моих знакомых, — сказал он. — Но мне кажется, что её

обладатель — негодяй... Мы как раз об этом говорили, — вспоминал мистер Дарлинг, — когда Нэна вошла с лекарством для Майкла. Больше ты никогда не принесёшь пузырёк с лекарством, Нэна, и во всём этом виноват только я один!

Он был, несомненно, мужественным человеком. Но тогда с этим лекарством повёл себя, прямо скажем, глупо. Если у мистера Дарлинга и были какие-то слабости, то одна из них заключалась в том, что ему казалось, будто всю жизнь он очень храбро принимал лекарства. Поэтому, когда Майкл начал отпихивать ложку с микстурой, которую Нэна велела ему принять на ночь, мистер Дарлинг сказал:

— Будь мужчиной, Майкл.

— Не хочу, не хочу! — капризничал Майкл.

Миссис Дарлинг пошла за шоколадкой, чтобы дать ему заесть. Мистеру Дарлингу это показалось баловством.

— Майкл, — сказал он строго, — в твоём возрасте я принимал лекарства без звука. Да ещё говорил при этом: «Спасибо, дорогие родители, что вы так обо мне заботитесь».

Он честно верил, что всё так и было на самом деле. Венди тоже всему верила. И поэтому она сказала, чтобы подбодрить Майкла:

— Пап, то лекарство, которое ты иногда принимаешь, правда противное?

— Намного противнее того, что пьёт Майкл. Я бы его принял сейчас, чтобы дать тебе урок мужества, Майкл. Только пузырёк куда-то потерялся.

Скажем, он не совсем чтобы потерялся. Просто как-то ночью мистер Дарлинг залез на стул и поставил лекарство на самую верхнюю полку шкафа, за шляпными картонками. Он и не догадывался, что Лиза обнаружила склянку во время уборки и вернула её на полку в аптечный шкафчик.

— Я знаю, где лекарство, папочка! — воскликнула всегда готовая услужить Венди. — Я принесу.

И она умчалась раньше, чем он успел её остановить.

Настроение мистера Дарлинга моментально испортилось.

— Джон, — сказал он, поёживаясь, — если бы ты знал, какая это гадость. Густая, липкая, приторная гадость.

— Ничего, пап, потерпи, — подбодрил его Джон.

В этот момент в комнату влетела Венди. Она держала в руке стакан. В стакане было лекарство.

— Правда я быстро? — похвасталась она.

— Очень, — сказал мистер Дарлинг с иронией в голосе. — Только пусть Майкл пьёт первый.

— Нет уж, раньше ты, — заявил подозрительный по натуре Майкл.

— Меня может стошнить, — сказал мистер Дарлинг с угрозой в голосе.

— Давай, пап, — скомандовал Джон.

— Помолчи, Джон.

Венди удивилась:

— Я думала, ты его раз — и проглотишь!

— Не в этом дело. Дело в том, что у меня — пол-стакана, а у Майкла только чайная ложка. — Он едва не плакал. — Так несправедливо.

— Папа, я жду, — сказал Майкл ледяным тоном.

— Я тоже.

— Значит, ты трусишка.

— Ты сам трусишка.

— Я ничего не боюсь.

— И я ничего не боюсь.

— Тогда — пей.

— Сам пей.

Тут Венди осенило:

— А вы — не по очереди. Вы — одновременно.

— Хорошо, — отозвался мистер Дарлинг. — Ты готов, Майкл?

Венди сосчитала: раз, два, три, и Майкл проглотил микстуру, а мистер Дарлинг спрятал стакан за спину.

Майкл завопил от возмущения, а Венди прошептала с укоризной:

— Папа!

— Что «папа»? Да перестань ты вопить, Майкл. Я хотел выпить. Я просто промахнулся.

Нэна вышла из комнаты, поглядев на него с молчаливым укором. Как только дверь за ней закрылась, мистер Дарлинг зашептал заговорщически:

— Послушайте, я придумал отменную шутку. Я вылью лекарство Нэне в мисочку. Оно белое, и она подумает, что это — молоко. И выпьет.

Он так и сделал. Лекарство действительно походило на молоко — оно было густым и белым. Мистер Дарлинг засмеялся, но его никто не поддержал.

— Вот смеху-то! — сказал он.

Но все молчали и глядели на него неодобрительно. Нэна вернулась в детскую, и он сказал ей притворно-ласковым голосом:

— Нэна, собачка, не хочешь ли попить молочка?

Нэна вильнула хвостом, подбежала к своей миске и начала лакать. Потом она поглядела на него сердито. Глаза её стали влажными. Она обиженно уползла к себе в будку.

Мистеру Дарлингу было чудовищно стыдно за самого себя, но он не желал сдаваться.

Вошла миссис Дарлинг. В комнате царило молчание. Она понюхала жидкость в мисочке.

— Ох, Джордж, да ведь это же твоё лекарство!

— Я пошутил! — заорал он сердито. — Никакой возможности вас всех рассмешить! Как я ни стараюсь!

Миссис Дарлинг успокаивала мальчиков. Венди гладила Нэну.

— Гладь, гладь, балуй её, нежничай. Кто-нибудь приласкал бы меня хоть раз в жизни. Да где там! Кто я для вас? Кормилец. Рабочий скот! Кому же надо со мной нежничать!

— Джордж, — умоляла миссис Дарлинг, — потише. Слуги могут услышать.

В доме всего-навсего была одна прислуга Лиза, маленькая, как лилипутик, но они называли её торжественно — слуги.

— Пусть слышат. Созови хоть весь свет. Но я не разрешу больше этой собаке царить в нашей детской.

Дети ударились в рёв, Нэна пыталась с ним помириться, но он отогнал её от себя. Он чувствовал себя настоящим мужчиной.

— Нечего! Нечего! Твоё место — во дворе. И я тебя немедленно посажу там на цепь.

— Джордж, Джордж, прошу тебя, вспомни, что я тебе говорила о том мальчишке.

Увы, он ничего не желал слушать. Он был полон намерения всем наконец показать, кто в доме хозяин. Он приказал Нэне вылезти из будки, но она не послушалась. Тогда он выманил её всякими притворно-ласковыми словами, и когда она вылезла, схватил её и поволок вон из детской. Он ужасно себя стыдился. И всё равно не отступал. Когда он вернулся в дом, посадив Нэну на цепь, он тёр глаза кулаками и чуть не плакал.

Миссис Дарлинг сама уложила детей. В детской царил непривычная тишина. Она зажгла ночники. Было слышно, как Нэна лаяла во дворе. Джон сказал:

— Это оттого, что он её сажает на цепь.

Но Венди оказалась мудрее:

— Нет. Она не так лает, когда расстраивается. Это другой лай. Так она лает, когда чует опасность.

Опасность!

— Ты так думаешь, Венди?

— Точно.

Миссис Дарлинг вздрогнула и подошла к окну. Оно было надёжно заперто. Она выглянула в окно. Небо было густо наперчено звёздами. Они все как-то сгруппировались над домом, точно хотели увидеть, что же здесь произойдёт. Парочка самых маленьких звёздочек подмигнула ей, но она не заметила.

Правда, какой-то непонятный страх сжал ей сердце, и она воскликнула:

— И зачем только мы приняли это приглашение!

Даже Майкл, который уже почти заснул, почувствовал, что она взволнована. Он приоткрыл глаза и спросил:

— Мам, с нами ведь ничего не может случиться, раз у нас горят ночники?

— Ничего, моё солнышко, — успокоила она его. — Они — как будто мамины глазки. Они будут вас охранять.

Она обошла все три кровати и каждому сказала ласковые слова на прощание.

Майкл обнял её за шею:

— Мамочка, как я тебя люблю!

Это были последние слова, которые она от него слышала. Теперь она услышит его не скоро.

Дом двадцать семь был недалеко от их дома. Но недавно выпал снег, и они шли осторожно, чтобы не запачкать обувь. На улице уже никого не было. Только звёзды над головой.

Звезды вообще-то красивые. Но они не могут ни во что вмешиваться. Они могут только смотреть. Кажется, это для них наказание за что-то. А за что, ни одна звезда уже не в силах вспомнить. Сказать, чтобы они уж очень любили Питера, — не скажешь. Он ведь проказник. И иногда дует на них, пытаясь погасить. Но и они не прочь позабавиться, и поэтому в тот вечер они были на стороне Питера, и им очень хотелось, чтобы взрослые поскорее ушли. Так что, когда дверь в доме двадцать семь захлопнулась, в небе началось некоторое волнение, а самая маленькая звёздочка крикнула тоненьким голосом:

— Питер, пора!

Ещё несколько мгновений после того, как мистер и миссис Дарлинг ушли, ночники возле кроватей горели ярко. Это были очень симпатичные огоньки, и страшно жаль, что они проспали и не видели Питера. Но ночничок возле кровати Венди вдруг заморгал и так сладко зевнул, что заразил зевотой два других, и, прежде чем они успели дозевать, они — все три — погасли.

Теперь комната была освещена совсем другим огоньком, в тысячу раз ярче ночников. В этот самый момент, когда мы говорим о нём, он шарит по всем ящикам комода, роется в шкафу, выворачивает там все карманы наизнанку в поисках тени Питера.

На самом деле это не лампочка. Комната вся светится оттого, что свет этот мечется как сумасшедший. Но если он остановится хоть на мгновение, вы увидите, что это молоденькая фея величиной, ну, например, с вашу ладонь. Её звали Починка, потому что она умела чинить кастрюльки и чайники. Она летала от одного дома к другому (в этих домах тоже жили феи, разумеется) и своим мелодичным голоском вызванивала: «Чинить-паять, кастрюльки починять». Но друзья за этот её голосок, похожий на нежный звон колокольчика, привыкли называть её Динь-Динь. Одевалась она в короткое платьице из ажурных листиков, которое к ней, кстати сказать, очень шло и подчёркивало изящество её фигурки.

Минуту спустя после того, как фея появилась в детской, маленькие звёздочки разом подули на окно, оно растворилось и в комнату влетел Питер.

Ровно половину пути к дому Дарлингов он нёс Динь-Динь на руках, поэтому он был весь обсыпан пылью, которой обычно посыпают себя феи.

— Динь-Динь, — позвал он тихонько, после того как убедился, что ребята спят. — Динь, где ты?

Динь-Динь сидела в кувшине, и, надо сказать, ей это очень нравилось, потому что до сих пор ей никогда не приходилось попадать в кувшин с водой.

— Да вылезай ты из этого кувшина! Лучше скажи: ты нашла, куда они девали мою тень?

В ответ раздался нежный звон, как будто кто-то позвонил в маленькие золотые колокольчики. Так говорят феи. Это их язык. Он такой тихий, что обычно ребята его не слышат.

Динь сказала, что тень спрятана в большой коробке. Она имела в виду комод. Питер подскочил к комоду, выдвинул один за другим все ящики и вышвырнул их содержимое на пол. В один миг он нашёл свою тень и так этому обрадовался, что не заметил, как задвинул ящик вместе с находившейся там Динь-Динь.

Он был уверен, что как только он обнаружит свою тень, то сольётся с ней в одно целое, как сливаются в одну каплю две капли воды. Но ничего такого не произошло, и Питер страшно перепугался. Он притащил из ванны кусок мыла и попытался приклеить тень мылом. Но у него ничего не получилось. Тогда он уселся на пол и заплакал.

Он так рыдал, что разбудил Венди. Она села на кровати. Надо сказать, что она совсем не испугалась, увидев мальчишку, который плакал, сидя на полу. Ей просто стало любопытно.

— Мальчик, — сказала она очень вежливым голосом. — Почему ты плачешь?

Питер тоже умел быть вежливым, он кое-чему научился на торжествах у фей. Поэтому он встал и изысканно поклонился. Венди это очень понравилось, и она ему тоже отвесила поклон.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Венди Мойра Энджела Дарлинг, — ответила она. — А тебя?

— Питер Пэн.

— И всё?

— Да, — ответил он немножечко резко. В первый раз в жизни ему показалось, что имя его действительно коротковато.

— Прости, — сказала Венди Мойра Энджела. — Я ведь это и раньше знала.

— Чепуха, — сказал Питер.

— А где ты живёшь?

— Второй поворот направо, а дальше прямо до самого утра.

— Какой смешной адрес.

— Ничуть не смешной, — заявил он.

— Я просто подумала, как же его написать на конверте?

Она тут же пожалела, что сказала про письма, потому что он ответил презрительно:

— Мне не пишут писем.

— Может, пишут твоей маме?

— У меня нет мамы.

У него не просто не было мамы. Ему мама и не была нужна. Он вообще считал, что мама человеку ни к чему. Но Венди стало его жаль:

— О Питер, теперь я понимаю, почему ты плакал.

Она соскочила с кровати и подбежала к нему.

— Я совсем не поэтому плакал, — возмутился он. — А потому, что моя тень не хочет ко мне прилипнуть. И вообще, я вовсе не плакса.

— Она что, оторвалась?

— Да.

Тут Венди увидела, что тень валяется на полу, такая сморщенная и жалкая. Ей стало жаль Питера.

— Какой ужас, — сказала она. Но тут же улыбнулась, потому что увидела, что он пытался приклеить её мылом. «Вот мальчишка», — подумала она.

К счастью, она сразу сообразила, что надо делать.

— Её следует пришить, — сказала она взрослым голосом.

— Что значит «пришить»?

— До чего ты необразованный!

— Ничего подобного.

— Ладно, сейчас всё сделаем, малыш, — успокоила его Венди. Хотя ростом он был ничуть не меньше её.

Она достала свой игольник и напёрсток и стала пришивать тень к ногам Питера.

— Учти, будет больно.

— Не заплачу, — сказал Питер.

Он стиснул зубы и терпел. Вскоре тень была крепко к нему пришита, хоть вид у неё и был немного помятый.

— Мне бы надо её сначала погладить утюгом! — задумчиво сказала Венди.

Но Питеру, как и всякому мальчишке, было на это наплевать. Он в дикой радости заскакал по комнате. Он уже забыл, что тень ему пришила Венди.

— Какой я умный! — вопил он. — До чего умён — ужас! — и он прокричал петухом.

Приходится признаться, что он был чудовищным зазнайкой.

Венди была поражена.

— Ты, задавала! — воскликнула она. — А я, конечно, по-твоему ничего не сделала?

— Ну, немножко.

— Ах так! Ладно. Я удаляюсь.

Она прыгнула в постель и закрылась одеялом с головой.

Он сделал вид, что уходит. Но это не помогло. Венди не выглянула. Тогда он сел на краешек кровати и похлопал по одеялу босой ногой.

— Венди, — сказал он ласковым голосом, — не удаляйся, не надо. Я просто такой. Я всегда кукарекаю, когда я собой доволен.

Она не вылезла из-под одеяла, но было видно, что она прислушивается.

— Венди, — продолжал Питер, — от одной девочки больше толку, чем от двадцати мальчишек.

Венди выглянула из-под одеяла:

— Ты честно так думаешь, Питер?

— Ага.

— Какой ты хороший! Тогда я опять встаю.

Она села с ним рядышком.

— Я даже подарю тебе поцелуй.

Питер не знал, что это такое. Он протянул руку ладошкой вверх.

— Подари.

— Ты знаешь, что такое поцелуй?

— Подаришь, так буду знать.

Венди не хотела его смущать. Она протянула ему напёрсток.

— Хочешь, я тебе тоже подарю поцелуй? — сказал Питер.

Венди слегка наклонилась к нему:

— Если ты хочешь...

Питер оторвал от своей курточки жёлудь, который служил ему пуговицей, и протянул Венди.

— Спасибо. Я буду носить твой поцелуй на цепочке.

Она прикрепила его к цепочке, которая была у неё на шее. И прекрасно сделала. Как потом выяснится,

это однажды спасёт ей жизнь. Венди знала, что, когда люди знакомятся, принято спрашивать, сколько им лет. Венди была воспитанной девочкой и любила делать то, что принято. Она спросила Питера, сколько ему лет, и вдруг поняла, что спрашивать было не нужно. У него сделалось такое лицо, точно он попал на экзамен и ему достался билет про неправильные глаголы, а он хотел, чтобы его спросили про Трафальгарскую битву.

— Не знаю, — ответил он с неохотой. — Но вообще-то я ещё маленький. Я, Венди, удрал из дому в тот самый день, как родился.

Питер понизил голос:

— Я услышал, как мама и папа говорили о том, кем я буду, когда вырасту и стану взрослым мужчиной. А я вовсе не хочу становиться взрослым мужчиной. Я хочу всегда быть маленьким и играть. Поэтому я удрал и поселился среди фей в Кенсингтонском парке.

Венди поглядела на него с восторгом. Питер отнёс этот восторг за счёт того, что он не побоялся удрать из дома. Но на самом деле её восхитило знакомство с феями.

Она стала сыпать вопросами, и это немного его удивило. Для него в феях не было ничего необычного, они надоедали ему, попадались под ноги и так далее. Но вообще-то он их любил. Он рассказал Венди, как они впервые появились:

— Понимаешь, когда родился первый ребёнок на свете и он в первый раз засмеялся, то его смех рассыпался на тысячу мелких кусочков и из каждого появилось по фее. И так было задумано, чтобы у каждого ребёнка была своя фея.

— Так и получается?

— Нет. Ребята уж очень умные стали. Чуть подрастут — и уже не верят, что на свете есть феи. А стоит только кому-нибудь сказать: «Глупости, нет никаких фей», как одна из них тут же падает замертво.

Ему надоело говорить о феях. Он прислушался. Его удивляло, что Динь-Динь до сих пор ни разу не подала голоса.

— Не понимаю, куда она подевалась. Динь, где ты?

У Венди забилося сердце.

— Питер, — закричала она, хватая его за руку. — Уж не хочешь ли ты сказать, что здесь, в комнате, — фея?

— Была только что, — сказал он не без раздражения. — Ты не слышишь ничего?

Они вместе прислушались.

— Вроде звенят какие-то колокольчики, — сказала Венди. — А больше ничего.

— Тогда это и есть Динь. Она так разговаривает. Ага, мне кажется, я тоже слышу.

Звон доносился со стороны комода. У Питера вдруг сделалось весёлое лицо. Ни у кого не бывало такого весёлого лица, как у него. И какой звонкий

был у него смех! Он всё ещё умел смеяться, как смеются в первый раз в жизни.

— Венди, — прошептал он, — кажется, я задвинул её вместе с ящиком!

Он выпустил бедняжку Динь из ящика, и она заметалась в воздухе, ругая его на чём свет стоит.

— Ладно, не ругайся, — сказал Питер. — Ну, виноват, виноват. Только откуда мне было знать, что ты там сидишь?

— Питер, — попросила Венди, — пусть она постоит минутку, я хочу её рассмотреть!

— Они редко когда останавливаются, — заметил Питер.

Но на минуточку она всё же задержалась на часах с кукушкой.

— Ой, какая хорошенькая! — поразилась Венди, хотя лицо у Динь всё ещё было искажено злостью.

— Динь, — произнёс Питер дружелюбным тоном, — эта леди хочет, чтобы ты стала её феей.

Динь ответила какой-то дерзостью.

— Что она говорит, Питер?

Ему пришлось переводить:

— Она не очень-то воспитанна. Она говорит, что ты большая и безобразная девчонка. И что она — моя фея.

Он попытался её урезонить:

— Ты не можешь быть моей феей, Динь, потому что я — мужчина, а ты — женщина.

— Дурачок ты, — сказала на это Динь и упорхнула в ванную.

Венди продолжала приставать к Питеру с расспросами:

— Ты больше не бываешь в Кенсингтонском парке?

— Почему. Бываю иногда...

— А больше всего где бываешь?

— Там, где потерянные мальчишки.

— Кто они такие?

— Ребята, которые вывалились из колясочек, пока няньки зевали по сторонам. Когда ребята выпадут из коляски и их семь дней никто не хватится, тогда они отправляются в страну Нетинебудет. Я там — их командир.

— Как здорово!

— Здорово-то здорово, да скучновато. У нас ведь нет там девчонок.

— Какой ты молодец, что так говоришь про девочек. Вот, например, Джон — вон он там спит, — так он девчонок просто презирает.

Вместо ответа Питер подошёл к кровати и так лягнул Джона, что тот вывалился из кровати вместе с подушкой и одеялом.

Венди на него рассердилась.

— Ты пока что тут не командир, — сказала она недовольным тоном.

Но Джон продолжал спать на полу.

— Ладно, — сказала Венди. — Ты ведь не хотел ничего плохого. Так что можешь подарить мне поцелуй.

— А я думал, ты подарила его мне навсегда.

— Ой, я совсем забыла. Подари мне, пожалуйста, напёрсток.

— А что это ещё такое?

— Это вот что.

Венди поцеловала его в щёку.

— Подумать только! Ты хочешь, чтобы я тебе подарил напёрсток?

— Если ты сам захочешь.

Питер поцеловал её, и в ту же минуту она испуганно вскрикнула.

— Ты что, Венди?

— Кто-то больно дёрнул меня за волосы!

— Это, наверное, Динь. Она что-то сегодня как никогда развевалась.

И точно — это была Динь. Она носилась в воздухе и бранилась.

— Она говорит, что будет дёргать тебя за волосы каждый раз, как ты будешь дарить мне напёрсток.

— А почему?

— Динь, почему?

— Дурачок ты, — опять сказала Динь.

Питер не понял почему, а Венди поняла. И огорчилась. И ещё она очень огорчилась, когда он сказал,

что прилетал к ним в детскую вовсе не ради неё, а чтобы послушать сказки.

— Понимаешь, я ведь не знаю сказок. И никто из потерянных мальчишек не знает ни одной сказки.

— Вот ужас-то! — сказала Венди.

— А знаешь, почему ласточки строят гнёзда под стрехами домов? Чтобы слушать сказки. Твоя мама рассказывала тебе такую прекрасную сказку, Венди!

— Это какую же?

— Про принца, который искал девушку, потерявшую хрустальный башмачок.

— Питер, это ведь Золушка! Он её потом нашёл, и они жили очень счастливо.

Питер пришёл в такой восторг, что тут же вскочил и побежал к окну.

— Ты куда? — закричала Венди, предчувствуя что-то недоброе.

— Рассказать другим мальчишкам.

— Не уходи, Питер. Я ведь знаю ещё и другие сказки.

Она произнесла именно эти слова. Таким образом, нельзя не признать, что она сама ввела Питера в искушение и немного была сама виновата в том, что потом случилось.

Питер отошёл от окна, но в глазах его мелькнуло какое-то странное, жадное выражение. Венди надо было насторожиться. Но она не насторожилась.

— Каких только сказок я бы не порассказала мальчишкам! — воскликнула Венди.

И Питер тут же схватил её и потащил к окну.

— Отпусти сейчас же! — приказала она ему.

— Венди, летим со мной, расскажи мальчишкам сказку, — просил он.

Конечно, ей польстила такая просьба, но она возразила:

— Господи, да как же я могу? Ты подумал о маме? И к тому же я не умею летать.

— Я тебя научу.

— Летать?

— Я тебя научу запрыгивать ветру на спину. И мы тогда полетим вместе!

— Ух ты!

— Венди, ты только подумай: вместо того чтобы спать, мы могли бы летать по небу и болтать со звёздами!

— Ух ты!

— И ты бы увидела настоящих русалок.

— Русалок? С хвостами?

— Вот с такими длинными.

— Ой!

Питер старался пустить в ход всю свою хитрость:

— А как мы бы стали все тебя уважать, Венди!

Венди мучали сомнения. Похоже было, что она не согласится.

Питер продолжал безжалостно:

— Венди, ты подтыкала бы нам одеяла по ночам. Ведь нам никто никогда не подтыкал одеяла.

— Ох!

— Ты бы штопала нашу одежду. Ты бы сшила нам карманы. У нас ведь ни у кого нет ни одного кармана.

Ну как тут устоять?

— Ой, до чего ж интересно, Питер! Питер, а ты мог бы научить летать Джона и Майкла?

— Если хочешь — пожалуйста, — сказал он равнодушно. Он подошёл к мальчишкам и начал трясти.

— Вставайте! — кричала Венди. — Питер Пэн у нас. Он научит нас летать.

Джон протёр глаза.

— Встаю.

Но, собственно говоря, он уже был на полу. Майкл тоже вскочил, и сна у него не было ни в одном глазу, как будто он и не ложился.

Но Питер вдруг сделал знак замолчать. Все стали напряжённо прислушиваться. Вроде бы стояла мёртвая тишина. Вроде всё в порядке. Нет, постойте. Не всё в порядке. Дело в том, что Нэна, которая отчаянно лаяла весь вечер, вдруг затихла. Вот эту-то тишину они и уловили.

— Гасите свет. Прячьтесь! — распорядился Питер.

Когда в спальню вошла Лиза, держа Нэну за ошейник, казалось, что все трое спят как ангелы и тихонько сопят во сне. Они и в самом деле сопели. Но

только понарошку, не в постелях, а спрятавшись за занавесками.

Лиза была сердита: она сбивала на кухне сливки для рождественского пудинга, а Нэна мешала ей своими, как ей казалось, бредовыми тревогами. Ей пришлось бросить работу. Тесто перестаивалось. Она решила, что уж лучше сведёт Нэну на минуточку в детскую, крепко держа за ошейник, конечно.

— Ну вот, дурёха. Ничего не случилось. Все твои ангелочки спят в своих постелях.

Тут Майкл так старательно засопел, что чуть было не испортил всё дело. Нэна знала эти фокусы. Она стала рваться у Лизы из рук. Но Лиза держала крепко.

— Ну, хватит, Нэна, — сказала она и вытолкала собаку из детской. — Или ты замолчишь, или я пожалуюсь хозяину, и ты получишь трёпку.

Она снова привязала несчастную собаку во дворе. Нэна не успокоилась. Она залаяла ещё громче. Пусть хозяева зададут ей хорошую трёпку, только пусть скорее бегут домой из гостей и спасут детей.

Но Лиза не выполнила угрозу и вернулась на кухню к своим пудингам. Нэна поняла, что помощи ждать неоткуда. Она стала рваться с цепи, и наконец её усилия увенчались успехом. Уже через мгновение она ворвалась в гостиную дома номер 27, и мистер и миссис Дарлинг поняли, что с детьми случилось что-то ужасное. Они выскочили на улицу, даже забыв попрощаться с хозяйкой.

С тех пор как Нэна побывала в детской, прошло целых десять минут. А Питер Пэн может достичь за десять минут очень многого.

Но давайте посмотрим, что произошло в детской.

— Всё в порядке! — объявил Джон, выходя из укрытия. — Слушай, Питер, ты в самом деле умеешь летать?

Не утруждая себя ответом, Питер облетел комнату.

— Вот это да! — закричали Джон и Майкл.

— Как это прекрасно, — отозвалась Венди.

— Я прекрасен, и это всем известно, — опять позабыл о скромности Питер.

Казалось, что летать совсем нетрудно, и они попробовали, подпрыгивая сначала на полу, а потом — на кроватях. Но у них ничего не выходило. Они падали.

— Вы просто подумайте о чем-нибудь хорошем, ваши мысли сделаются лёгкими, и вы взлетите.

Он снова немного полетал по комнате.

— погоди, не мелькай, — попросил Джон. — Покажи всё сначала и медленно.

Питер снова показал. И медленно. И быстро.

— Я, кажется, понял, Венди! — закричал Джон.

Но он ничего не понял. Никто из них ничего не мог понять, хотя даже Майкл уже умел читать двусложные слова, а Питер не отличал А от Б.

В общем-то, Питер их дурачил. Ни один человек не сможет взлететь, пока его не посыплют пылью, которой обсыплются феи.

К счастью, он весь был перепачкан такой пылью. Он просто подул себе на руку, и пыльца осела на всех троих.

— Теперь поведи плечами и расслабься, — командовал он.

Первым всё это проделал Майкл. Его тут же подкинуло вверх.

— Я летаю! — взвизгнул он от восторга.

Джон и Венди проделали то же самое.

— Как здорово!

— Ух ты!

— Гляди, я летаю!

— И я!

У них получалось не так складно, как у Питера. Они болтали в воздухе ногами, но головы их касались потолка, точно воздушные шарики. И это было очень приятно.

Питер взял было Венди за руку, но Динь пришла от этого в такую ярость, что он разжал кисть.

Они подлетали кверху, потом вновь опускались, и снова — вверх, и вокруг комнаты.

— Послушайте, почему бы нам не полетать снаружи, — вдруг сообразил Джон.

Питер как раз этого и добивался.

Майкл готов был вылететь хоть сию минуту — он хотел выяснить, за какое время он пролетит миллиард миль. Но Венди всё ещё сомневалась.

— А русалки? — подначивал Питер.

— О!

— К тому же — там есть пираты.

— Пираты! — закричал Джон, надевая свою шляпу для воскресных прогулок. — Летим немедленно!

В это самое мгновение мистер и миссис Дарлинг выбегали из дома номер двадцать семь. Они сразу же выскочили на мостовую, чтобы поглядеть на окно детской. Оно было закрыто, но в комнате полыхал свет, и самое ужасное заключалось в том, что они разглядели три фигурки, которые кружились по комнате, но не по полу, а под потолком.

Ой, нет, не три, а четыре!

Дрожащими руками они открыли парадную дверь. Мистер Дарлинг хотел ринуться вверх по лестнице, но миссис Дарлинг сделала ему знак, чтобы он подкрался потихонечку. Она даже пыталась заставить своё сердце стучать потише.

Успеют ли они вовремя добраться до детской?

Прекрасно, если успеют. Мы тогда вздохнём с облегчением, но зато не получится никакой сказки. Но если не успеют, не пугайтесь. Я вам торжественно обещаю, что всё кончится благополучно.

Они бы добрались вовремя, если бы не звёзды. Они всё время наблюдали за ними. Звёзды снова подули на окно и распахнули его, а самая маленькая звёздочка пискнула:

— Давай, Питер!

И Питер понял, что нельзя уже терять ни секунды.

— В путь! — крикнул он повелительным голосом и тут же выплыл по воздуху прямо в ночь, а Венди, Джон и Майкл вылетели следом.

Мистер и миссис Дарлинг и Нэна вбежали в детскую. Слишком поздно. Птички выпорхнули из гнезда.

Второй поворот направо, а дальше прямо до самого утра. Питер сказал, что это и есть то место, где находится остров Нетинебудет. Но даже птицы, на что умеют находить страны и острова по своим птичьим картам, — даже птицы не смогли бы ничего отыскать по такому адресу. Строго говоря, никакой это и не был адрес. Просто Питер сболтнул, что ему в тот момент пришло в голову. Он частенько проделывал такие вещи.

Но поначалу Венди и мальчики верили каждому его слову.

Сейчас они кружили в свободном полёте, не жалели времени даже на то, чтобы облетать колокольни и острые шпили зданий, и смеялись над собой, что ещё совсем недавно радовались полёту всего лишь под потолком своей детской. А когда было это «недавно», они и сами не знали. Они всё летели и летели. Временами становилось темно, потом опять светло, было то холодно, то снова тепло.

Джону казалось, что они пролетели уже сквозь три ночи и пронесли над двумя морями.

Иногда они чувствовали голод. Тогда Питер очень смешно их кормил. Он гнался за какой-нибудь птицей, которая несла в клюве что-нибудь съедобное, и отнимал еду. Птица гналась за ним, догоняла его, отбирала пищу, а Питер снова её нагонял, и так они радостно летали друг за другом, а потом, весёлые и довольные, расставались. Венди немножко пугал такой способ добывать еду, тем более что ей показалось, что Питер другого и не знает.

Иногда они засыпали на лету, что было очень опасно, потому что при этом они начинали падать с головокружительной высоты, а самое страшное было то, что Питеру это казалось забавным.

— Эй, глядите, опять он полетел вниз! — вопил он в восторге, когда задремавший Майкл камнем устремился вниз.

— Сейчас же спаси его! — кричала Венди, с ужасом глядя на холодное, злое море под ними.

В конце концов Питер «нырял» за ним вслед и подхватывал его в последнюю минуту, когда он уже вот-вот должен был стукнуться о поверхность воды. Надо сказать, делал он это очень изящно и ловко. Но Венди сердилась на него, потому что он уж очень при этом любовался собой, и покрасоваться ему было важнее, чем спасти человеку жизнь.

Питер-то мог сколько угодно спать в воздухе не падая. Он просто ложился на спину и как будто плыл. Происходило это частично оттого, что сам он был лёгонький, как пушинка.

— Венди, вели, чтобы он перестал воображать, — сказал Джон.

— Тихо, — шепнула Венди. — Не ссорься с ним. Представь себе, если он нас здесь бросит!

— Тогда мы вернёмся назад.

— Как же мы без него найдём дорогу?

— Ну, тогда мы полетим дальше.

— В том-то и ужас, что нам придётся лететь всё дальше и дальше. Мы же не знаем, как нам остановиться.

И это было в самом деле так. Питер позабыл показать, как надо останавливать полёт.

— Уж на самый худой конец, — сказал Джон, — мы будем лететь, и лететь, и облетим Землю — она же круглая, — и вернёмся домой с другой стороны.

— А кто будет нас кормить?

— Мы сами. Видала, как я ловко отнял добычу у орла?

— Да-а. С двадцатой попытки. И если даже мы сами научимся добывать еду, гляди, как мы неуклюже летаем — вечно натыкаемся на облака, если Питера нет рядом и никто не ведёт нас за руки.

И действительно, они всё время налетали на облака, и царапались о них, и наставляли себе синяки и шишки.

Питер иногда улетал от них, потому что умел летать гораздо быстрее. Иногда он вдруг раз — и скроется из виду. Какие-то у него там происходили свои приключения, о которых он им не находил нужным рассказывать. А случалось и так, что, возвратившись, он как-то странно смотрел на них, точно успевал забыть, кто они такие. У него делались какие-то чужие, незнающие глаза. Венди даже однажды перепугалась и крикнула ему:

— Я — Венди, разве ты забыл?

Питер очень смутился и попросил прощения:

— Пожалуйста, Венди, когда тебе покажется, что я тебя забыл, ты крикни: «Я — Венди». И я сразу же вспомню.

Всё это было как-то тревожно.

Так они летели и летели и уже стали приближаться к острову Нетинебудет. И не столько потому, что Питер и Динь хорошо знали дорогу, сколько оттого,

что остров сам отправился им навстречу. Он сам искал их в пространстве.

Надо сказать, что только в этом случае и можно достичь его волшебных берегов.

— Вот он виднеется, — сказал Питер будничным голосом.

— Где? Где?

— Там, куда показывают все стрелки.

И действительно, миллион золотых стрелочек указывал детям в сторону острова. Это их друг солнышко направило стрелки, чтобы помочь им найти дорогу, прежде чем самому лечь спать.

Вам может показаться странным, но они сразу узнали остров, точно они на нём когда-то побывали и теперь возвратились обратно.

— Джон, смотри, вон твоя перевёрнутая лодка!

— Майкл, гляди, вон твой вигвам!

— Посмотри, Венди, из твоего шалаша выходит ручной волк!

— Ой, Джон, я вижу поселение индейцев.

— Где, где? Дай я посмотрю. Я тебе сразу скажу по форме дыма, вышли ли они на военную тропу.

— Вон там, за Волшебной рекой.

— Вижу. Ого! Краснокожие — на военной тропе!

Питеру было слегка досадно, что они так много знают про его остров. Он хотел было с ними поссориться, но все трое ребят вдруг как-то странно притихли.

Солнечные стрелки погасли, солнце скрылось, стало темнеть.

На них вдруг напала тоска. Конечно, они давно были знакомы с островом Нетинебудет. Но там, дома, в детской, он был какбудтошний и нестрашный, и рядом была Нэна, и горели ночники.

Питер тоже как-то посерьёзнул. Ничто вроде бы не мешало им продвигаться, но полёт вдруг замедлился, точно в воздухе какие-то недобрые силы противились им.

— Они не хотят, чтобы мы приземлились.

— Кто они? — спросила Венди.

Питер промолчал. Он пристально смотрел на землю и не терял присутствия духа.

— Что бы ты хотел сначала, — спросил он Джона спокойным голосом, — чтобы с нами приключилось приключение или лучше сперва попить чаю?

— Попить чаю, — ответила за него Венди.

— А какое приключение? — спросил Джон осторожно.

— Там внизу, в пампасах, спит пират. Если хочешь, спустимся и убьём его.

— Я его не вижу, — сказал Джон, помолчав немного.

— Я вижу.

— А если он проснётся?

— Ты что же думаешь, — возмутился Питер, — я стану убивать человека, когда он спит? Я сначала сам его разбужу!

— А тут много пиратов? — спросил Джон опасно.

— Куча.

— А кто их предводитель?

— Капитан Крюк.

— Джек Крюк?! Знаменитый пират из книжки?

— Так точно.

Майкл, тот просто сразу заревел, а Джон мог говорить только с остановками, переводя дыхание, потому что им прекрасно была известна репутация пирата Джека Крюка.

— Это тот, кто служил боцманом у самого капитана Чёрная Борода? — прошептал Джон. — Он же страшнее всех! Его боялся даже бесстрашный Жареный Бык!

— Тот самый и есть, — подтвердил Питер.

— А как он выглядит? Он большой?

— Стал чуточку поменьше.

— Как это?

— Я откромсал от него кусочек.

— Ты?

— Я! — ответил Питер резко.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Ладно уж.

— А что же ты у него отрезал?

— Правую руку.
— И теперь он не может сражаться?
— Как бы не так!
— Он что, левша?
— У него теперь вместо руки — железный крюк, он как коготь.

— Коготь!
— Послушай, Джон!
— Да?
— Ты мне теперь должен говорить: «Есть, сэр!»
— Есть, сэр!
— Вот что. Всякий, кто служит под моей командой, дал мне обещание. И ты тоже должен дать.

Джон побледнел.

— Оно заключается в следующем. Если мы встретимся с Джезом Крюком в открытом бою, ты не должен его убивать. Это сделаю я.

— Есть, сэр! — быстренько согласился Джон.

Сейчас им было не так жутко, потому что Динь летела рядом, и в её свете они ясно различали друг друга. Она слетала на остров и теперь что-то сообщала Питеру своим колокольчиковым голосом.

— Она говорит, — переводил Питер, — что пираты засекли наше приближение, и теперь они выкатывают Большого Тома.

— Пиратскую пушку?

— Ага. Им с земли виден огонёк Динь. И если они сообразят, что мы летим рядом с ней, они дадут залп.

— Вели ей улететь отсюда, Питер! — закричали Майкл, Джон и Венди разом.

Но он отказался:

— Она сама напугана. Не думаете ли вы, что я могу отослать её одну, неведомо куда, когда ей и так страшно?

В этот момент свет заколебался в воздухе и кто-то ласково, легонечко ущипнул Питера.

— Тогда скажи ей, — умоляла Венди, — чтобы она погасила свет.

— Она не может. Это почти единственная вещь, которую феи не могут сделать сами. Он гаснет сам по себе, когда они засыпают.

— Тогда вели ей заснуть, — почти что скомандовал Джон.

— Не может она спать, пока ей не захочется. Это, пожалуй, вторая вещь, которую феи не могут сделать. Если б у кого-нибудь из нас был карман, её можно было бы туда засунуть.

Но вы помните — они вылетели в такой спешке, что переодеваться было некогда. Так что на всех четырёх не нашлось ни одного кармана.

Вдруг Питера осенило. Шляпа!

Динь согласилась туда залезть. Правда, шляпа так и осталась в руках у Джона, а она-то надеялась, что её понесёт Питер. Но вот Джон обо что-то стукнулся коленкой, и Венди взяла у него шляпу из рук.

Ах, не надо было этого делать! Потому что из-за этого случилась беда.

Благодаря шляпе огонька не было видно, и они летели в полной темноте. К тому же было удручающе тихо. Только один раз они услышали странные звуки. Внизу что-то хлюпало. Питер сказал, что это дикие звери лакают воду у брода. Да ещё показалось, что сухие деревья скрипят сучьями, но Питер объяснил, что это краснокожие точат ножи.

Потом опять наступила мёртвая тишина.

— Хоть бы раздался какой-нибудь звук, — сказал Майкл.

И словно в ответ воздух содрогнулся от страшного взрыва. Пираты выстрелили по ним из Большого Тома.

Гул пронёсся по горам, казалось, что эхо без конца повторяет грозным голосом: «Где они, где они, где они?»

Венди, Джон и Майкл, перепуганные насмерть, ясно ощутили разницу между островом понарошку и тем, когда он, придуманный ими самими, вдруг становится существующим на самом деле.

Когда небеса понемножку успокоились, Джон и Майкл оказались одни в полной темноте.

— Майкл, нас застрелили? — спросил Джон дрожащим шёпотом.

— Я ещё не понял, — таким же шёпотом ответил Майкл.

Сейчас-то мы уже знаем, что никто тогда не был ранен, только Питера взрывной волной понесло в сторону открытого моря, а Венди подкинуло вверх, и она оказалась наедине с Динь-Динь.

Лучше бы Венди в тот момент выронить шляпу из рук.

Никому не известно, обдумала ли Динь свой коварный план заранее, но она выпорхнула из шляпы и полетела, указывая Венди дорогу и стараясь заманить её туда, где её ждала гибель.

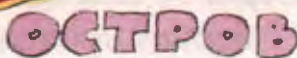
Нельзя сказать, чтобы Динь была такая уж плохая. Вернее сказать так: в этот момент Динь была вся насквозь плохая. Всё дело в том, что феи такие маленькие, что в них помещается только одно чувство — либо злое, либо доброе. Они могут изменяться. Но только изменяться им приходится целиком.

Сейчас Динь была вся заполнена ревностью. Какие слова она говорила на своём колокольчиковом языке, Венди понять не могла. Но ей казалось, что огонёк феи ей подмигивает и сообщает: «Лети за мной вслед, и всё будет хорошо».

А что было делать бедной Венди?

Она позвала Питера, потом окликнула Майкла и Джона. Но только эхо её передразнило, и никто не отозвался. Она пока ещё не понимала, как её ненавидит фея Починка, сокращённо Динь-Динь. Испуганная и потерянная, она летела вслед за её огоньком навстречу своей судьбе.

Всѣмъ дѣлѣшныѣмъ.

Надо сказать, что, когда Питер отсутствовал, жизнь на острове замирала.

69

палец. Другое дело, когда тут бывал Питер. Он терпеть не мог спокойствия. И теперь, когда он был уже близко, все обитатели острова зашевелились.

В тот вечер основные силы острова располагались следующим образом.

Потерянные мальчишки разыскивали место, где приземлится Питер, пираты разыскивали мальчишек, краснокожие разыскивали пиратов, дикие звери разыскивали краснокожих, чтобы их съесть. И все они ходили и ходили по кругу, потому что двигались с одинаковой скоростью.

Если мы сейчас с вами вообразим, что укрылись в зарослях сахарного тростника, то мы увидим, как мимо, крадучись, проходят мальчишки, по одному, в затылок, и каждый держит в руках кинжал. Поскольку им категорически запрещено быть похожими на Питера, то они одеты не в листья, а в медвежьи шкуры. Первым проходит Болтун. Он вполне отважный парень, только ужасно невезучий. Он испытал меньше всех разных приключений, потому что важные события чаще всего совершаются тогда, когда Болтун только что завернул за угол. Например, когда всё спокойно и благополучно, Болтун идёт поднабрать хвороста для костра. И вдруг — трах! — тут-то всё случается. Он приносит хворост и выясняет, что великая битва с пиратами произошла как раз без него. Но он от этого не ожесточился. Даже наоборот. Я бы сказал — подобрел.

Бедный добрый Болтун. Над ним нависла опасность. Фея Динь-Динь ищет орудие мщения, а простодушного Болтуна легче всего провести!

Если бы он мог нас услышать, мы бы крикнули ему: «Берегись феи Динь-Динь!» Но мы не можем этого сделать — ведь на самом-то деле мы не на острове.

Следом идёт Кончик, самый весёлый и жизнерадостный, а за ним — Малышка. Ему кажется, что он хорошо помнит то время, когда он ещё не потерялся, и поэтому поглядывает на всех сверху вниз. Четвёртым шагает Кудряш. Он такой отчаянный озорник и так часто несёт наказание за своё озорство, что, когда Питер требует: «Пусть встанет тот, кто это натворил», Кудряш тут же вскакивает, не задумываясь над тем, кто виноват на самом деле. Дальше идут Двойняшки. Их бессмысленно описывать, потому что обязательно окажется, что говоришь не про того, а про другого.

Мальчишки уходят в темноту, дорóга минуту остаётся пустой и мрачной. Но ровно через минуту на ней появляются пираты. Но прежде чем их увидеть, мы услышим их ужасную песню:

Йо-хо, поднимем якоря,
Мы чёрные пираты.
Нас ждут кровавые моря,
Йо-хо, крепи канаты!

Свет не видел такого кровожадного, злого и бесстыжего сброда! Они всем хорошо известны по книжкам про пиратов! Первым вышагивает итальянец Чекко — рукава закатаны по локоть, в ушах — огромные круглые серьги из золотых монет, за ним, чуть отставая, топают огромный негр, который сменил столько имён, что и сам не помнит, как его зовут. Дальше следует Билл Джукс, весь с ног до головы покрытый татуировкой, а сразу за ним идёт Коксон. Говорят, что он — родной брат знаменитого кровавого Чёрного Мерфи, но это пока что не доказано. Его догоняет джентльмен Старки, который некогда был учителем в младших классах. Кажется, он всё ещё сохраняет свою манеру убивать изысканно и утончённо. Чуть поотстав, идёт Сми, в отличие от других, он убивает свою жертву попросту, не издеваясь над ней. Но это далеко не все. За ними топают Робт, Муллинз, Элф Мейсон и много других негодяев, которых хорошо знают и которых смертельно боятся жители побережий.

Весь этот сброд вышагивает не просто так. Они волокут на верёвках грубо сколоченную колесницу, в которой развалясь сидит их предводитель капитан Джеймс, или, как он сам себя называет, Джекз Крюк. Вместо правой руки у него — железный крюк, которым в данный момент он погоняет свою банду. Он обращается со своими людьми жестоко и бесчеловечно. И они его боятся и слушаются. Кожа капитана

мертвенно бледна, чёрные волосы, завитые в локоны, спадают на плечи, глаза его незабудкового цвета. Всё это вместе производит ужасающее впечатление. Да, надо ещё добавить, что он всегда потрясаяще вежлив, даже со своей жертвой, которую он через мгновение отправит на тот свет. Во рту он держит особое приспособление своего собственного изобретения, с помощью которого он может курить одновременно две сигары.

Таков тот ужасный человек, с которым Питеру Пэну предстоит жестокая борьба. Кто из них победит?

По той же самой тропе в полной темноте, легко ступая, крадутся индейцы. В руках у каждого — томагавк и нож. Их голые тела — в боевой раскраске. Возглавляет шествие Великая Маленькая Пантера, храбрый вождь, а замыкает — Тигровая Лилия, принцесса, отважная, холодная, весёлая. Нет такого индейца, который не предлагал бы ей стать его женой. Но она отгоняет их от себя, как мух. Шаги индейцев не слышны вовсе, слышно только дыхание. Они слегка попыхивают, потому что растолстели от своих пиров. Но ничего — они скоро похудеют.

Краснокожие исчезают, точно тени, и на их месте на траве появляются дикие звери: львы, тигры, медведи и прочие, более мелкие хищники. Они тяжело дышат, высунув языки. В эту ночь все они голодны.

Когда они проходят, показывается фигура огромного крокодила. Скоро мы узнаем, за кем он охотится. Крокодил уходит, а на тропе снова появляются мальчишки.

И так они будут ходить по кругу, пока кто-нибудь из пиратов не споткнётся и движение не замедлится. Тогда разразится бой. Но пока что все идут размеренно. Все зорко глядят вперёд, и ни один не понимает, что опасность может подкрадываться сзади. Это лишний раз доказывает, что остров Нетинебудет — всамделишный.

Первыми из движения выпали мальчишки. Они плюхнулись на лужайку недалеко от их подземного обиталища.

— Хоть бы уж Питер скорей возвращался, — встревоженно повторял каждый из них. Хотя, надо заметить, каждый был и выше ростом и шире в плечах, чем их командир.

— Я единственный из вас, кто не боится пиратов, — заметил Малыш довольно противным голосом. — Но всё равно мне бы тоже хотелось, чтоб он вернулся. Он бы рассказал нам, что там дальше случилось с Золушкой.

Они ещё немножко поговорили о Золушке. Болтун сказал, что он уверен, что его мама очень на неё похожа.

— А я не помню, — сказал Кончик. — Помню только, что она всё время говорила: «Иметь бы мне

собственные деньги». Я не знаю, что значит «собственные деньги», но я с удовольствием бы их ей подарил.

Вдруг они услышали какой-то отдалённый звук. Мы с вами, чей слух не изощрён жизнью в диких лесах, вряд ли бы что-нибудь разобрали. Но они вскоре отчётливо слышали звуки мрачной песни:

Коль вы не спрятались в до́мá,
Пусть не ждут от вас вестей.
На нашем флаге смерть сама
И парочка костей.

И тут же мальчишки... Пойдите, а где же они?

Я вам расскажу где.

Все, кроме Кончика, который отправился в разведку, уже укрылись в своём жилище под землёй. Как же они туда попали? Никакой двери нигде не видно. Ни, например, вязанки хвороста, которую отодвинешь — а там вход в пещеру. Однако приглядитесь попристальнее. Вы увидите семь больших деревьев, а в каждом из них дупло, как раз величиной с мальчишку. Это и есть вход в их жильё, который капитан Крюк бесплодно разыскивает вот уже несколько месяцев. Обнаружит ли он его этой ночью?

Пока пираты шли, острый глаз джентльмена Старки заметил Кончика, который быстро уда-

лялся в сторону леса. В ту же секунду холодным блеском сверкнул его пистолет, но железный коготь лёг ему на плечо.

— Отпусти, капитан! — закричал Старки.

В первый раз мы сейчас услышим голос капитана. Это очень мрачный голос.

— Сначала убери пистолет, — сказал он, и в тоне его звучала угроза.

— Но это же один из ненавистных мальчишек! Я упустил случай его убить.

— Твой дурацкий выстрел обнаружил бы нас перед Тигровой Лилией! Тебе не терпится, чтобы с тебя сняли скальп?

— Может, я догоню его, капитан, — предложил Сми, — и пощекочу его Джонни-штопором?

Сми всегда придумывал милые прозвища разным вещам. Джонни-штопором он называл свой тесак.

— Джонни у меня тихий парнишка, — напомнил он капитану.

— Не сейчас, Сми, — мрачно отозвался капитан. — Он ведь сейчас один, а мне нужны все семеро разом. Разойдитесь и выследите их.

Пираты один за другим исчезли в лесу. Капитан Крюк и Сми остались наедине. Капитан вздохнул. И может, оттого, что вечер был так тих и прекрасен, ему вдруг захотелось поведать верному боцману историю своей жизни. Он долго что-то рас-

сказывал, но Сми, который был от природы глуповат, ничего не понял. Вдруг слух его уловил слово «Питер».

— Больше всех я хочу изловить их командира, Питера Пэна, — страстно говорил капитан. — Это ведь он отсёк мне правую руку. Я очень долго дожидался, пока пожму его руку вот этим.

Он показал на свой железный коготь.

— Я проткну его этим крюком!

— А ты говорил, что это очень удобная вещь — крюк? — вставил Сми.

Но капитан продолжал:

— Дело не в этом. Удобная, я и не отрицаю.

Он понизил голос:

— Всё дело в том, что Питер бросил отрезанную руку крокодилу, который, к несчастью, оказался рядом.

— Я заметил, что ты как-то странно боишься крокодилов, — сказал Сми.

— Не крокодилов, — поправил его Крюк, — а крокодила.

Он перешёл на шёпот:

— Ему так пришлась по вкусу моя рука, что он теперь всюду меня подстерегает, таскаясь за мной по морям и по суше, и облизывается, предвкушая, как он меня съест.

— Вроде бы это делает тебе честь, — сказал Сми.

— Плевал я на такую честь! — рявкнул Крюк. — Я должен уничтожить Питера, который дал этому гаду отведать моего мяса.

Крюк сидел на шляпке большущего гриба. Он заёрзал на нём, ещё ближе подвинулся к своему боцману.

— Сми, — сказал он еле слышно, — этот крокодил давно бы меня съел, но, к счастью, он умудрился проглотить часы, и теперь они тикают у него внутри и предупреждают меня о его приближении.

Он засмеялся, но смех его был мрачен.

— Когда-нибудь, — сказал Сми, — часы испортятся и тогда он тебя изловит.

Крюк облизал пересохшие губы.

— В том-то и дело. Этот страх и преследует меня постоянно.

Вдруг Крюк почувствовал, что его как-то странно подогревают снизу.

— Сми, — сказал он, — шляпка этого гриба горячая!

Они внимательно оглядели гриб, который был величиной с нашу табуретку. Таких грибов не бывает в обычных лесах. Они попробовали его сорвать, и он легко поддался, потому что вовсе не имел корней. Но из того места, где «рос» гриб, вдруг повалил дым. Пираты переглянулись.

— Это же печная труба! — догадались они одновременно.

И в самом деле, им удалось обнаружить трубу подземного дома.

Мальчишки обычно затыкали трубу грибом, когда поблизости оказывались пираты. Но не только дым поступал из подземной трубы. Были слышны ещё мальчишечьи голоса, потому что они чувствовали себя в безопасности и весело болтали. Пираты некоторое время мрачно прислушивались к разговору. Потом они снова заткнули трубу грибом. Они стали пристально разглядывать всё вокруг и вдруг заметили в семи деревьях по дуплу.

Капитан Крюк стоял некоторое время погружённый в раздумья. Его бледное лицо исказила такая улыбка, что кровь от неё стыла в жилах. Сми этого и ждал.

— Поделись со мной твоим планом, капитан. Что ты намерен делать?

— Возвратиться на корабль, — сказал капитан Крюк, цедя слова сквозь зубы. — Испечь жирный торт и покрыть его зелёной сахарной глазурью. Теперь рассуждай. Вряд ли в их доме под землёй построено семь помещений. Там наверняка одна комната на всех. А эти дураки сделали семь дверей, не сообразив, что достаточно одной на всех. А это показывает, что ни у одного из них нет матери. Мы оставим торт на берегу, возле русалочьей лагуны, где они любят купаться. Они тут же слопают весь торт, пото-

му что у них нет матери, которая объяснила бы им, как вредно наедаться жирным свежим тортом.

Он разразился смехом. И смех его на этот раз был искренним и счастливым.

— И они все разом помрут.

Сми слушал своего капитана с возрастающим восхищением.

— Это самое мудрое пиратское убийство из всех, что я знаю.

От восторга он начал плясать и петь:

Йо-хо, йо-хо, всегда вперёд,
Я покажу вам трюк:
Вы вмиг зазнётесь, как пожмёт
Вам лапу славный Крюк!

Они только вошли во вкус и запели было второй куплет, но вдруг разом смолкли. Они что-то услышали. Сначала это был такой тонюсенький звук, что опавший листик мог заглушить его своим шелестом. Но звук приближался и становился отчётливее. Тик-так, тик-так, тик-так.

Крюк застыл на месте с поднятой ногой.

— Крокодил, — прошептал он, задыхаясь, и помчался прочь, и боцман Сми за ним.

Это и в самом деле был крокодил. Он не тронул индейцев, и они продолжали охотиться за остальными пиратами. Он неслышно пробирался по мягкому илу в

поисках капитана. Мальчишки снова вышли из своего укрытия, но все опасности, которые готовила для них эта ночь, ещё не были исчерпаны.

На поляну с криком ворвался Кончик, преследуемый стаей волков. Он повалился прямо в траву им под ноги.

— Спасите меня, спасите! — вопил он.

— Что же нам предпринять? — недоумевали мальчишки.

И тогда кто-то из них спросил:

— А как в этом случае поступил бы Питер?

И все сразу догадались:

— Он поглядел бы на них из-под коленок!

Они немедленно повернулись к волкам спиной, все разом наклонились и, глядя на волков между колен, стали на них наступать.

Прошла всего минута, но минута эта была необыкновенно длинной. Волки не выдержали такого ужасающего зрелища. Они бросились наутёк, поджав хвосты.

Кончик встал с земли, и глаза его были устремлены в темноту. Все подумали, что он всё ещё видит перед собой волков. Но это были вовсе не волки.

— Я видел удивительную штуку, — сообщил он окружающим его мальчишкам. — Это была большая белая птица. И она летела сюда.

— Что за птица?

— Понятия не имею. Но она такая большая и белая, она летит и всё время стонет: «Бедная Венди».

— Я помню, — заявил Малыш. — Есть такая порода птиц — венди. Это летит птица вендь. Глядите, глядите!

Венди оказалась почти совсем у них над головой, и они отчётливо слышали, как она плачет. Но ещё отчётливей донёсся до них пронзительный голос Починки. В злости она совсем перестала скрывать свои чувства. Она налетала на бедную Венди с разных сторон и больно её щипала.

— Эй, Динь, привет! — закричали несколько изумлённые мальчишки.

И она крикнула им в ответ:

— Питер велел, чтобы вы застрелили Венди!

У них не было причин задавать вопросы, когда Питер что-то им приказывал.

— Скорей, — закричали они, — принесём луки и стрелы!

И кинулись каждый к своему дуплу. Все, кроме Болтуна. У него лук и стрелы были с собой. Динь увидела это. Она уже потирала свои ручки, предвкушая победу.

— Быстрей, Болтун! — закричала она. — Опереди их, и Питер останется очень тобой доволен.

Болтун приложил стрелу и натянул тетиву.

— С дороги, Динь! — крикнул он.

Венди упала в траву, и стрела была у неё в груди.

Маленький домик

Дурачок Болтун стоял рядом с Венди в позе победителя, когда остальные с луками и стрелами выскочили каждый из своего дупла.

— Поздно, поздно! — крикнул он им с видом победителя. — Я уже застрелил её. Питер будет доволен мной больше всех!

Пролетая над его головой, Динь-Динь закричала: «Дурачок ты!» — и скрылась. Никто её не услышал, потому что все столпились вокруг Венди. Страшная тишина опустилась на лес. Если бы сердце Венди билось, они бы, наверно, услышали.

Малыш заговорил первым.

— Это никакая не птица, — сказал он испуганным голосом. — Это тётенька.

— Как — тётенька? — задрожал от страха Болтун.

— Мы её убили, — хрипло заметил Кончик.

Они сорвали с себя шапки.

— Всё ясно, — сказал Кудряш. — Питер привёл её сюда для нас.

И он в отчаянии шмякнулся на землю.

— Тётенька, которая наконец взяла бы на себя заботу о нас, — сказал один из Двойняшек. — А ты её убил.

Им, конечно, было жаль Болтуна. Но ещё жальче самих себя. Когда он приблизился к мальчишкам, они от него отвернулись.

Болтун был бледный, губы сжаты. В его лице появилось даже какое-то скрытое достоинство, которое раньше не замечалось.

— Это я сделал беду, — произнёс он. — Когда по ночам тётенька являлась ко мне во сне, я шептал: «Милая мамочка, милая мамочка». А когда она явилась на самом деле, я её застрелил.

И он медленно пошёл прочь.

— Куда же ты, не уходи! — закричали остальные.

— Уйду, — сказал он. И голос его дрогнул. — Я ужас как боюсь Питера.

И в этот самый трагический момент они услышали знакомый звук, и душа у них немедленно ушла в пятки. До них донеслось кукареканье.

— Питер! — воскликнули они.

Он всегда возвещал им о своём прибытии кукареканьем.

— Прячьте её, — зашептали они, и все стали стеной возле Венди. Только Болтун остался стоять в стороне.

Снова раздался громкий петушиный крик, и Питер оказался перед ними.

— Здорово, ребята! — крикнул он, и они механически ответили на приветствие, а потом снова наступила тишина.

Он нахмурился.

— Я же вернулся, — сказал он сердито, — почему я не слышу приветствий?

Они было открыли рты, чтобы крикнуть «ура», но звука не получилось.

— Большие новости, ребята, — оживлённо говорил Питер. — Я наконец добыл маму для вас всех.

Ему ответило всё то же молчание, только было слышно, как Болтун шлёпнулся на колени.

— Вы её не видели? — спросил Питер, начиная беспокоиться. — Она летела сюда.

— О господи, — сказал кто-то, а кто-то добавил: — Какой печальный день.

Болтун встал с колен.

— Питер, — сказал он тихо. — Я тебе её покажу.

Мальчишки всё ещё стояли вокруг Венди, загоразживая её.

— Посторонитесь, Двойняшки, — сказал Болтун. — Пусть Питер посмотрит.

Они все отошли в сторону. Питер поглядел на Венди некоторое время. Он не представлял себе, что же теперь делать.

— Она умерла, — сказал он, чувствуя себя очень неуютно. — Может быть, ей страшно быть мёртвой?

Ему вдруг захотелось отпрыгнуть подальше и бежать, бежать, пока совсем не потеряется из виду, и больше уже никогда не возвращаться. Они бы все с радостью побежали за ним. Но он не трогался с места. Он вытащил стрелу у неё из сердца и повернулся к своей команде:

— Чья стрела?

— Моя, Питер, — сказал Болтун и опять бросился на колени.

— Подлая, предательская рука, — сказал Питер и занёс стрелу, чтобы поразить ею Болтуна.

Болтун не шелохнулся. Он подставил грудь под стрелу:

— Давай, Питер.

Дважды Питер поднимал руку со стрелой, и дважды он её опускал.

— Я не могу ударить, — сказал он с ужасом. — Что-то хватает меня за руку.

Все поглядели на него с удивлением. Все, кроме Кончика. Он, к счастью, поглядел на Венди.

— Это она! — закричал он. — Это тётенька Венди. Она хватает его за руку!

Как ни странно, Венди действительно подняла руку. Кончик наклонился над ней и с трепетом прислушался.

— Мне показалось, что она произнесла: «Бедный Болтун».

— Она жива, — сказал Питер.

Малышка подхватил:

— Тётенька Венди жива!

Питер встал возле неё на колени. Он обнаружил свою пуговицу. Вы помните тот жёлудь, который служил ему пуговицей? Она прикрепила его тогда к своей цепочке!

— Глядите! — сказал он. — Стрела угодила прямо сюда. Это поцелуй, который я ей подарил. Он спас ей жизнь.

— Я помню поцелуи, — тут же вмешался Малышка. — Точно, это и есть поцелуй.

Питер его не слышал. Он шёпотом упрашивал Венди поскорее очнуться, чтобы он мог показать ей

русалок. Но она не отвечала. Она была ещё в глубоком обмороке. Над головами у них раздался тоненький вопль.

— Слыхали? — заметил Кудряш. — Это Динь ревёт, потому что Венди не умерла.

И тогда им пришлось рассказать Питеру всё, и они никогда ещё не видели у него такого сурового выражения лица.

— Послушай-ка, фея Починка! — закричал он. — Я больше с тобой не дружу. Убирайся отсюда навсегда.

Она слетела к нему на плечо и умоляла его смягчиться, но он стряхнул её с плеча. Венди опять подняла руку, прося его о милосердии.

— Ладно, — сказал он. — Не навсегда, а на неделю.

Вы думаете, Динь-Динь исполнилась благодарности к Венди за то, что она за неё заступилась? Да ничего подобного! Эти феи очень странные существа. Ей никогда ещё так не хотелось ущипнуть Венди, как в этот момент.

Но что было делать с Венди, когда её здоровье находилось в таком плачевном состоянии?

— Давайте отнесём её вниз, в наш дом, — предложил Кудряш.

— Точно, — поддержал его Малышка. — С тётянками так и надо поступать.

— Нет, нет, — сказал Питер. — Не смейте к ней притрагиваться. С ней надо обращаться уважительно.

— Я тоже так думаю, — сказал Малышка.

— Но если её оставить тут, она умрёт, — сказал Болтун.

— Точно, умрёт, — поддержал его Малышка. — Только выхода всё равно нет.

— Есть, — возразил Питер. — Мы построим для неё домик, прямо вокруг неё.

Все пришли в восторг.

— Живо! — командовал Питер. — Тащите наверх всё самое хорошее, что у нас там есть. Живо!

Вмиг закипела работа. Они носились туда и сюда, кто тащил одеяло, кто дрова. И пока они сустились, как вы думаете, кто показался на дороге? Конечно, Джон и Майкл. Они еле брели, на мгновение останавливались и стоя засыпали, потом просыпались, делали ещё один шаг и засыпали снова.

— Джон, Джон, проснись... — плакал Майкл. — Где Нэна, Джон, где наша мама?

Джон протирает глаза и бормотал:

— Значит, мы в самом деле улетели?

Они очень обрадовались, когда увидели Питера.

— Здравствуй, Питер, — сказали они.

— Здравствуйте, — ответил Питер, хотя, признаться, к этому времени он о них уже совершенно забыл.

Он сосредоточенно обмерял Венди шагами, чтобы сообразить, какой величины должен быть домик, чтобы в него поместилась Венди, стол и два стула. Джон и Майкл глядели на него с изумлением.

— А Венди спит?

— Спит.

— Джон, — предложил Майкл, — давай её разбудим и скажем ей, чтоб она приготовила нам ужин.

Но не успел он договорить, как примчались мальчишки, которые тащили брёвна для постройки.

— Погляди! — ахнул Майкл.

— Кудряш, — сказал Питер одним из своих командирских голосов, — проследи, чтобы они тоже приняли участие в строительстве дома.

— Есть, сэр!

— Строительстве дома? — поразился Джон.

— Да. Для тётеньки Венди.

— Для Венди? Так ведь она ж всего-навсего девчонка!

— Поэтому, — объяснил Кудряш, — мы ей все и служим.

— Вы? Служите Венди?

— Да, — сказал Питер. — И вы тоже будете служить. Начинайте!

И обоих братьев поволокли в лес рубить, тесать и таскать доски и брёвна.

— Первым делом сделайте стулья и каминную решётку, — скомандовал Питер. — Потом — стены и всё остальное.

— Точно, — сказал Малышка. — Дома всегда строят именно так. Я теперь вспоминаю.

Питер был весь в заботах.

— Малышка, — сказал он, — живо за доктором.

— Есть, сэр, — отозвался Малышка и поспешно удалился, почёсывая при этом в затылке. Он знал, что Питеру надо подчиняться без рассуждений. Он вернулся через минуту. На голове у него была шляпа Джона. Вид у него был торжественный.

— Входите, сэр, — приветствовал его Питер. — Вы — доктор?

В такие минуты разница между Питером и мальчишками всегда ощущалась очень разительно. Дело в том, что они сознавали, что понарошку — это понарошку, а для него что как будто, что на самом деле — не различалось. Иногда это доставляло им некоторые неудобства и неприятности. Например, когда им приходилось обедать только понарошку. Если они вдруг нарушали игру, они тут же получали оплеуху.

Поэтому Малышка поспешно отозвался:

— Да, мой друг.

— Прошу вас, сэр. Эта дама очень больна.

Они оба стояли рядом с Венди, но Малышка предпочёл не заметить этого обстоятельства.

— Ай-ай-ай! — покачал он головой. — Где же она?

— Вон там, — сказал Питер.

— Я поставлю ей стеклянную штучку под мышку.

И он наклонился над Венди и сделал вид, что ставит ей градусник. Воцарилось напряжённое молчание, пока «доктор» доставал «градусник».

— Ну как, доктор? — спросил Питер.

— Так-так-так. Штучка ей очень помогла.

— Я очень рад, — сказал Питер.

— Я навещу её ещё раз — вечером. Напоите её бульоном из чашечки с носиком.

Он вернул шляпу Джону и тяжело перевел дух, точно избавился от большой опасности.

Тем временем лес гудел от звуков топора и пилы, и скоро всё необходимое для постройки хорошенького домика лежало возле Венди.

— Знать бы теперь только, какие дома ей нравятся, — заметил один из Двойняшек.

А второй закричал:

— Питер, она ворочается во сне!

— Она приоткрыла рот! — воскликнули оба разом. — До чего хорошо!

— Может, она споёт что-нибудь во сне, — заметил Питер. — Венди, спой нам песенку про то, какой бы ты хотела домик.

И тотчас же, даже не открывая глаз, Венди запела:

Вы мне постройте домик
Меня самой не выше,
Пусть будут стенки красные
И мягкий мох на крыше.

Они пришли в полный восторг, потому что все брёвна, которые они заготовили в лесу, были покры-

ты красным древесным соком, а на земле вокруг было сколько угодно мха.

Они мгновенно возвели стенки дома и покрыли его крышей и сами запели хором:

И стены есть, и крыша есть,
И потолок, и дверь.
Скажи нам, мама Венди,
Что делать нам теперь?

И на это она ответила:

Теперь вы сделайте окно,
И будет всё в порядке.
В него пускай глядит сирень,
А из него — ребятки.

Они тут же прорубили окно и из больших жёлтых листьев смастерили занавески. Только вот где же взять сирень? Но они быстренько посадили куст, и он тут же вырос и зацвёл — понарошку. Но вот как же быть с ребятками?

Чтобы Питер не успел отдать нового распоряжения — про ребят, они поскорее запели:

Глядит в твоё окно сирень,
На ней цветов не счесть.
Ребят не можем мы создать,
Ребята мы и есть!

Питеру понравилось, что ребята — это они и есть, и он быстренько повернул дело так, что он сам такое сочинил. Домик получился прелестный, и Венди, наверное, было в нём очень уютно. Только они больше не могли её видеть, потому что она осталась внутри, а они — снаружи. Питер обошёл весь дом, проверяя, всё ли в порядке. Ничто не ускользнуло от его орлиного взора. Вроде бы строительство было закончено. Но — нет.

— Нет трубы, — заявил Питер. — Необходима труба.

— Труба необходима, — сказал Джон.

Питер поглядел на него и что-то сообразил. Он снял с его головы шляпу, выбил донышко и водрузил на крышу. Маленькому домику так понравилась такая труба, что, как бы говоря «спасибо», он тут же выпустил через неё клуб дыма.

Ну, теперь, кажется, и на самом деле всё готово. Оставалось только вежливо постучаться в дверь.

— Постарайтесь выглядеть как можно лучше, — сказал Питер. — Первое впечатление — всегда самое важное.

Питер был рад, что никто не спросил его, что значит «первое впечатление». Они слишком были заняты тем, что старались выглядеть как можно лучше. Он тихонечко постучал в дверь. Мальчишки замерли. И всё в лесу замерло. И была бы абсолютная

тишина, если бы не Динь, которая сидела на ветке и открыто над ними издевалась.

Дверь открылась, и на пороге показалась Венди. Они как по команде сняли шапки.

Венди смотрела на них удивлённо. Но они так и думали, что она откроет дверь и посмотрит на них удивлённо.

— Где я? — спросила она.

Конечно, выскочка Малышка поспешил отозваться первым:

— Тётенька Венди, мы построили для тебя домик.

— Скажи скорей, что он тебе нравится, — попросил Кончик.

— Милый, чудесный домик, — откликнулась Венди. И это были те самые слова, которые они надеялись от неё услышать.

— А мы — твои дети! — закричали Двойняшки.

И все мальчишки опустили на колени и стали её просить:

— Тётенька Венди, будь нашей мамой!

— Да? — сказала Венди и просияла. — Я бы очень хотела. Только я не знаю, справлюсь ли я. Я ведь ещё только девочка.

— Это неважно! — сказал Питер, как будто он прекрасно разбирался в мамах. — Нам нужно, чтоб ты была как мама. И всё.

— По-моему, как раз я такая и есть, — сказала Венди.

— Такая, такая, — закричали все, — мы сразу это поняли!

— Хорошо, — сказала она. — Я постараюсь. А теперь — быстренько домой. Вы наверняка промочили ноги. Я сейчас же уложу вас в постель. А пока вы ложитесь, я успею досказать вам сказку про Золушку.

И они все спустились в свой подземный дом. Как уж они там помещались, я не знаю. Но в стране Нетинебудет как-то всё по-другому измеряется, и в маленьком помещении может очень много поместиться.

Так начался первый из многих радостных вечеров, которые они провели с Венди.

Постепенно они все уснули, и Венди подоткнула им одеяла. Сама она в эту ночь спала в своём маленьком домике. А Питер стоял на часах с саблей наголо, потому что издали доносились голоса пиратов, и было слышно, как в лесу рыщут волки.

Маленький домик выглядел так мило. Из-за занавесок пробивался свет ночника. Тоненький дымок струился из трубы. Всё было спокойно, потому что Питер его охранял.

Через некоторое время и он заснул, и несколько фей наткнулись на него, возвращаясь домой с бала. Они наверняка отомстили бы любому из мальчишек, который заснул бы на их пути ночью, но на Питера они не сердились. Они только пощекотали у него в носу травинкой и полетели дальше.

глава 7

Наутро первым делом Питер обмерил Венди, Джона и Майкла. Ему была нужна мерка для дупла в дереве для каждого из них. Вы помните, как презрительно Крюк отозвался о них из-за того, что они сделали семь выходов из своего дома, но это

от чистого невежества. Дело в том, что если дерево вам не по размеру, то очень трудно спускаться и подниматься по нему, а мальчишки ведь не были скроены по одной мерке. Если дерево было как раз впору, то стоило только сделать наверху глубокий вдох, как вы начинали скользить вниз с нужной скоростью. А чтобы подняться, надо было то вдыхать, то выдыхать воздух и, слегка поводя плечами, штопором идти вверх. Как только вы овладевали техникой, подъём и спуск не представляли для вас никакого труда.

Но для этого необходимо, чтобы дерево было вам по размеру. Поэтому Питер и измерял каждого не менее тщательно, чем хороший портной перед тем, как сшить дорогой костюм.

Спустя несколько дней все трое научились легко подниматься и спускаться, прямо как бадейки в колодец. И если б вы знали, как горячо они полюбили свой подземный дом! В особенности Венди. Там под землёй была всего одна комната. В комнате был великолепный пол, в котором можно было покопаться и добыть червей, если вы, например, собрались идти на рыбалку.

Дерево Неясень изо всех сил старалось вырасти посреди комнаты, но каждый день они спиливали его вровень с полом. Когда подходило время пить чай, оно вырастало приблизительно на два фута, и тогда

они клали на него дверь, и получался стол. Но как только чаепитие заканчивалось, они спиливали его снова, и в комнате тогда становилось достаточно места для игры.

В комнате был огромный камин, а рядом с ним Венди протянула верёвки, на которых она развешивала бельё. Кровать на день подымалась и ставилась возле стены, а вечером ровно в половине седьмого она опускалась и занимала почти половину комнаты. И все мальчишки спали в этой кровати, уложенные рядышком, как шпроты. Переворачиваться на другой бок можно было только всем сразу — по сигналу. Майклу тоже надо бы спать на ней, но Венди считала, что у неё должен быть маленький. А маленькому полагалось спать в люльке. Поэтому для Майкла к потолку привесили корзину.

Обстановка в доме была самая простая. В одной из стен было крошечное углубление, ниша, по размерам не больше птичьей клетки, которая служила личными апартаментами феи Динь-Динь. Она отделялась от общей комнаты тоненькой занавеской, и Динь всегда её задёргивала, когда одевалась или раздевалась. Динь была очень стыдлива. У неё там стояла элегантная кушетка. Цвет постельного белья менялся в зависимости от того, какие цветы расцветали в это время года. Её зеркало было из замка, в котором жил Кот в сапогах. Любой торговец товарами для фей мог

вам сказать, что таких зеркал осталось всего три штуки во всём мире.

Динь презирала всю обстановку в доме мальчишек. Но её изысканный будуарчик выглядел в их комнате как маленький хвастунишка с постоянно задраннным носом.

У Венди из-за её мальчишек хлопот был полон рот. Бывало, целыми неделями она не поднималась наверх, разве что как-нибудь вечером со штопкой в руках. А готовка! Легко ли накормить такую орду молодцов! Чаще всего они ели жареные плоды хлебного дерева, бананы, печёную кабанятину. Но никто никогда не мог сказать наперёд, будет ли обед настоящим или только как будто. Всё зависело от Питера — какая ему придёт в голову прихоть. Он мог поесть по-настоящему. Только надо было, чтобы так требовалось в игре. А лопать, только чтобы налопаться, — этого он терпеть не мог. И к тому же он так верил, что ест, когда ел понарошку, что при этом даже заметно полнел.

Ничего не поделаешь. Приходилось ему подчиняться. Единственно, когда он разрешал просто так поесть, — если удавалось его убедить, что ты теряешь в весе и дерево становится тебе велико.

Венди любила спокойно посидеть, что-нибудь починить и поштопать, когда все мальчишки улягутся спать. Она говорила, что в этот час она может пе-

ревести дух. Она ставила двойную заплатку на колени (господи, как они обращались со своими коленками!) или брала корзину с их носками, в каждой пятке — по огромной дыре. При этом она говорила взрослым «маминым» голосом: «Право же, временами я думаю, что старым девам можно позавидовать». Но лицо её при этом светилось.

Помните, в разговоре мы упоминали её ручного волка? Так вот, он очень быстро пронюхал, что Венди появилась на острове, и разыскал её, и они встретились как старые друзья. И он стал ходить за ней по пятам, как собачка.

Время шло себе потихонечку и шло. Часто ли вспоминала Венди своих родителей, которые остались где-то далеко, неведомо где? Это чрезвычайно сложный вопрос. Потому что очень трудно отсчитывать время на острове Нетинебудет. Там его считают на луны и солнца, и сменяют они друг друга чаще, чем на материке. В общем, Венди как будто не очень тревожилась о своих родителях. Во всяком случае, одно она знала твёрдо: родители всегда будут держать открытым окно, через которое они вылетели, чтобы они могли вернуться домой. И это её очень успокаивало.

Временами её тревожило, что Джон помнит родителей только приблизительно, а Майкл уже успел поверить в то, что Венди и есть их настоящая мама.

Венди это пугало. Она даже придумала для них контрольные работы, вроде тех, которые у неё бывали в подготовительном классе. Мальчишки тоже хотели писать контрольные. Они сделали две грифельные доски. На одной из них Венди писала вопросы, а на другой они писали ответы. Вопросы были самые простые. Например: «Какого цвета у мамы глаза?», или «Кто был выше ростом — папа или мама?», или «Была мама брюнеткой или блондинкой?» Иногда она давала им темы для сочинений. Например: «Сравните папин и мамин характер», или «Опишите мамин смех», или «Опишите мамино вечернее платье».

Если кто не мог ответить на вопрос, ему предлагалось просто поставить крестик. И её ужасно огорчало, что даже в работе Джона появлялось в последнее время очень много крестов. Единственно, кто не ставил никогда крестиков, это, конечно, Малышка. Но он писал в ответах такую ерунду, что всё равно получал самую низкую отметку.

Питер в этих занятиях участия не принимал. В первых, он признавал только одну маму — Венди. А во-вторых, он был единственным мальчиком на свете, который не мог ни прочесть, ни написать ни единой буквы. Он был выше таких мелочей!

Вы обратили внимание? Все вопросы были составлены в прошедшем времени. Венди, как видно, тоже начинала забывать...

Питер частенько уходил куда-то один. Когда он возвращался, трудно было определить, встретилось ли ему на пути какое-нибудь опасное приключение. Иногда он об этом просто начисто забывал. А бывало и так, что он приходил домой с перевязанной головой, и, пока Венди кудахтала над ним и промывала рану кипячёной водой, он рассказывал ей какую-нибудь сногшибательную историю. Но Венди никогда ни в чём не могла быть уверена.

Но случалось много приключений, которые были истинной правдой, потому что она сама в них участвовала. Были и такие, которые были правдой частично, потому что другие мальчишки принимали в них участие и уверяли её, что всё в них чистая правда — до последнего слова.

Приключений было в общем-то ужас сколько! Чтобы их все описать, надо написать такую толстенную книжку, каких на свете не бывает. Такими толстыми бывают только словари.

Право, не знаю, о каком из приключений рассказать? Может, о том, как краснокожие однажды напали на подземный дом и как некоторые из них застряли в дуплах деревьев и потом пришлось их оттуда вышибать, как пробки? Или о том, как Питер спас от смерти Тигровую Лилию в Русалочьей лагуне и заключил с ней военный союз?

А можно рассказать и про торт, который пираты испекли для мальчишек, рассчитывая, что они его сразу съедят и погибнут? Они клали его в разных местах острова на самом виду, соблазняя их накинуться на лакомство. Но мама Венди каждый раз отнимала его у своих детишек, так что со временем он потерял свой аппетитный вид, совершенно окаменел и использовался как снаряд. А однажды сам Крюк споткнулся об него в темноте и рухнул наземь!

Или поведать вам о птицах, которые — решительно все — были личными друзьями Питера. В особенности птица Нет. Она свила гнездо на дереве возле самого берега лагуны. Но это гнездо сдуло ураганом, когда птица Нет высиживала птенцов. И гнездо поплыло по воде, а Питер распорядился, чтобы никто не смел птицу трогать, пока не вылупятся птенцы. Мы потом увидим, какими птицы умеют быть благодарными. Но теперь всё-таки надо выбрать одну какую-нибудь историю и рассказать. Пожалуй, кинем жребий.

Готово! Я кинул жребий. Он выпал на лагуну. Можно было бы кинуть ещё раз. Да уж ладно. Пусть будет рассказ про лагуну, коль скоро жребий пал на неё прежде всего.

Если вы чуть прикроете глаза и при этом вам повезёт, тогда вы увидите большое пространство, заполненное водой серого и голубоватого оттенка. Теперь, если вы зажмуритесь, эта вода примет очертания и засветится разными красками. Если вы зажмуритесь

ещё сильнее, то она запылывает красным огнём. Вот как раз в ту самую секунду, прежде чем ей запылывать, вы увидите Русалочью лагуну. Только таким способом её можно разглядеть с материка. Если бы у вас на разглядывание было хотя бы две секунды, вы разглядели бы пену прибоя и услышали бы, как поют русалки.

Мальчишки любили купаться в этой лагуне и играть в воде в русалочьи игры. Сами русалки не очень-то дружили с ними. Венди всё удивлялась и сожалела, что за всё время пребывания на острове ей так и не удалось услышать от русалок ни одного путного слова. Когда она тихонечко пробиралась по берегу, она ещё могла их рассмотреть. Они собирались целыми дюжинами, особенно на Маронской скале. (Вы знаете, кто такие мароны? Это провинившиеся матросы, которых высаживают на необитаемых островах.) Так вот, русалки подолгу сидели на этой скале, лениво расчёсывая свои длинные волосы, что, кстати сказать, очень раздражало Венди. Ей иногда даже удавалось подплыть к ним «на цыпочках». Но только они её замечали, как все разом кидались в воду и так били по воде хвостами, что брызги окатывали Венди с ног до головы. И было похоже, что они делают это нарочно. К мальчишкам они относились совершенно так же. Ко всем, кроме Питера, разумеется. Он болтал с ними на Маронской скале

часами или усаживался им прямо на хвосты. Он подарил Венди одну из их гребёнок.

Больше всего русалок бывает в лагуне, когда нарождается новый месяц. Они собираются там и издают странные, жалобные звуки. Но в эти часы лагуна небезопасна для людей. Венди вообще ни разу не видела лагуну при луне. Не потому, что боялась, — Питер защитил бы её от всякой опасности, а потому что твёрдо придерживалась режима. Она считала, что все обязаны в семь часов быть уже в постелях.

Но в солнечные дни они бывали в лагуне довольно часто. Она любила уложить своих мальчишек на скале поспать полчасочка после обеда. Она считала, что так они хорошо отдохнут. Причём отдых всегда был настоящим, независимо от того, был ли обед тоже настоящим или какбудтошним. Они лежали на скале, их загорелые тела блестели в лучах солнца, а она сидела рядом с очень значительным видом.

В тот день они все были на Маронской скале. Скала была размером почти что с их общую кровать. Но они уже приспособились занимать совсем мало места. Мальчишки дремали, а может, делали вид, что дремлют, и просто лежали с закрытыми глазами, по временам награждая друг друга щипками, когда Венди на них не глядела.

Венди сидела рядышком и шила. Пока она шила, что-то случилось с лагуной. Море пробрала мелкая

дрожь, солнышко скрылось, по воде прокрались тревожные тени, и вода сразу остыла. Стало темно, и Венди уже не могла вдеть нитку в иголку. Она огляделась и увидела, что всегда такая весёлая лагуна стала устрашающей.

Это не ночь пришла — это явилось что-то другое, ещё более страшное. Даже и не явилось пока, а только этой темнотой и дрожью предупреждает, что скоро явится. Но что это такое?

Венди враз вспомнила все страшные истории, которые она слышала про Маронскую скалу, как злые капитаны высаживали на ней матросов и как они погибали на ней во время прилива. Потому что во время прилива скала оказывалась под водой.

Конечно, ей было лучше разбудить мальчишек. И не только потому, что надвигалось что-то грозное и незнакомое. Спать на остывшей скале просто бесполезно. Но Венди была неопытной матерью. Ей казалось, что раз взяли за правило спать полчаса после обеда, — значит, надо этого правила строго придерживаться.

Она не разбудила мальчишек даже и тогда, когда услышала глухой плеск вёсел, хотя душа у неё уходила в пятки. Она стояла возле своих детей и охраняла их сон.

К счастью, один из них обладал способностью унюхать опасность даже во сне. Питер вскочил, и сна

у него как не бывало. Он тут же разбудил остальных.

Он стоял неподвижно, прижав ладонь к уху.

— Пираты! — крикнул он.

Все подвинулись к нему поближе. Странная улыбка заиграла у него на губах. Венди увидела её и вздрогнула. Когда эта улыбка бывала на его лице, никто не смел обращаться к нему ни с каким вопросом. Всё, что они могли сделать, — это молча дожидаться его команды. И она раздалась:

— Ныряй!

В воздухе замелькали ноги, и через мгновение лагуна выглядела совершенно пустынной. Скала одиноко высилась среди грозной воды, как будто её самое обрекли на гибель. К скале подплыла лодка. Это был пиратский ялик. В ялике плыли трое — пираты Сми и Старки и с ними ни больше ни меньше как Тигровая Лилия. Руки и ноги её были связаны. У неё не было сомнений в том, какая её ожидает участь. Но лицо Тигровой Лилии было невозмутимо. Она была дочерью вождя и собиралась принять смерть с достоинством.

Пираты поймали её в тот момент, когда она взбиралась на их судно с ножом в зубах. На судне не несли сторожевой вахты, потому что капитан Крюк считал, что одно только его имя рождает ветер на море, который и охраняет их судно надёжнее всякой охраны.

Во мраке, который они нагнали на лагуну своим появлением, пираты не разглядели скалы и врезались в неё со всего маху.

— Держи по ветру, салага! — слышался голос Сми. — Вот скала. Давай свалим здесь эту краснокожую, и пусть тонет.

Одной минуты им хватило, чтобы перекинуть девушку из лодки на скалу. Она была слишком горда, чтобы оказывать им сопротивление. По другую сторону скалы две головы покачивались на волнах. Это были Питер и Венди. Венди плакала, потому что в первый раз в жизни столкнулась с трагедией. Питер видел много трагедий, но он их все позабыл. Он не столько жалел Тигровую Лилию, сколько его возмущала несправедливость — двое против одного. Проще всего было, конечно, дожидаться, пока пираты скроются из виду. Но Питер никогда не выбирал лёгких путей.

На свете почти что не бывало такого, чего бы он не смог сделать. И вот он решил заговорить голосом Крюка.

— Эй вы там, салаги! — окликнул он пиратов. Голос был неотличим от оригинала.

— Капитан, — сказали пираты, глядя друг на друга в полном изумлении.

— Он, наверное, плывёт сюда, — сказал Старки, вглядываясь в темноту.

— Мы высаживаем краснокожую на скале! — крикнул Сми в ответ.

— Отпустите её! — донёсся до них потрясший их ответ.

— Отпустить?

— Перережьте верёвки и отпустите!

— Но капитан...

— Живо, — кричал Питер, — не то отведаете моего крюка!

— Чудно, — сказал Сми.

— Лучше выполняй приказ, — занервничал Старки.

— Есть, сэр! — крикнул Сми в темноту и перерезал верёвки.

Тигровая Лилия мгновенно, как угорь, скользнула в воду.

Венди, конечно, пришла в восторг от сообразительности Питера. Но она не сомневалась, что он сам придёт от себя в восторг и закукарекает и выдаст себя пиратам. Поэтому она быстро закрыла ему рот рукой. Но в этот момент раздался крик: «Стоп, там, на ялике!» Это был голос самого капитана Крюка. Венди сразу поняла: Крюк тоже находится в водах лагуны. Он плыл по направлению к скале. И поскольку пираты засветили фонарь, капитан быстро достиг ялика. При свете фонаря Венди видела, как железный коготь зацепился за борт, видела иска-

жѣнное злобой лицо главаря пиратов. Он поднимался на борт, и вода стекала ручьями с его одежды. Венди хотелось немедленно уплыть прочь, но с Питером ничего нельзя поделать. Ему нравилось играть со смертью. К тому же его распирала гордость. «Разве я не молодец? Ах, какой я молодец!» — шептал он.

Пиратам не терпелось узнать, что заставило их капитана броситься в воду и приплыть к ним на скалу, но он сидел на скамейке ялика, опершись на свой крюк, и меланхолично молчал.

— Что случилось, капитан? — спросили они его робко, но он только испустил глубокий вздох.

— Он вздыхает, — сказал Сми.

— И опять вздыхает, — добавил Старки.

И снова вздох.

— Что происходит, капитан?

Наконец он им ответил.

— Весѣленькие игры происходят! — закричал он. — Мальчишки нашли себе маму.

Хоть Венди и было до ужаса страшно, но она всё равно исполнилась гордости.

— Какие печальные вести! — воскликнул Старки.

— Что такое «мама»? — любопытствовал невежественный Сми.

— Он не знает! — не удержалась Венди и тут же подумала, что если бы встречались на свете ручные пираты, то она приручила бы Сми.

Питер тут же заставил нырнуть её под воду. Крюк вскочил и стал пристально глядеть на воду.

— Что это было?

— Я ничего не слышал, — сказал Старки и поднял фонарь, чтобы осветить на волны.

Пираты стали всматриваться и увидели нечто странное. Это плыло по волнам гнездо, в котором неподвижно сидела, высиживая птенцов, птица Нет.

— Гляди, — сказал Крюк, как бы в ответ на вопрос Сми. — Вот это и есть «мама». Смотри и запоминай. Гнездо свалилось в воду, но мать никогда не предаст своих детёнышей, даже если они ещё не вылупились из яйца.

Что-то дрогнуло в его голосе, точно он вспомнил своё детство, но он тут же отогнал всякие воспоминания, взмахнув своим когтем.

Сми, на которого птица произвела сильное впечатление, в удивлении глядел на проплывающее гнездо. Но подозрительный Старки заметил:

— Если она мама, то, может, она болтается тут, чтобы помочь Питеру.

— И я того же опасаясь, — сказал Крюк.

— Капитан, — сказал Сми, — а не могли бы мы выкрасть у мальчишек их маму и сделать её своей?

— Богатая мысль, — сказал Крюк и тут же начал набрасывать план операции: — Мы утащим их всех вместе. Мальчишек отправим на дно, а Венди будет нашей мамой.

Снова Венди забыла об осторожности.

— Да никогда! — закричала она.

— Что это?

Но они опять ничего не смогли разглядеть. И подумали, что, может, это на берегу прошелестел опавший лист.

— Так вы согласны, мои разбойнички? — спросил Крюк.

— Вот моя рука, — сказали оба торжественными голосами.

— А вот — мой крюк! Кляннитесь!

И они поклялись. Ялик всё ещё находился возле скалы, и Крюк неожиданно вспомнил про Тигровую Лилию.

— Где краснокожая? — спросил он резко.

— Всё в порядке, капитан, — отозвался Сми. — Мы её отпустили.

— Отпустили?! — заорал Крюк.

— Ты сам приказал, — сказал Сми.

— Ты крикнул нам из темноты, — подтвердил Старки.

— Сера и ад! — завопил Капитан. — Что это ещё за надувательство?

Его лицо почернело от злости, но он увидел, что они в самом деле верят в то, что говорят. И он испугался.

— Ребята, — сказал он, слегка поёживаясь, — я такого приказа не давал.

— Странно, — сказал Сми.

И они все заёрзали на лавках.

— Дух, который царит в эту ночь над лагуной! — закричал Крюк, но в голосе его была дрожь. — Слышишь ли ты меня?

Тут бы Питеру резонно было бы помолчать. Но он, конечно, не смолчал. Он тут же отозвался голосом самого Крюка:

— Печёнки-селезёнки, черти и дьяволы, я тебя слышу!

Надо сказать, что в этот отчаянный миг Крюк даже не дрогнул, а Сми и Старки в ужасе прижались друг к другу.

— Говори, кто ты такой?

— Я — Джеймс Крюк, — ответил голос. — Капитан «Весёлого Роджера».

— Что ты врёшь! — закричал Крюк хриплым голосом.

— Сера и ад, — возразил ему голос. — Повтори только, что ты сказал, и я всажу в тебя якорь!

Но Крюк уже знал, кого подозревать в этой игре, и поэтому, ничего не боясь, старался искусно расставить ловушки.

— Если ты — капитан Крюк, то скажи мне, кто же тогда я?

— Треска, — ответил голос. — Всего-навсего треска.

Крюк заметил, что его парни сразу от него отпрянули.

— Мы что, всю жизнь ходим у трески под началом? — пробормотали они.

Крюк не ответил им ничего, хоть его и задело такое их поведение. Он продолжал расставлять силки.

— Крюк! — закричал он. — Есть у тебя ещё и другой голос?

— Есть, — отвечал Питер всё ещё голосом самого Крюка.

— А зовут ли тебя как-нибудь по-другому?

— Так точно.

— Ты — овощ?

— Нет.

— Камень?

— Нет.

— Мужчина?

— Нет! — ответ прозвучал с некоторым оттенком презрения.

— Мальчик?

— Да!

— Обыкновенный мальчик?

— Нет.

— Волшебный мальчик?

Венди вся съёжилась от ужаса, потому что он сказал: «Да». Крюк продолжал свою коварную игру:

— Ты сейчас в Англии?

— Нет.

— Ты близко?

— Да.

— Кто же это может быть? — спросил Крюк с притворным изумлением.

— Не можешь отгадать? Сдаёшься? — в восторге завопил Питер.

— Сдаюсь, — жалобным голосом сказал Крюк.

— Я — Питер Пэн!

В две секунды Крюк сбросил с себя личину.

— Быстро в воду! — скомандовал он. — Старки, ты остаёшься в лодке. Сми, схватить его живым или мёртвым!

Сам Крюк тут же сиганул в воду, но в тот же самый миг раздался торжествующий голос Питера:

— Мальчишки, готовься! На пиратов!

Схватка была жестокой и молниеносной. Первым продемонстрировал свою отвагу Джон. Он накинулся на Старки и вырвал из его рук тесак. Старки зашатался и перевалился через борт в воду. Ялик уплыл.

Ребята храбро сражались с пиратами в воде возле скалы. Только к страшному капитану Крюку никто не решался подплыть, потому что он очертил своим крюком круг вокруг себя, и никто не осмеливался пересечь этот круг.

Только один человек не боялся. Это был Питер. Он и подплыл бы к главарю пиратской шайки. Но не

успел. Он увидел, что Крюк подобрался к скале, чтобы вылезти на неё и перевести дух. Питер стал взбираться на скалу с противоположной стороны. Скала была мокрая и скользкая. И оба вынуждены были почти что ползти по ней. Они ощупывали выступы на скале, чтобы за них зацепиться, и вдруг в темноте вместо выступов на камне схватили друг друга за руки. Они разом подняли головы и встретились лицом к лицу. Кто угодно мог бы растеряться в таких обстоятельствах и даже немножечко струсить. И никто бы не осудил его. Ведь Крюка, говорят, боялся такой известный бандит, как Морской Петух. Но Питер не струсил. Он быстро выхватил нож у Крюка из-за пазухи и уже приготовился вонзить его во врага по самую рукоятку, как заметил, что он стоит несколькими уступами выше на скале, чем Крюк. Битва не была бы честной, потому что у Питера было это преимущество. И он подал руку пирату, чтобы помочь ему встать повыше. И тут Крюк укусил его в руку. Не боль от укуса, а несправедливость совершенно обезоружила Питера.

Он стоял и смотрел на Крюка, не в силах поднять руку, в которой был нож. Каждый ребёнок реагирует так же, когда он впервые в жизни встречается с несправедливостью. И никто никогда не в состоянии потом эту первую несправедливость забыть. Никто,

кроме Питера. В этом и состояла разница между ним и всеми остальными людьми.

Поэтому сейчас, когда он столкнулся с несправедливостью, для него это было всё равно, что в первый раз. Потому-то он мог только глядеть на Крюка, оскорблённый и беспомощный. И Крюк дважды всадил в него свой железный коготь.

Через несколько минут после этого мальчишки заметили Крюка плывущим в сторону корабля, лицо его было бледно и искажено страхом, а недалеко раздавалось размеренное тиканье: его преследовал крокодил.

Мальчишки сумели в темноте разыскать ялик. Покричав Питера и Венди и не получив ответа, они решили, что те либо плывут, либо летят к берегу, и, забравшись на ялик, поплыли домой. Они так верили в Питера, что им и в голову не пришло, что он может нуждаться в помощи. Они весело гребли и посмеивались над тем, что сегодня поздно лягут спать, и в этом будут виноваты не они, а сама мама Венди.

А в это время Питер втаскивал на скалу потерявшую сознание девочку. Он сам был почти что в обмороке. Но угасающее сознание подсказывало ему, что скала всё равно скоро уйдёт под воду и все усилия напрасны.

Венди очнулась. Она не понимала, что происходит.

— Мы на скале, Венди, — грустно сказал Питер. — Но она становится всё меньше и меньше.

Венди всё ещё не осознавала опасности.

— Нам надо скорее на берег, — заметила она и слабо улыбнулась.

— Ты сможешь без меня добраться до берега вплавь?

Венди покачала головой. Она слишком устала. Питер застонал.

— Что случилось? — спросила она, сразу встревожившись.

— Я не могу помочь тебе, Венди. Крюк меня ранил. Я не могу ни плыть, ни лететь.

— Так, значит, мы утонем?

Вода прибывала. Они сидели рядом, закрыв глаза, чтобы не видеть этого ужасного зрелища. Вдруг что-то легонечко коснулось щеки Питера, точно кто-то спрашивал: «Может, я смогу на что-нибудь пригодиться?»

Это был змей, которого Майкл смастерил на днях и который вырвался у него из рук и улетел.

— Это змей, — сказал Питер безучастно. Но в следующий момент его осенила мысль, и он ухватил змея за хвост и начал подтаскивать к себе.

— Он поднял Майкла с земли, почему бы ему не отнести тебя на берег?

— Нас обоих!

— Он не может поднять двоих. Майкл и Кудряш пробовали уже.

— Тогда кинем жребий.

— При том, что ты девочка? Да никогда в жизни!

Он уже обмотал Венди мочальным хвостом. Она кинулась к Питеру, обняла. Она не хотела его оставлять. Но, крикнув: «Прощай, Венди!», он толкнул её со скалы. Через несколько минут она исчезла из виду.

Скала выдавалась над морем совсем чуть-чуть. Бледные лучи прошлись на цыпочках по воде. Вскоре слышались звуки, самые мелодичные и самые печальные в мире: это русалки зывали к луне.

Питер не был похож на других мальчишек. Но даже и ему стало страшно. По телу пробежала дрожь, как, бывает, пробегает она по поверхности воды. Но в следующий миг он уже стоял выпрямившись на скале, он улыбался, а где-то внутри него бил маленький барабанчик. Он выстукивал такие слова: «Что ж, умереть — это ведь тоже большое и интересное приключение».

Птица

Нет

Последнее, что услышал Питер, прежде чем остаться в лагуне совсем одному, это плеск русалочьих хвостов. Они нырнули под воду, возвращаясь в свои спальни.

Спальни были расположены в коралловых пещерках, и на каждой двери было по колокольчику, кото-

рый звонил, когда дверь открывалась и закрывалась. Колокольчики прозвенели. И всё стихло.

Вода неизбежно прибывала. И чтобы чем-то занять себя до того момента, как волны накроют его с головой, Питер приглядывался к какому-то непонятному предмету, который плыл по поверхности воды. Он решил, что это кусок бумаги, может, часть воздушного змея, и лениво размышлял над тем, сколько времени этому куску бумаги потребуется, чтобы прибиться к берегу.

Вдруг он заметил, что предмет не просто качается на волнах, а движется направленно, одолевая высокие валы.

«Какой отважный кусок бумаги», — с восхищением подумал Питер.

На самом деле никакой это не был кусок бумаги. Это была птица Нет на своём гнезде, которая делала отчаянные усилия, чтобы добраться до Питера. Она решила спасти его, отдать ему своё гнездо, несмотря на то что в нём лежали яйца.

Она кричала Питеру, что плывёт к нему, чтобы выручить его из беды, а он спрашивал её, что она там делает, но вся беда в том, что они не знали языка друг друга.

В некоторых сказках люди разговаривают с птицами, и, конечно, я мог бы изобразить дело так, что они друг друга понимали. Но лучше уж говорить

правду. А правда заключается в том, что ни слова не было понятно ни тому, ни другому.

— Я хочу, чтобы ты перебрался в моё гнездо, — говорила птица Нет отчётливо, делая большие паузы между словами.

— Чего ты там каркаешь? — вопрошал в свою очередь Питер.

— Я же тебе говорю, — повторяла птица, — перелезай на мой плот.

— А я спрашиваю, — повторял Питер, — чего-ты-там-каркаешь?

Птица Нет начинала терять терпение. Эти птицы вообще очень нетерпеливые.

— Тупица несчастная, ты почему не делаешь, как я тебе говорю?

Питер почувствовал, что она обзывается, и крикнул наугад:

— От такой же слышу!

Потом они оба прокричали друг другу одно и то же:

— Да заткнись ты!

— Да заткнись ты!

Тем не менее птица Нет твёрдо решила спасти его. Страшным усилием она подогнала гнездо к скале и слетела с него, несмотря на то что в нём лежали яйца.

Наконец-то он понял!

Он ухватился за край гнезда, влез на него и благодарно помахал птице Нет рукой. Но она кружилась

над ним вовсе не для того, чтобы услышать от него благодарность. Она беспокоилась, что он станет делать с её невылупившимися птенцами. Питер взял в руки по птичьему яйцу и начал их разглядывать. Птица накрыла голову крылом, чтобы не видеть кончины своих неродившихся детей. Но она всё-таки глянула один раз сквозь перья.

Не помню, говорил ли я о том, что на скале пираты укрепили когда-то старый корабельный флагшток и на него набили перекладину, чтобы обозначить, где они спрятали награбленное сокровище. Мальчишки как-то обнаружили пиратский клад. И для развлечения они покидали бриллианты и жемчуга чайкам, которые хватали драгоценные камни на лету, думая, что им предлагают угощение, и страшно злились на мальчишек за такой некрасивый обман.

Но флагшток всё ещё торчал на месте. На него джентльмен Старки как-то повесил свою шляпу — это была матросская шляпа с широкими полями, сделанная из непромокаемого брезента. Питер подогнал гнездо к скале, взял шляпу, перевернул её и осторожно опустил в неё оба яйца. Шляпа спокойно заскользила по поверхности воды.

Птица Нет мгновенно поняла его замысел, она высказала ему своё восхищение, и уж это-то Питер понял и немедленно с ней согласился.

Питер вытащил флагшток, укрепил его в центре гнезда, как мачту, а из своей рубашки сделал парус.

Птица Нет опустилась на шляпу и тут же снова уселась на яйца. Течение понесло её в одну сторону, а ветер, наполнив парус, погнал гнездо с Питером от скалы к берегу. Они расстались, очень довольные друг другом, издавая радостные возгласы.

Схватка в лагуне обеспечила Питеру преданность краснокожих. Не было такой вещи, которую Тигровая Лилия или любой из её племени не сделали бы для Питера. Ночь напролёт они прятались по кустам, наблюдая за домом под землёй и обеспечивая его

безопасность. Даже днём они бродили в окрестностях, покуривая Трубку мира.

Они называли Питера Великий Белый Отец и падали перед ним ниц. И надо сказать, что это ему было очень по душе.

— Великий Белый Отец очень рад, что индейские воины охраняют его дом, — говорил он им важно, приняв величественную позу, в то время как они распластывались перед ним на траве.

— Моя Тигровая Лилия, — говорила прекрасная дочь вождя. — Моя очень рада, что Питер Пэн меня спасал. Моя Питер Пэна охранять. Моя не давать пиратам его обижал.

Она была слишком прекрасна, чтобы так униженно перед ним склоняться. Но Питер Пэн считал, что он этого заслужил. Он снисходительно кивал и говорил небрежно:

— Это хорошо. Благодарю. Питер Пэн высказался.

Он последнее время усвоил это выражение, когда хотел, чтобы от него отстали.

Сейчас мы с вами добрались до того вечера, который все они впоследствии будут называть «Ночью ночей» из-за того, какие произошли тогда события и как они завершились.

С утра день начался спокойно и так же спокойно продолжался, и за весь день ничего не случилось. И вот уже индейцы, завёрнутые в свои войлочные

одеяла, заняли каждый свой пост наверху, а мальчишки внизу, в своём доме, сели ужинать. Все, кроме Питера, который отправился выяснять, который час. На острове время узнавалось так. Сначала шли и разыскивали крокодила. Потом вы должны были стоять возле него или ходить следом, пока часы не пробьют у него в желудке.

На этот раз все сидели и пили какбудтошний чай, шумно прихлёбывая, болтая и поминутно ссорясь. Гомон стоял прямо-таки оглушительный. Венди не возражала против шума, но она не могла терпеть дурных манер. У них был заведён строгий порядок. Никому не разрешалось давать сдачи за столом или толкать соседа под локоть. Если возникал какой-нибудь спор, надо было не выражать своего несогласия оплеухой, а обратиться к Венди за правосудием. Положено было поднять руку и сказать: «Я подаю жалобу на того-то». Но чаще всего они или об этом забывали, или, наоборот, замучивали Венди жалобами.

— Тихо! — прикрикнула она на них после того, как уже, по крайней мере, раз двадцать она повторила просьбу не говорить всем зараз.

— Твоя мисочка уже пустая, Малышка, сыночек?

— Нет, мама, я ещё не допил немножечко, — ответил Малышка, заглядывая в воображаемую мисочку.

— Он даже и не притрагивался к своему молоку, — вмешался Кончик. Это было уже ябедничество, и Малышка не упустил своего шанса:

— Я подаю жалобу на Кончика.

Но Джон успел поднять руку ещё раньше.

— Да, Джон?

— Можно, я сяду на место Питера, пока он не пришёл?

— Сесть на папино место, Джон? Да как же это можно?

— Он понарошку наш папа! — упорствовал Джон. — Он даже не знал, как папы себя ведут, пока я его не научил.

Болтун поднял руку. Он был из них самый послушный, пожалуй, даже единственный, кто был послушным, и Венди относилась к нему особенно нежно.

— А я мог бы быть всехним папой? Наверное, нет? — спросил он робко.

— Нет, Болтун.

Болтун редко говорил (имя своё он получил в насмешку), но если уж начинал, ему трудно было остановиться.

— А если я не могу быть папой, может, я буду маленьким, вместо Майкла, или тоже нет?

— Нечего тебе, — тут же отрезал Майкл. — В корзинке буду спать я.

— А может, я буду Двойняшкой или тоже — нет?

— Где тебе! — заявили Двойняшки, оба сразу. — Двойняшкой быть очень трудно!

— Раз я никем не могу быть, хотите, я покажу вам фокус?

— Нет! — завопили все хором.

Тогда Болтун умолк, но снова началось несносное ябедничество:

— А Малышка, когда кашляет, не закрывает рот рукой.

— А Двойняшки кашу едят руками.

— А Кудряш слопал все орехи!

— Боже мой, боже мой! — вздыхала Венди. — Право же, я иногда думаю, что от детей больше расстройств, чем радости.

Потом они кончили ужинать, успокоились, затеяли игры. Венди принесла корзину с драными чулками, уселась штопать. На каждой коленке по дыре — уж это как водится!

Наверху слышались шаги, Венди услышала их первая.

— Ребята, папа идёт. Встречайте-ка его!

Мальчишки, как много-много раз уже бывало, весело вытащили Питера за ноги из его ствола. Как много раз прежде, но больше уж этого не будет никогда!

Он принёс мальчишкам орехов, а Венди сообщил точное время.

— Питер, ты их балуешь, — притворно вздохнула Венди.

— Ничего, старушка, — добродушно отозвался Питер, вешая своё ружьё на гвоздь.

Один из Двойняшек подошёл к Питеру:

— Папа, а что, если мы потанцуем?

— Начинай, сынок!

— И ты с нами!

Питер был прекрасным танцором, но он притворялся, будто смущён такой просьбой:

— Я? Греметь старыми костями?

— И мама тоже.

— Что? — засмеялась Венди. — Такая многодетная мать — и вдруг да пустится в пляс?

— Но в субботу-то вечером можно! — воскликнул Малышка.

Это был вовсе и не субботний вечер, а впрочем, мог бы быть и субботним. Они уже давно потеряли счёт дням, но всегда, когда им хотелось что-нибудь выклянчить, они объявляли, что наступал субботний вечер.

И они все вместе от души потанцевали.

— Правда, хорошо, Питер? — сказала Венди. — У нас такая хорошая семья. Знаешь, мне кажется, Кудряш похож на тебя. И Майкл тоже.

Она подошла к Питеру и положила руки ему на плечи.

— Питер, конечно, такая большая семья состарила меня. Но тебе ведь не хотелось бы, чтоб кто-то другой оказался на моём месте?

Нет, он не хотел бы. Но он взглянул на неё как-то странно, каким-то мигающим взглядом. Так смотрит человек, когда он хорошенько не знает, проснулся он или всё ещё спит.

— Питер, что случилось?

— Я просто подумал, — сказал он слегка испуганным голосом, — ведь это же понарошку, что я — их отец?

— Ну конечно.

Послышался вздох облегчения.

— А то мне бы пришлось оказаться взрослым, а я не хочу.

— Не надо, раз не хочешь, Питер! Скажи мне, а как ты ко мне по правде относишься?

— Как преданный сын.

— Я так и думала, — сказала Венди и отошла в другой конец комнаты.

— Как ты странно говоришь, — заметил Питер, искренне не понимая её. — Вот и Тигровая Лилия — не хуже тебя. Она, кажется, что-то хочет от меня. А не пойму, что. Может, она тоже хочет быть моей мамой?

— Нет.

— А что же тогда?

— Я не хочу говорить.

— Может, Динь-Динь знает?

Динь-Динь сидела в своём будуаре за задёрнутой занавеской и подслушивала.

Питера вдруг осенила идея:

— Динь, может, ты хочешь быть моей мамой?

— Дурачок ты! — крикнула она из-за занавески злым голосом.

— А я почти что с ней согласна, — огрызнулась Венди.

Можете себе представить, чтобы милая, добрая Венди огрызнулась? Но разговор этот был ей тяжёл. А к тому же она ведь не знала, что их всех ждёт ещё до того, как кончится эта ночь.

Никто из них не знал. Может, это и хорошо. Они прожили, по крайней мере, ещё один счастливый час.

Все улеглись в кровать. Это был час, когда Венди рассказывала сказку. Сегодня она обещала им рассказать сказку, которую больше всего любили. Ту сказку, которую ненавидел Питер. Обычно, когда она её начинала, он уходил из дома или затыкал уши. Может быть, если бы он поступил так и на этот раз, они всё ещё были бы на острове. Но в ту ночь он остался сидеть на стуле, и мы скоро увидим, что произошло.

— Теперь слушайте, — сказала Венди, начиная сказку. Майкл лежал в люльке, остальные — в кровати. — «Жил-был однажды один джентльмен...»

— Лучше б это была леди, — заметил Кудряш.

— Пусть бы он был белой крысой, — вставил Кончик.

— Тише, дети, — успокаивала мама Венди. — Леди жила-была тоже.

— Мамочка, а она жива? — перебил её один из Двойняшек.

— Жива.

— Как я рад, что она не умерла, — сказал Болтун. — Ты рад, Джон?

— Конечно, рад.

— А ты рад, Кончик?

— Да, рад, рад, отстань.

— А вы рады, Двойняшки?

— Вот именно, что рады.

— О господи... — вздохнула Венди.

— Потише, вы там, — одёрнул их Питер. Он считал, что Венди заслуживала с их стороны честной игры, какой бы мерзкой ни была её сказка.

— Джентльмена звали, — продолжала Венди, — мистер Дарлинг, а её звали миссис Дарлинг. И как вы думаете, кто у них был ещё?

— Белая крыса, — быстро проговорил Кончик.

— Невозможно догадаться, — сказал Болтун, который знал всю сказку наизусть.

— Тише, Болтун. У них были дети.

— Какая хорошая сказка, — сказал Кончик.

— Но они в один прекрасный день улетели в страну Нетинебудет, туда, где живут потерянные дети.

— Я так и думал, — вмешался Кудряш. — Не знаю, как я догадался, но я это понял сразу же.

— Тише! Лучше подумайте о том, что чувствуют несчастные родители, у которых улетели все дети. Представьте себе, как им грустно.

— Ууу, — застонали они все хором, хотя им было решительно наплевать на чувства несчастных родителей.

— Подумайте только, каково им глядеть на опустевшие кровати!

— Ооо! — вздохнули все.

— Ах, как грустно! — закричал один из Двойняшек бодрым голосом.

— Не знаю, может ли всё это хорошо кончиться, — подхватил второй.

— Если б вы знали, как сильна материнская любовь! — сказала Венди с торжеством в голосе. — Вы бы не опасались ничего.

Вот тут она подошла как раз к тому месту, которое Питер ненавидел.

— Обожаю материнскую любовь, — завопил Кончик и стукнул Болтуна подушкой. — Ты уважаешь материнскую любовь, Болтун?

— Чрезвычайно, — сказал Болтун и дал Кончику сдачи.

— Заметьте, — сказала Венди, — что героиня сказки знала: когда бы они ни вернулись, мать оста-

вит для них окно открытым, чтобы они могли прилететь домой.

— А они прилетели?

— Они вернулись, — сказала Венди. — Потому что окно было распахнуто для них долгие-долгие годы.

Ах, дети, дети! Так велика их вера в материнскую любовь, что им казалось, что они могут себе позволить побыть бессердечными ещё немножко!

Когда Венди закончила свой рассказ, Питер тихонечко застонал.

— Что у тебя болит, Питер, милый? — всполошилась Венди.

— Это не такая боль, — сказал Питер.

— Какая же?

— Венди, ты ошибаешься насчёт матерей.

Они все окружили его, страшно встревоженные его волнением, и он поведал им то, что до сих пор скрывал:

— Я раньше думал так же, как и ты. Я считал, что моя мама никогда не закроет окно. И поэтому я не торопился возвращаться, и прошло много, много, много солнц и лун. А потом я полетел назад. Но окно детской было закрыто, а в моей постельке спал мальчик.

— Ты в этом уверен?

— Да.

Так вот оно как бывает! Значит, надо что-то предпринять. Ребёнок всегда лучше всех понимает, что пришла пора сдаваться.

— Венди, нам пора домой! — закричали Джон и Майкл одновременно.

— Пора, — сказала Венди.

— Но не сейчас же? — завопили мальчишки, растерявшись.

В глубине того, что называется душой, дети понимали, что ребёнок может обойтись без матери. Это матери кажется, что он не может без неё обойтись.

— Немедленно, — сказала Венди. — Мама, наверное, думает, что мы умерли.

Она так испугалась за мать, что в эту минуту не подумала о Питере и сказала ему довольно резко:

— Питер, надеюсь, ты займёшься необходимыми приготовлениями?

— Пожалуйста, — сказал он спокойно, как будто она попросила его передать ей вазочку с орехами.

Он поднялся наверх по стволу и отдал краснокожим несколько коротких приказов. Когда он вернулся, он застал дома ужасную картину.

Мысль о том, что они теряют Венди, привела мальчишек в панику.

— Нам будет ещё хуже, чем до неё! — кричали они.

— Мы её не отпустим!

— Мы её свяжем!

В этом критическом положении инстинкт подсказал ей, к кому обратиться за помощью.

— Болтун, — крикнула она, — защити меня!

И не странно ли, что она воззвала к самому робкому и глупенькому? Вся глупость тут же соскочила с Болтуна.

— Я всего лишь Болтун, — крикнул он, — и всем на меня наплевать! Но всякому, кто посмеет дотронуться до Венди, я разобью нос в кровь!

Мальчишки отступили. И в этот самый момент вернулся Питер.

— Венди, — сказал он, — я попросил индейцев проводить тебя через лес.

— Спасибо, Питер.

— А затем, — продолжал он отрывистым, колючим голосом человека, который привык, что ему повинуются, — Динь-Динь поможет перелететь вам над морем.

Динь, несомненно, была счастлива услышать, что Венди уходит. А у мальчишек был совершенно потерянный вид.

— Дети, — сказала Венди, — если захотите, полетим все вместе, я уверена, что мама с папой вас всех усыновят. Я берусь их уговорить.

Больше всех Венди, конечно, имела в виду Питера. Но каждый из мальчишек принял её приглашение на свой счёт, и все запрыгали от радости.

— Питер, можно и нам? — спросили они с мольбой в голосе.

— Хорошо, — сказал Питер.

И они тут же кинулись собираться.

— Питер, — сказала Венди, — прими свою микстуру перед дорогой.

Она приготовила ему лекарство, обернулась к нему, и сердце у неё оборвалось.

— Собирайся же, Питер!

У него было странное выражение лица.

— Я остаюсь, Венди.

— Нет!

— Да!

Чтобы показать ей, что её отъезд ему безразличен, он весело заскакал по комнате, играя на своей бессердечной свирели.

— Но ты найдёшь свою маму!

Но Питеру она была не нужна.

— Нет, Венди. Она станет говорить, что я уже вырос. Я не хочу.

— Но Питер...

— Нет.

Пришлось объявить это остальным мальчишкам:

— Питер остаётся.

Питер остаётся! Они растерянно переглядывались. Палки через плечо, на палках — узелки с вещами. Что ж им делать?

— Ладно, ладно, спокойно, не хныкать, до свидания, Венди.

Она взяла его за руку. Было ясно, что он не ждёт от неё поцелуя.

— Ты не будешь забывать вовремя менять бельё, Питер?

— Да, да.

— И будешь по часам принимать микстуру?

— Да.

Вот вроде бы и всё. Наступила неловкая пауза. Питер был не из тех, кто демонстрирует свои чувства.

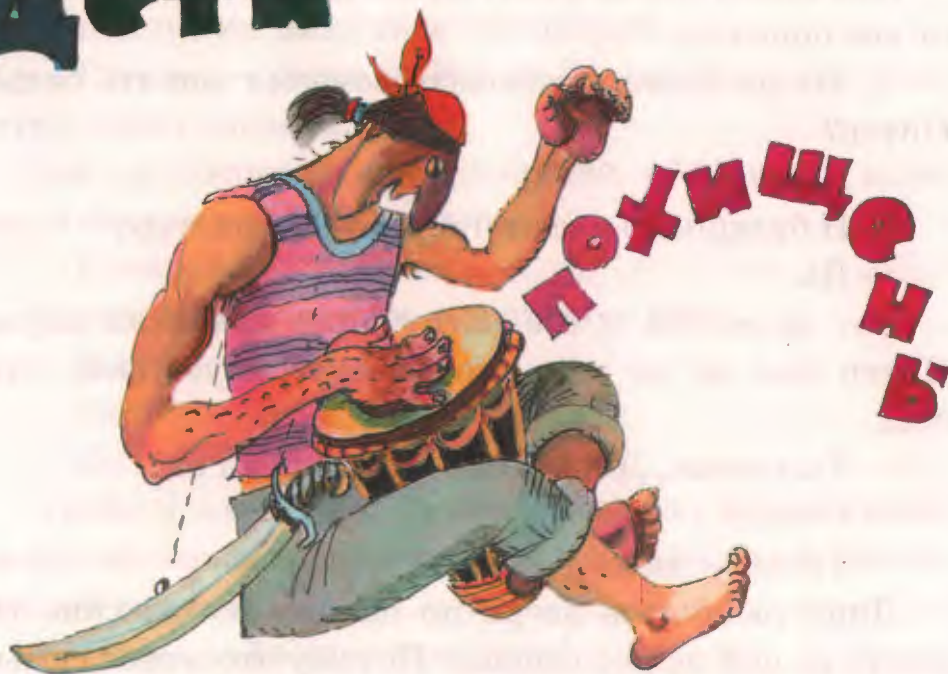
— Ты готова, Динь-Динь? — спросил он.

— Готова.

— Тогда — вперёд!

Динь рванулась вверх по одному из стволов. Но никто за ней не последовал. Потому что в этот самый момент пираты со страшной силой напали на индейцев. Наверху, где только что было всё тихо, воздух огласился криками и звоном оружия. Внизу воцарилась мёртвая тишина. Все взоры обратились на Питера, руки умоляюще вскинулись в его сторону, как бы прося защиты и спасения. Питер схватил свою саблю. Глаза его светились решимостью защитить их всех, если индейцы проиграют сражение.

Дети

Пираты застали краснокожих врасплох. Лишнее доказательство того, что бессовестный Крюк атаковал их нечестно, потому что практически застать индейцев врасплох невозможно. Они каждую минуту насторожены и всегда всё слышат острым слухом и всё замечают острым зрением.

О том, что пираты на острове, они знали с того момента, как первый из них наступил на первый

же сухой сучок. Но они никак не думали, что Крюк посмеет нарушить порядок, в соответствии с которым всегда ведётся дикарская война. Во-первых, нападать полагается индейцам, а не белым. Бледнолицые обычно располагаются на холме, у подножия которого течёт ручей. Потому что это чрезвычайно опасно — остаться без воды. Краснокожие разведчики, как змеи, ползают в траве, и ни одна травинка не шелохнётся. Кустарник смыкается над ними так бесшумно, как песок, в который зарывается крот. Тишину нарушают только их сигналы друг другу. Это подражание одинокому крику койота. У некоторых этот крик выходит даже лучше, чем у самих койотов, которые в этом не всегда достигают совершенства. Индейцы нападают, едва забрезжит рассвет, когда мужество бледнолицых обычно находится в упадке.

Зная все эти неписанные правила, индейцы со свойственной им невозмутимостью ждали, когда настанет подходящий для нападения час.

Но Крюк и его банда даже на мгновение не задержались на холме, у подножия которого протекал ручей. Они не посчитались с тем, что ночь ещё только началась. Даже ни на секунду не задумались, чтоб подождать, когда на них нападут.

Краснокожие были искушёнными воинами, ловкими и хитрыми. Они терялись только перед бесчестностью.

Они, может, и сумели бы отразить пиратскую атаку, если бы сразу вскочили при их появлении и построились цепью, которую трудно прорвать. Но и тут они не могли нарушить неписанный закон, который гласит, что благородный дикарь никогда не должен обнаруживать растерянность перед лицом бледнолицего. Поэтому, когда внезапно появились пираты, ни один мускул не дрогнул на их лицах, точно те явились по их собственному приглашению. И только после того как мужественно был исполнен закон, они схватились за оружие и воздух огласился боевыми криками. Но время было уже упущено.

Сторожевой отряд индейцев был разбит, но основная пиратская задача этой ночи не была ещё выполнена, потому что не краснокожие были заботой Джеза Крюка. Они были всего лишь пчёлами, которых надо отогнать дымом, чтобы можно было добраться до мёда. А мёдом для Крюка был Питер. Конечно, и Венди, и вся мальчишечья команда. Но главным образом — Питер.

Питер был таким маленьким мальчиком, что, право же, удивляешься глубине ненависти Крюка. Ну, что правда, то правда, Питер скормил крокодилу кусок его руки. Всё равно этот факт сам по себе с трудом объяснил бы такую жажду безжалостной и злобной мести. А дело заключалось в том, что было

в Питере не́что, что доводило пиратского капитана до бешенства. Вовсе не мужество Питера и не его хорошенькая внешность. Да, собственно, гадать нечего, нам точно известно, что́ это было, и мы должны об этом объявить. Это его зазнайство. Оно действовало Крюку на нервы. По ночам оно его беспокоило, точно насекомое. Пока Питер оставался в живых, Крюк чувствовал себя львом в клетке, куда залетел нахальный воробей.

Весь вопрос для пиратов теперь заключался в том, как спуститься вниз по пустым стволам. Крюк

оглядел свою команду. Глаза его выискивали самого худого. Пираты беспокойно ёрзали. Каждый из них знал, что Крюк не остановится перед тем, чтобы пропихнуть их через стволы при помощи кольев.

А что же мальчишки? Давайте спустимся к ним на минутку.

Грохот наверху закончился так же внезапно, как и начался. Но, прошумев, как гроза, он решил теперь их судьбу.

Кто победил?

Пираты жадно прислушивались к голосам, доносившимся через пустые стволы. Они слышали вопрос, который задали Питеру мальчишки. Увы! Они подслушали и его ответ.

— Если победили индейцы, они будут бить в тамтам. Это у них означает победу.

Незадолго до этого Сми как раз наткнулся на тамтам и теперь на нём восседал.

— Как же, сейчас, услышишь ты победный тамтам! — пробормотал он себе под нос.

Но, к страшному его удивлению, Крюк велел ему бить в тамтам. И понемногу до Сми дошло чудовищное коварство этого приказа. Может быть, до этой минуты простак Сми так не восхищался Крюком.

Сми дважды ударил по инструменту и потом остановился, чтобы послушать.

— Тамтам! — услышали негодяи радостный возглас Питера. — Индейцы победили!

Обречённые мальчики ответили ему дружным «ура». И это «ура» отозвалось музыкой в чёрных душах тех, кто ждал наверху. Мальчишки снова попрощались с Питером. Это слегка озадачило пиратов, но в тот момент всякие чувства затмевались в их сердцах одним — радостью, что враги сами сейчас поднимутся к ним по стволам. Они злорадно ухмылялись и потирали руки. Крюк шёпотом отдал приказание: по пирату к каждому дереву, всем остальным выстроиться в цепь на расстоянии двух ярдов друг от друга.

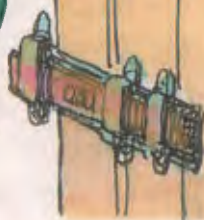
глава 13

ВЫ ВЕРИТЕ,
ЧТО

СУЩЕСТВУЮТ

ФЕИ?

Первым на поверхность выскочил Кудряш. Он тут же оказался в объятиях Чекко, который швырнул его Сми, а тот швырнул его в руки Старки, который в свою очередь швырнул его Биллу Джуксу, и так далее, пока он не свалился под ноги огромному

негру. Всех мальчишек вытаскивали, как репу из грядки, за волосы самым безжалостным образом, едва только их головы показывались наружу. Их швыряли от одного к другому, как на пристанях перешвыривают тюки с товаром — с рук на руки, по конвейеру.

Совсем иного обращения удостоилась Венди, которая выходила последней. С иронической любезностью Крюк предложил ей руку, не забыв предварительно снять шляпу и изысканно поклониться. Он сам проводил её к тому месту, где всем другим уже засовывали в рот кляп. Но мало того, их ещё складывали пополам и перевязывали верёвками, как свёртки.

Всё шло спокойно до тех пор, пока дело не дошло до Малышки. Оказалось, что из него получался тот самый свёрток, который никак не удаётся обвязать верёвкой. Только ты его обвяжешь, как оказывается, что второй конец верёвки остался такой коротенький, что не получается узла. И свёрток при этом выскальзывает из рук, и всё надо начинать сначала. Пираты поддавали ему ногами от злости, как обычно поддают свёртку, который не желает увязываться (хотя по справедливости наподдать надо было бы верёвке); странно сказать, не кто иной, как Крюк, велел им перестать. На его лице заиграла улыбка злобного торжества. Малышка, бледный до самой шеи,

понял, что Крюк открыл его секрет. Крюк догадался, что в дереве, по которому спускался в дом этот пухлый парень, не застрянет и взрослый человек средних размеров. Малышка сразу сообразил, какой опасности подвергается из-за него Питер. Всё дело в том, что он не умел удерживаться от питья воды в жару, пил жадно и помногу. И вместо того чтобы сбросить вес и соответствовать своему дереву, как этого требовал Питер, он выдолбил проход по своему размеру.

Как только Крюк это понял, он понял и то, что Питер теперь в его руках. Но он ни словечком не выдал тот дьявольский план, который сейчас созревал в глубинах его чёрного сознания. Он лишь отдал распоряжение, чтобы пленников отвели на корабль. Только вот каким образом? Связанных, их, конечно, можно было бы катить, как бочки, но часть пути проходила по болотам, где они могли бы утонуть. Но острый ум Крюка преодолел и эту трудность. Он приказал, чтобы маленький домик был использован как перевозочное средство. Ребят покидали в домик, четверо дюжих пиратов подняли его на плечи, а остальные пошли следом, распевая свои кровожадные пиратские песни. Странная процессия двинулась через лес.

Первое, что сделал Крюк, оставшись в одиночестве, в густеющей ночной темноте, — подошёл на

цыпочках к Малышкиному дереву. Он хотел убедиться, что проход ему обеспечен. Потом он долго стоял неподвижно, по-видимому о чём-то размышляя. Спит ли этот мальчишка или поджидает его возле самого широкого дерева с кинжалом в руке? Узнать было невозможно, иначе как спустившись вниз. Крюк сбросил плащ на землю и, закусив губу, сделал шаг к дереву. Он был храбрым человеком. Но в этот момент он помедлил, чтобы отереть пот со лба, который капал с него, как воск с оплывающей свечи. Потом, решившись, стал быстро спускаться навстречу неизвестности.

Он добрался благополучно до конца ствола. По мере того как его глаза осваивались в тусклом освещении, разные предметы в подземном доме стали приобретать очертания. Но только один из них приковал его жадный взгляд. Это была большая кровать. На этой кровати лежал Питер и крепко спал.

Нисколько не догадываясь о трагедии, которая разыгралась наверху, Питер, после того как все ушли, ещё некоторое время поиграл на своей свирели. Это была, конечно, довольно слабая попытка доказать самому себе, что ему на всех наплевать. Потом, чтобы досадить Венди, он решил ни за что не принимать лекарства. Потом он лёг на кровать поверх одеяла, чтобы огорчить её ещё больше. Потом он чуть не

расплакался, но тут ему пришло в голову, как негодовала бы Венди, если бы он в подобной ситуации смеялся.

И он надменно рассмеялся и заснул, так и не успев досмеяться до конца.

Так он и лежал перед Крюком, ни о чем не подозревающий и беззащитный.

Отдадим справедливость Крюку: картина, которую он увидел, растрогала его. Может быть, он и вернулся бы тем же путём обратно, не причинив Питеру вреда, если бы не одно обстоятельство.

Что его остановило, так это то, что у Питера во сне был вид дерзкий и вызывающий. Рука свесилась с кровати, нога согнута в коленке, рот приоткрыт, видны жемчужные молочные зубы. Просто воплощение нахальства! Сердце Крюка сделалось холодным, как сталь. Если бы его в ту минуту разорвало в клочки от ярости, то это ничему бы не помогло. Каждый его кусочек, не обращая внимания на происходящее, кинулся бы на спящего Питера.

При первой же попытке сделать шаг к кровати Крюк натолкнулся на препятствие. Это была дверь. Оказывается, она не доходила до дверного проёма, и всё, что Крюку удалось до сих пор рассмотреть, он созерцал сквозь щель. Щеколда на двери была расположена низко, и Крюку, сжатому стволом дерева, было до неё не достать. Он заскрипел зубами от

злости. Неужели и на этот раз враг его останется не-
вредим?

Но что это? Красный злой огонёк в его глазах высветил лекарство Питера, которое стояло на краю стола. До него было легко дотянуться, потому что рука Крюка проходила в щель между проёмом и дверью. Он понял, что спящий в его власти.

Чтобы не попасть в руки врага живым, Крюк всегда носил с собой в пузырьрёчке отраву, которую он составил сам из всех ядов, когда-либо попадавших ему в руки. Это была желтоватая жидкость, неизвестная науке, самая смертоносная из всех ядов на свете.

Он накапал пять капель в чашку с лекарством. Рука его дрожала. Скорее от возбуждения, чем от стыда. Затем он бросил злорадный взгляд на спящего Питера и ужом выполз из дерева наверх. Вид у него был такой, точно сам дух зла покидает преисподнюю. Он надвинул шляпу на глаза, обернулся плащом, точно стараясь отгородиться от ночи, и, бормоча какие-то странные слова, осторожными шагами углубился в лес.

Питер продолжал спать. Было, должно быть, не меньше десяти часов по крокодильскому времени, когда он вдруг резко сел на кровати. Что-то его разбудило, но он не знал что. Это было мягкое, тихое постукивание в дверь.

— Кто там?

Долго не было ответа. Потом опять раздался стук.

— Я не открою, пока мне не скажут, кто стучит.

Тогда в ответ послышался нежный звон колокольчика.

— Открой мне, Питер.

Это была Динь. Он быстренько отпер дверь. Она влетела в комнату. Лицо её было красное, платице в грязи.

— Что случилось?

— Ты ни за что не догадаешься.

— Говори немедленно, — приказал Питер.

Одним предложением, длинным, как лента фокусника, которую он вынимает у себя изо рта, Динь поведала о том, как пираты захватили в плен Венди и всех мальчишек.

Сердце у Питера обрывалось и подскакивало, пока он слушал Динь.

— Я спасу её! — крикнул он, бросаясь к своему оружию.

Пока он вооружался, он подумал, что может сделать приятную для Венди вещь. Принять лекарство! Его рука потянулась к чашке.

— Нет! — взвизгнула Динь-Динь, которая слышала, как Крюк бормотал, что он отравил лекарство.

— Почему — нет?

— Оно отравлено.

— Отравлено? Кто бы это мог его отравить?

— Крюк.

— Не говори глупостей! Как бы это Крюк мог умудриться сюда попасть?

Увы, Динь-Динь не могла этого объяснить, потому что она не знала мрачного секрета Малышкиного дерева. Однако слова Крюка не оставляли ни малейших сомнений. В чашке был яд.

— Кроме того, — сказал Питер, уверенный в том, что говорит правду, — я ни на минуту не смыкал глаз.

Он поднёс чашку ко рту. Времени для объяснений не было. Надо было действовать. Динь молнией метнулась между его губами и краями чашки и так же молниеносно осушила её.

— Динь, как ты смела выпить мою микстуру?

Но она не ответила. Она падала, переворачиваясь в воздухе.

— Что с тобой, Динь? — испугался Питер.

— Оно было отравлено, Питер, — сказала она ему ласково. — И теперь я умру.

— Динь, ты выпила яд, чтобы спасти меня?

— Да.

— Но почему, Динь?

Крылья почти уже не держали её. Но она собрала силы и тихонечко коснулась его подбородка. Она прошептала ему на ухо:

— Дурачок ты.

Потом еле-еле добралась до своей комнатки и упала на свою кровать. Огонёк её угасал. Она что-то шептала. Питер с трудом разобрал её шёпот. Она говорила, что ей, может быть, могло бы помочь, если бы много ребят сказали, что они верят в фею.

Питер широко раскинул руки. Что делать? На острове нет ребят, но он обратился к тем, кто в этот момент видел остров Нетинебудет во сне и поэтому находился к нему гораздо ближе, чем вы думаете. В этот момент сна девочки и мальчики в ночных рубашечках в своих кроватях и голенькие индейские ребятишки в своих корзинках — все оказались на деревьях острова.

— Вы верите, что феи существуют? — крикнул им Питер.

Динь приподнялась на кровати, ожидая приговора.

— Если верите, хлопайте в ладоши! Хлопайте, не дайте Динь умереть!

Раздалось много хлопков. Некоторые не хлопали. Некоторые негодяи даже зашикали.

Вдруг аплодисменты прекратились. Точно тысячи матерей в один и тот же момент бросились к своим детям узнать, что с ними, в конце-то концов, происходит. Но Динь уже была спасена.

Сначала понемногу окреп её голосок. Потом она выпрыгнула из кровати. Её огонёк заметался по комнате, более весёлый и дерзкий, чем прежде.

— Теперь надо спасти Венди! — воскликнул Питер.

Луна плыла в облаках, когда Питер выбрался наверх, весь опоясанный оружием. Он хотел было полететь низко над землёй, но его тень, которой пришлось бы продираться через кроны деревьев, могла переполошить птиц, а это дало бы знать врагам, что он жив и действует. Лёгкий снежок, который выпал недавно, запорошил все следы.

Питер научил ребят кое-какой лесной премудрости, которую сам перенял от Тигровой Лилии и Динь-Динь. Он знал, что Малышка, если б мог, оставил бы зарубки на деревьях, а Кудряш накидал бы камешков. Возможно, что Венди кинула бы носовой платок где-нибудь на видном месте. Но чтобы обнаружить всё это, пришлось бы дожидаться рассвета, а он не мог терять времени.

Питер произнёс страшную клятву:

— На этот раз — или Крюк, или я!

Он шёл, пригибаясь к земле, невидимый и неслышимый. Потом распрямился и побежал, придерживая рукой обнажённый кинжал.

людоед, которому не нужны были никакие сторожевые вахты. К нему всё равно не подошло бы никакое морское судно, в ужасе от одного только имени этого корабля.

Ночь окутывала его плотным одеялом. На берег не доносилось с него ни единого звука. Да и вряд ли эти звуки могли быть приятными, кроме разве что жужжания швейной машинки, за которой сидел Сми. Воплощение обычности и серости, он был даже чем-то трогателен, этот Сми.

Кое-кто из пиратов, облокотившись о фальшборт, распивал джин, другие растянулись возле бочек, играя в карты и в кости. Те четверо, что несли домик, валялись на палубе, измученные тяжёлой ношей, и спали. Но даже во сне они не забывали откатиться подальше от Крюка, чтобы он ненароком не всадил в них свой железный коготь.

Крюк вышагивал по палубе, погружённый в свои мысли. Это был час его торжества. Питер наконец-то был навсегда устранён с его пути. Все остальные мальчишки были на бриге, и скоро их ожидала планка. Это была доска, нависшая над морской пучиной. Когда человек доходил до конца доски, другой её конец, едва закреплённый, тут же освобождался — и несчастный летел в воду на съедение акулам.

Крюк шагал твёрдо, но радости не чувствовалось в его поступи. Крюк был подавлен. Им часто овладе-

вало такое настроение, когда он оставался наедине с собой в ночной тишине. Он был в общем-то очень одиноким человеком. Пираты, верные собаки, не были его друзьями.

Крюк было его прозвище, а не настоящее имя. Он был из хорошей семьи и окончил когда-то привилегированную школу. Кое-что из её традиций всё ещё оставалось в нём. И в особенности забота о том, чтобы быть всегда в хорошей форме.

В хорошей ли форме он сейчас? Вот над чем размышлял мрачный Крюк.

Его вдруг посетило предчувствие скорого конца. Точно страшная клятва Питера достигла в этот момент корабля. Потом его ошеломила мысль: «Меня всегда не любили дети». Странно, что он подумал о том, что никогда в жизни его не заботило. Швейная машинка, что ли, нагоняла на него меланхолию? Да, дети его всегда боялись. Вот Сми-то они почему-то не боятся! Он им даже вроде бы нравится. Чем же он им нравится? Может, тем, что он в форме? Боцман всегда был в хорошей форме, хотя сам не догадывался об этом. А не догадываться — это и есть лучшая форма! Крюк уже занёс свой коготь над Сми, но остановился. Ударить человека за то, что он в форме? Что это должно было означать? То, что ты сам — в плохой форме!

— Свистать всех наверх! — отдал он команду громовым голосом. — Вывести пленников.

Бедных узников, всех, кроме Венди, выстроили перед ним.

— Так вот что, паршивцы, — обратился к ним Крюк. — Шестеро из вас сейчас прогуляются по дощечке, но мне нужны два юнги. Кто из вас будет мне служить?

Когда они ещё сидели в тюрьме, Венди велела им: «Не раздражайте его понапрасну». Поэтому послушный Болтун сделал шаг вперёд, и хотя ему была неприятна мысль покоряться такому мерзкому человеку, как Крюк, он начал очень вежливо:

— Я не думаю, сэр, чтобы моей матери была симпатична мысль, что её сын сделался пиратом. И твоей тоже, Малышка, а?

Он подмигнул Малышке.

— И я думаю: да, она бы не захотела, — сказал Малышка с таким видом, точно желал, чтобы это было наоборот. — А ваша мама, Двойняшки, захотела бы, чтобы вы стали пиратами?

— Вряд ли, — ответил один из Двойняшек.

— А твоя мама, Кончик...

— Прекратите! — завопил Крюк. — Вот ты, мальчик, — обратился он к Джону, — разве ты никогда не хотел быть пиратом?

Джон действительно иногда мечтал об этом, когда его заставляли решать задачки по арифметике. Его поразило, что Крюк об этом догадался.

— Хотел. И чтобы меня называли Джек Красная Рука.

— Хорошее имя, — подтвердил Крюк. — Мы будем так тебя называть, если ты станешь пиратом.

— Как ты думаешь, Майкл? — спросил Джон.

И вдруг Крюк по его глазам понял, что тот просто дурачит его и оттягивает время. Он взорвался:

— Хватит! Готовьте планку и приведите сюда их мамашу!

Они были всего лишь мальчишками, и они побелели от ужаса, видя, как Джукс и Чекко привязывают доску. Но они постарались выглядеть молодцами, когда на палубу вывели Венди.

Трудно было передать, как Венди презирала пиратов. Ещё для мальчишек в самом слове «пират» было что-то захватывающее. А она увидела лишь то, что судно не драилось годами. Всё так заросло грязью и пылью, что не было ни одного предмета, на котором нельзя было бы написать пальцем «Дурак». И она кое на чём уже написала.

— Так вот, красавица, — сказал Крюк сладким голосом, точно он сидел в сахарном сиропе. — Сейчас ты увидишь, как твои деточки прогуливаются по планочке.

— Они должны умереть? — спросила она, глядя на него с таким презрением, что он чуть не потерял сознание.

— Обязательно! — закричал он. — Тихо! Мать скажет прощальное слово своим детям.

Венди была великолепа в этот момент.

— Вот моё последнее слово к вам, дорогие мои мальчики. Я знаю, что́ должна передать вам от ваших настоящих матерей. Они всегда говорят в таких случаях: «Если нашим детям суждено умереть, пусть они умрут мужественно и гордо».

От этой речи даже пираты растерялись и растрогались. Первым пришёл в себя, конечно, Крюк:

— Привязать её!

Её привязывал Сми. Он шепнул ей:

— Послушай, милая, я спасу тебя, если ты согласишься стать моей мамой.

Но даже симпатичному Сми она не могла этого обещать.

— Я предпочту остаться бездетной, — сказала она презрительно.

Крюк сделал шаг по направлению к Венди. Он собирался повернуть её лицо таким образом, чтобы она видела, как её дети погибнут один за другим. Но он не дошёл до неё. Он никогда не услышал страдальческого стопа, который хотел из неё исторгнуть.

Он услышал нечто иное.

Это было ужасное тик-так крокодила.

Все они: и пираты, и мальчишки, и Венди — слышали тиканье, и все взоры, как флюгера от ветра,

повернулись в одну сторону. Все глядели не туда, откуда доносились звуки, а на Крюка. Всем было ясно: то, что должно сейчас произойти, касается его одного; в один миг они превратились из действующих лиц в зрителей.

Было страшно наблюдать, как Крюк меняется в лице. Он рухнул на палубу. Всеми владела одна и та же мысль: крокодил вот-вот поднимется на корабль.

Другой бы на месте Крюка так и остался бы лежать без чувств. Но деятельный мозг Крюка заработал.

Он стал на четвереньки и отполз в дальний конец палубы.

— Спрячьте меня, — прохрипел он.

Пираты окружили Крюка, не глядя туда, откуда мог появиться крокодил. Они не собирались сражаться с ним. Это была сама судьба.

Когда мальчишки перестали видеть Крюка, страх уступил место любопытству. Они все ринулись к тому борту, откуда доносилось тиканье часов, чтобы увидеть, как крокодил карабкается на борт. И тут им предстоял самый большой сюрприз этой Ночи Ночей. Потому что вовсе не крокодил спешил им на помощь. Это был Питер. Он подал им знак, чтобы они сдержали готовый сорваться вопль восхищения, и продолжал тикать.

Странные вещи случаются с нами иногда в жизни. А мы даже не замечаем, что они происходят. Так, например, мы вдруг обнаруживаем, что какое-то время были глухи на одно ухо, ну, скажем, в течение получаса. Такое произошло с Питером в ту самую ночь. Мы оставили его на острове, когда он крался по берегу, прижимая палец к губам, а в дру-

гой руке держа наготове кинжал. Он видел, как мимо проплыл крокодил, и не нашёл в этом ничего необычного. Но постепенно до сознания Питера дошла удивительная вещь: крокодил не тикал. Спервоначально ему стало жутко, а потом он сообразил, что часы просто испортились. Нимало не заботясь о том, что может чувствовать живое существо, которое так внезапно лишилось своего постоянного спутника, Питер быстро понял, как он может обернуть это открытие в свою пользу. Он решил сам тикать, чтобы дикие звери подумали, что он крокодил, и дали ему пройти невредимым. Он тикал великолепно. Только одну вещь он упустил из виду. Крокодил тоже оказался среди тех, кто слышал тиканье часов. И он устремился следом. То ли решив, что он сможет получить назад свою потерю, то ли из дружеских чувств решив, что часы вырвались на волю и тикают сами по себе и не худо бы с ними встретиться. Этого никто никогда не узнает. Ясно одно: что крокодил, как и всякое существо, одержимое навязчивой идеей, был глупым животным.

Питер благополучно добрался до берега и вошёл в воду, как бы не замечая перемены стихии. Так входят в воду многие звери, а люди, насколько я знаю, — никогда.

Он плыл, и только одна мысль всё время вертелась у него в голове: «На этот раз — или Крюк, или я!»

Он уже так долго тикал, что теперь продолжал тикать, сам того не замечая. Если бы он делал это сознательно, то в воде он бы перестал тикать, потому что там не было диких зверей, а гениальная идея попасть на корабль, изображая тикающего крокодила, ему ещё не пришла в голову. Наоборот, он странно удивился, что все пираты отпрянули от борта, а Крюк в страхе спрятался за их спины, будто на него шёл крокодил.

Крокодил! Как только Питер о нём вспомнил, он сам словно впервые услышал собственное тиканье. «Какой я умный!» — решил он тут же и сделал мальчишкам знак, чтобы они вдруг не разразились аплодисментами.

В этот самый момент квартирмейстер Эд Тинт, покинув полубак, показался на палубе.

А теперь, дорогой читатель, засекай время героического происшествия на своих часах. Питер ударил Тинта изо всех сил. Джон зажал ему рот рукой. Тинт стал падать ничком, и четверо мальчишек подхватили его, чтоб грохот от падения тела не услышали пираты. Питер жестом дал команду, и квартирмейстер полетел за борт. Раздался плеск. Потом наступила тишина.

Сколько времени прошло?

— Один! — Малышка открыл счёт.

Выждав немного, Питер на цыпочках пробрался в каюту. Он не собирался ограничиться одним выбро-

шенным за борт пиратом. Остальные пираты поняли, что они слышат своё дыхание.

— Он уплыл, капитан, — сказал Сми, протирая свои очки. — Всё тихо.

Крюк медленно поднял голову и прислушался. Он вслушивался так старательно, что казалось, он слышал бы не только тиканье часов, но даже и эхо от него. Не было слышно ни звука, и он поднялся на ноги.

— Ну, тогда да здравствует Джон Доска! — закричал он бысстыдно, ещё больше, чем прежде, ненавидя мальчишек за то, что они видели его унижение. И он громким голосом запел мерзкую пиратскую песенку:

Йо-хо, йо-хо, дрожит доска,
Роняет глаз слезу,
Там ждут селёдка и треска
И Дэви Джонс — внизу.

Слегка роняя своё достоинство, он отплясывал перед ними, изображая, как он идёт по доске и как он падает в воду.

— Не хотите ли, чтобы кошечка погладила вас перед прогулкой?

— Нет, нет! — умоляюще кричали мальчишки и все как один упали на колени.

Пираты злорадно ухмылялись.

— Джукс! — закричал Крюк. — Принеси кошку, она в каюте.

В каюте! Но в каюте был Питер! Мальчики переглянулись.

— Есть, сэр, — отозвался Джукс. И направился к каюте.

Они следили за ним взглядом. Они даже почти и не слышали, что Крюк снова затянул песню, а все его послушные собаки-пираты подхватили:

У кошки когти — йо-хо-хо!
И целых семь хвостов,
Они пройдутся по спине...

Что говорилось в последней строчке, мы никогда не узнаем, потому что песню остановил пронзительный вопль, донёсшийся из каюты. Он пролетел по всему кораблю и смолк. После чего раздался петушиный крик, который был так хорошо знаком мальчишкам, а пиратам показался ещё более жутким, чем вопль минуту назад.

— Что это? — спросил Крюк.

— Два, — торжественно продолжил счёт Малышка.

Итальянец Чекко поколебался мгновение, но потом пошёл в сторону каюты. Он вышел оттуда шатаясь.

— Что с ним случилось, отвечай, пёс! — накинулся на него Крюк.

— Он мёртв. Заколот кинжалом.

— Билл Джукс — мёртв? — завопили перепуганные пираты.

— В каюте темно, как в преисподней, но там что-то есть. Что-то ужасное, что кричит петухом.

— Чекко, — сказал Крюк, и в голосе его слышалась сталь. — Иди туда и принеси мне из каюты этого петьку.

— Не пойду! — завопил дрожащий Чекко.

Но Крюк показал ему свой коготь:

— Ты говоришь, что идёшь, да?

Больше уже никто не распевал. Пираты прислушивались. И опять раздался предсмертный вопль и весёлое кукареканье.

И Малышка сказал:

— Три.

— Печёнки-селезёнки, чёрт и дьявол, кто же наконец вытащит оттуда этого петуха?

— Подожди, пока выйдет Чекко, — сказал Старки.

— Кажется, ты вызываешься идти, Старки? — сказал Крюк ласковым голосом.

— Нет, чёрт возьми! — сказал Старки.

— А мой крюк думает иначе. И он никогда не ошибается.

Старки оглянулся вокруг в поисках поддержки, но все отвернулись. Старки пятился, а Крюк наступал на него. С воплем Старки вскочил на Большого Тома и оттуда сверзился в воду.

А Малышка сказал:

— Четыре.

— Кому-нибудь хочется бунтовать? — произнёс Крюк тоном изысканной вежливости и сам направился к каюте.

«Пять!» — так и хотелось сказать Малышке. Он уже облизнул губы и приготовился это произнести, как Крюк, где-то потерявший свой фонарь, качаясь, вывалился из каюты.

— Что-то погасило мой фонарь, — сказал он. Голос плохо его слушался.

— Что-то! — точно эхо отозвались пираты.

— А что с Чекко?

— Мёртв, так же как и Джукс, — отрезал Крюк.

— Мы пропали, — пронеслось среди пиратов. — Наш корабль обречён!

В ответ на это мальчишки не сдержали радостного возгласа. Крюк было забыл о них. Теперь он резко к ним повернулся.

— Братва! — крикнул он пиратам. — Откройте каюту и втолкните их туда. Пусть дерутся с этим петухом не на жизнь, а на смерть. Если они его убьют, тем лучше для нас. Если он их убьёт, нам от этого хуже не станет.

В последний раз верные собаки пришли в восторг от своего хозяина. Мальчишки, разыгрывая сопротивление, вломились в каюту, и дверь за ними замкнулась.

— Теперь прислушайтесь! — скомандовал Крюк и сам стал прислушиваться.

Смотреть на дверь никто не смел. Нет, один человек смел — Венди, которая всё это время оставалась привязанной к мачте. Она не ждала ни воплей, ни кукареканья. Она ждала Питера.

Ей не пришлось долго ждать. В каюте Питер нашёл то, что ему было нужно: ключ от наручников, чтобы освободить мальчишек. Они вооружились чем могли. Сначала Питер велел им спрятаться и выскользнул из каюты незамеченным. Он быстро разрезал верёвки, которыми была опутана Венди. А потом ничего не было легче, как просто всем вместе удрать с корабля.

Но одно препятствие всё же преграждало им дорогу, это была клятва: «На этот раз — или Крюк, или я!»

Когда Питер освободил Венди, он шепнул ей, чтобы она спряталась вместе с остальными, а сам стал к мачте, завернувшись в её плащ так, чтобы его нельзя было узнать. Он набрал в лёгкие воздух и закукарекал.

Пираты решили, что этот голос возвещает гибель всех мальчишек. Они пришли в страшную панику. Крюк пытался их успокоить. Но он сам сделал из них собак, и они теперь показывали ему клыки. Он не сводил с них глаз. Ему было ясно: стоит только отвернуться, как они кинутся на него.

— Ребята, я догадался, — сказал он. — Никогда ещё не было счастья пиратскому судну, когда на борту его находилась женщина.

Кто-то вспомнил, что вроде бы Флинт когда-то говорил то же самое.

— Швырните девчонку за борт, — скомандовал Крюк.

— Теперь уж тебя никому не спасти, голубка, — прошипел Муллинз.

— Нет, есть кому, — ответила фигура, завёрнутая в плащ.

— Кто же это?

— Питер Пэн, мститель, — раздался грозный ответ. Говоря это, Питер сбросил плащ.

Теперь стало ясно, кто уничтожил пиратов в каюте. Крюк дважды пытался заговорить, и оба раза слова не шли у него с языка. В этот ужасный момент, думаю я, его жестокое сердце разбилось. Наконец он выкрикнул:

— Порубить его на котлеты!

Но его голосу как-то не доставало уверенности.

— Ко мне, мальчишки! — позвал Питер.

Через мгновение корабль наполнился звоном оружия. Может, пираты и победили бы, если бы они сражались дружно. Но натиск застал их рассеянными в разных местах, и они метались по палубе, и каждый из них считал, что он единственный пока ещё остал-

ся в живых. Некоторые из негодяев со страху сами попрыгали в воду, другие прятались в тёмных углах, где их отыскивал Малышка. Он не сражался оружием. Он носился с фонарём в руках и ослеплял пиратов, которые легко попадали другим мальчишкам на нож. Было слышно, как Малышка монотонно отсчитывал — пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать...

Они расправились со всеми, и оставался один только Крюк, но он стоил всех пиратов, вместе взятых.

— Мечи в ножны, ребята! — вдруг закричал Питер. — Этот человек принадлежит мне.

Так неожиданно для себя Крюк оказался лицом к лицу с Питером. Остальные отошли и образовали вокруг них кольцо.

Долго-долго смотрели они друг на друга.

— Заносчивый и высокомерный мальчишка, — сказал Крюк, — готовься встретить свою судьбу.

— Злой и мрачный мужчина, я тебя одолею, — сказал Питер.

Больше ни слова не говоря, они скрестили оружие. Вначале ни на чьей стороне не было преимущества. Питер был отличным фехтовальщиком. Но его рука была много короче, чем рука капитана Крюка. Крюк тоже великолепно фехтовал, но ему не доставало гибкости. Победа в открытом бою не давалась ему. И тогда он решил применить хитрость. Продолжая

парировать удары левой рукой, он размахнулся правой и хотел вонзить в Питера свой железный коготь. Но Питер увернулся, и страшное оружие, отскочив от палубы, вонзилось остриём негодяю под рёбра. Непривычный вид собственной крови был непереносим для Крюка. Шпага выпала у него из руки, Питер мог делать с ним всё, что угодно.

— Ну же! — закричали мальчишки.

Но Питер царственным жестом предложил ему поднять шпагу и продолжить бой. Крюк мгновенно её поднял, но трагическое ощущение, что враг выказывает хорошую форму, сильно смущало его душу.

— Пэн, кто ты такой, в конце концов? — закричал он.

— Я — юность, я — радость, я — маленькая птичка, проклюнувшаяся из яйца! — весело ответил Питер.

Это был, конечно, вздор. Но он лишний раз доказывал, что Питер не осознаёт себя, а это уже было самой сутью хорошей формы.

Крюк продолжал сражаться без всякой надежды на победу. Ему уже было в общем-то всё равно. Одного только жаждало его сердце, прежде чем остыть навсегда: увидеть, как Питер продемонстрирует плохую форму. Он прекратил сражение и ринулся в пороховой склад. Там он поджёг фитиль.

— Через две минуты корабль взорвётся! — завопил он.

Вот теперь-то, теперь наконец-то он увидит его истинную форму! Но Питер спокойно спустился в пороховой склад, так же спокойно вернулся и выбросил горящий фитиль за борт.

Джеймс Крюк, с этой минуты переставший быть героической личностью, прощай навсегда!

Потому что мы теперь подошли к его последней минуте. Видя, что Питер наступает на него, нацелив кинжал, он отступил и взобрался на фальшборт. Он не знал, что в воде его поджидает крокодил. Но он всё же испытал под конец свой последний триумф, и мы постараемся не отнестись к нему пристрастно. Стоя на фальшборте, Крюк видел через плечо подлетавшего к нему Питера. Выждав момент, пират нагнулся, и Питер, вместо того чтобы ударить кинжалом, лягнул его. Наконец-то злодей добился своего.

— Плохая форма! — воскликнул он глумливо и, довольный, отправился к крокодилу в пасть.

Так погиб Джеймс Крюк.

— Семнадцать, — пропел Малышка.

Но цифра эта была не совсем точной. Пятнадцать из них получили в эту ночь по заслугам за все их злодеяния. Двое доплыли до берега. Старки сразу попал в руки к индейцам, и они приставили его нянькой к своим ползункам. Печальный конец пиратской карьеры, не правда ли?

И ещё — Сми, который с этого дня бродил по миру в чёрных очках и рассказывал людям басню о том, что он был единственным человеком, которого боялся покойный капитан Крюк.

Венди, конечно, находилась в стороне от схватки и наблюдала за Питером, полная беспокойства и страха за него. Но теперь, когда всё было кончено, она опять заняла место мамы.

Она похвалила мальчишек за отвагу, всех поровну, а затем повела в каюту и показала им часы Крюка, которые висели на стене. На них было половина второго ночи.

То, что они не спят в такую поздноту, показалось им гвоздём всего приключения. Она быстренько уложила их спать на пиратских нарах. Всех, кроме Питера, который с важным видом расхаживал по палубе, пока не уснул прямо на досках, рядом с Большим Томом. Ему что-то приснилось, и он закричал во сне. И Венди вышла к нему и посидела с ним рядом, глядя его по голове.

Когда наутро пробили две склянки, то все уже были на ногах. Шла напряжённая морская жизнь. И боцман Болтун тоже, конечно, находился среди них, держа в руках конец каната и жуя табак. Все они обрядились в пиратские одежды, обрезанные по локоть и до колен, ходили по палубе враскачку и подтягивали штаны, как заправские моряки.

Не надо говорить, кто был их капитаном. Кончик и Джон были первым и вторым помощниками капитана.

Питер велел свистать всех наверх и произнёс речь перед командой. Он им сказал, что надеется, что они все выполняют свой долг, как настоящие матросы, а если вздумают бунтовать, то он их растерзает в клочки. Затем было отдано несколько отрывистых команд, и корабль развернулся и взял курс на материк.

Капитан Пэн, хорошенечко изучив корабельные карты, пришёл к выводу, что если ветер не изменит направления, то они достигнут Азорских островов к 21 июня, оттуда им выгоднее будет лететь, чтобы выиграть время.

Некоторые из них желали, чтобы их корабль был честным кораблём, другие хотели, чтобы он остался по-прежнему пиратским. Но капитан был строг. Он живо прекратил всякие обсуждения. Немедленное повиновение его приказу было залогом дисциплины на корабле. Малышка схлопотал по шее за то, что позволил себе растеряться, когда ему было приказано промерить глубину лотом.

У всех было такое впечатление, что Питер сейчас делал вид, что их судно — порядочное, чтобы усыпить внимание Венди, и что, когда она закончит перешивать ему один из самых пиратских костюмов

Крюка (что она делала против своей воли), то тогда капитан объявит их всех пиратами.

После даже шёпотом передавали слух, что в перешитом костюме капитан просидел всю ночь в капитанской каюте, поджав все пальцы на правой руке, кроме одного, указательного, который торчал как железный коготь.

Но сейчас, однако, вместо того чтобы продолжать любоваться кораблём, вернёмся в грустный, покинутый дом, из которого уже так давно улетели трое наших бессердечных героев.

Уверяю вас, что миссис Дарлинг не сердится на нас, что мы так долго её не навещали. Если бы мы появились у неё раньше, чтобы выразить ей своё глубокое сочувствие, она закричала бы на нас:

— Вы что, с ума сошли? Какое значение имею я? Сейчас же возвращайтесь и не спускайте глаз с детей!

И до тех пор, пока матери будут такими, дети всегда будут брать над ними верх.

Даже и теперь мы решаемся заглянуть в детскую только потому, что её законные обитатели находятся на пути к дому. Мы опередили их только для того, чтобы постельки оказались к их возвращению хорошенько проветренными, а мистер и миссис Дарлинг никуда бы не ушли из дому.

А собственно говоря, почему? Чего им сидеть дома? Разве не было бы беглецам поделом, если бы

родители спокойненько проводили субботу и воскресенье за городом? Какого лешего проветривать их постельки? Разве не заслужили они хорошенького урока за своё бессердечное поведение?

Но если бы мы организовали всё именно таким образом, миссис Дарлинг никогда бы нам этого не простила.

Хорошо бы, конечно, её известить, что они вернутся через неделю, в Четверг. Это, конечно, начисто испортило бы сюрприз, который заранее предвкушают Венди, Джон и Майкл. Они воображают мамино потрясение, папин возглас радости и Нэнины прыжки в воздухе, чтобы обнять их всех троих. Хотя на самом-то деле они заслуживали хорошую порку!

Как приятно было бы испортить им все их планы, рассказав миссис Дарлинг всё наперёд. Так, чтобы, когда они торжественно явятся, миссис Дарлинг даже бы и не поцеловала Венди, а мистер Дарлинг воскликнул бы разочарованно: «Вот чёрт, опять эти мальчишки здесь, вот морока-то!»

Но ничего подобного не произойдёт. И миссис Дарлинг даже не подумала бы благодарить нас за новости.

— Но, мадам, — сказали бы мы ей. — Ведь остаётся ещё целых десять дней. Мы на десять дней раньше избавляем вас от страданий...

— Да, но какой ценой! Вы отняли у детей десять минут восторга!

— Ну конечно. Раз вы так считаете.

— А как же ещё можно считать?

Нет, у этой женщины нет настоящего понимания вещей. Я хотел сказать о ней много хорошего, но я, право же, презираю её и ничего не скажу. Её даже не надо предупреждать, чтобы она приготовилась к их возвращению, потому что у неё и так всё готово. Все постельки проветрены. Из дома она всё равно никогда не выходит. И — можете убедиться сами — окно в детскую распахнуто настежь.

Единственно, что изменилось в детской спальне, это то, что между девятью часами утра и шестью вечера собачья будка куда-то исчезает. Когда дети улетели, мистер Дарлинг почувствовал, что вся вина лежит на нём, потому что он посадил Нэну на цепь во дворе и что она оказалась мудрее его. Конечно, как мы уже знаем, человеком он был простосердечным и даже смог бы сойти за мальчишку, если бы только смог избавиться от лысины. Но ему, надо признать, было свойственно благородное чувство справедливости и мужество непреклонно выполнять то, что он считал правильным. Он всё глубоко продумал, после того как дети улетели, а продумав, встал на четвереньки и залез в будку.

На все увещевания миссис Дарлинг он кротко отвечал:

— Нет, родная. Мне место как раз здесь.

Погружаясь в горечь раскаяния, он поклялся не вылезать из будки, пока дети не возвратятся.

Необычайно трогательным было то почтение, с каким он относился к Нэне. Он только не разрешал ей занять место в будке, во всём же остальном он выполнял все её желания.

Каждое утро будку с мистером Дарлингом грузили на извозчика, который отвозил его на работу. Таким же образом в шесть вечера он возвращался домой. Тут мы должны отдать должное силе его характера. Вспомните, ведь раньше он был так чувствителен к тому, что о нём подумают соседи.

Его поведение могло бы показаться донкихотством. Но оно, право же, было величественным. Вскоре причины такого странного поведения просочились наружу, и люди были тронуты горем этой семьи. Толпы сопровождали извозчика, приветствуя седока, прелестные девушки охотились за его автографом, лучшие репортёры столичных газет брали у него интервью, его приглашали на обеды в обществе, добавляя при этом: «Приезжайте, пожалуйста, в будке».

Через неделю, в Четверг, миссис Дарлинг находилась в детской, поджидая мужа со службы. Глаза её

были полны печали. Сейчас, когда я на неё смотрю, право же, я жалею о тех обидных словах, которые я пытался о ней говорить. Раз она так любит своих дурацких детей, так что же тут поделаешь!

Им остаётся пролететь всего две мили, и они окажутся возле своего окна. Летят они быстро.

Мистер Дарлинг возвращается домой. Будку уже внесли в спальню. Сейчас они будут обедать.

— Не поиграешь ли ты мне на пианино, прежде чем я лягу спать, дорогая? — попросил мистер Дарлинг, поев. И когда она направилась в комнату, где стоял инструмент, он сказал бездумно: — И прикрой окно, здесь такой сквозняк.

— О Джордж, никогда не проси меня об этом. Окно должно быть всегда открыто для них. Всегда-всегда!

И она подошла к пианино, подняла крышку и заиграла. И вскоре он заснул. И пока он спал, кто-то влетел в окно. Это были Питер и Динь-Динь.

— Динь, затвори окно и закрой шпингалет, быстро! — прошептал Питер. — Так! Теперь нам с тобой придётся выйти в дверь. Когда Венди прилетит, она решит, что мать её больше не любит. И она вернётся со мной обратно.

Теперь ясно, почему после победы над пиратами Питер не вернулся на остров и не поручил одной Динь сопровождать ребят. Он задумал эту проделку

с окном. Вместо того чтобы устыдиться того, что он сделал, он заплясал от радости. Потом он заглянул в другую комнату, чтобы узнать, кто там играет на пианино. Он шепнул Динь:

— Погляди, это мать Венди. Она красивая женщина, но не такая красивая, как моя мама.

Конечно, он решительно ничего не помнил о своей матери, но частенько любил хвастать на её счёт.

Он не знал песни, которую она исполняла, но ему казалось, что слова этой песни «Вернись, Венди, вернись».

«Она никогда не вернётся, леди, окно закрыто», — ответил он ей мысленно. Затем Питер заглянул в комнату, чтобы определить, почему прекратилась музыка. Он увидел, что миссис Дарлинг положила руки на пианино и что две слезинки уселись у неё в глазах.

— Она хочет, чтоб я открыл окно, — сказал Питер. — Но я не отопру.

Он снова заглянул в комнату. Слезинки всё ещё были в глазах. А может, это были уже две другие, которые заняли место первых.

— Она очень любит Венди, — пробормотал он себе под нос. — Но я тоже её люблю. Она не может принадлежать обоим сразу.

Он попытался развлечься, попрыгал по комнате и соорудил смешную рожицу. Но её печаль проникла в него и поселилась в нём.

— Ладно, — сказал он и отпер окно. — Пошли, Динь! — крикнул он, и в голосе его слышалось глубокое презрение к законам природы. — Нам ни к чему всякие дурацкие мамы!

И он вылетел в окно.

Таким образом, Венди, Джон и Майкл нашли окно открытым. Это был, конечно, гораздо лучший приём, чем они на самом деле заслужили.

Но они спрыгнули с окна на пол, совершенно не испытывая угрызений совести. Оказалось, что Майкл уже очень мало что помнит.

— Джон, — сказал он, озираясь, — кажется, я здесь когда-то был.

— Дурачок! Конечно, был. Вон же твоя кровать.

— Правда, — сказал Майкл не особенно уверенно. — Ой, а вон собачья будка! — И он кинулся к ней и заглянул внутрь.

— Может, Нэна в ней, — заметила Венди.

Но Джон присвистнул:

— Ого, там какой-то дяденька.

— Это папа! — воскликнула Венди.

— Дайте поглядеть. Ой, он какой-то маленький, меньше пирата!

Хорошо, что мистер Дарлинг спал. Ему было бы грустно, что первые слова Майкла звучали именно так.

Венди и Джон были несколько изумлены тем, что они обнаружили отца в собачьей будке.

— Но ведь раньше-то, — сказал Джон тоном человека, которого подводит память, — он в ней не спал?

— Джон, — сказала Венди, — может, мы уже хорошенько не помним, как и что было раньше?

Им стало не по себе.

— Как не стыдно маме не быть дома, когда мы вернулись, — сказал бессовестный Джон.

Как раз в эту минуту миссис Дарлинг заиграла снова.

— Это мама! — воскликнула Венди, заглядывая в соседнюю комнату.

— Мама! — это подтвердил Джон.

— Значит, ты только понарошку наша мама, Венди? — спросил Майкл.

— О господи, — вздохнула Венди, — как вовремя мы вернулись!

— Давайте войдём на цыпочках и закроем ей глаза руками, — предложил Джон.

Но Венди почувствовала, что радостные новости надо сообщить маме более деликатным способом.

— Давайте нырнём в наши постели, и, когда она войдёт, ей покажется, что мы никогда и не улетали.

Когда миссис Дарлинг вошла в детскую, чтобы посмотреть, спит ли её муж, она увидела, что кровати заняты их владельцами. Ребята ждали её радостного возгласа, но его не последовало. Она их заметила, но не поверила своим глазам.

Ей так часто казалось, что они вернулись, что она подумала, что это ей просто мерещится. Она села на стул возле камина, где прежде так часто сживала и при них.

Дети не понимали, в чём дело. Их пробрала дрожь.

— Мама! — крикнула Венди.

— Это Венди, — сказала миссис Дарлинг, не двигаясь.

— Мама!

— Это Джон.

— Мама! — завопил Майкл, который теперь её вспомнил.

— Это Майкл.

И, не глядя, она протянула руки навстречу своим маленьким бессердечным детям, которых, казалось, ей уже больше никогда не обнять.

Но они были, были здесь! Выпрыгнув из своих постелей, они кинулись к ней.

— Джордж, Джордж! — закричала она, когда смогла говорить.

И мистер Дарлинг проснулся и разделил с ними их радость, и Нэна вбежала в комнату.

Боже мой, какая это была прелестная картина! Но некому было ею любоваться, кроме странного мальчика, который, никем не замеченный, глядел в окно.

Когда Венди

стала взрослой

Я надеюсь, вам интересно знать, что случилось с остальными мальчиками. Они дожидались внизу, пока Венди успеет рассказать о них. Досчитав до пяти тысяч, они вошли в дом и двинулись вверх по лестнице. Они выстроились перед миссис Дарлинг,

сняв шапки и в душе сожалея, что на них надеты пиратские костюмы. Они ничего не говорили, но их глаза просили её принять их всех. Им бы ещё взглянуть и на мистера Дарлингга. Но они про него решительно забыли.

Конечно, миссис Дарлинг согласилась принять их всех, но мистер Дарлинг был как-то странно подавлен, и они поняли, что он считает, что шестеро — это слишком большое количество.

— Должен тебе заметить, — обратился он к Венди, — что ты ничего не делаешь наполовину.

Двойняшкам показалось, что это относится к ним.

— Если вам кажется, что нас слишком много, мы с братом уйдём, сэр, — заметил один из них, который был более самолюбив.

— Папа! — воскликнула Венди с упреком.

Но облачко на его лице продолжало оставаться. Он понимал, что ведёт себя недостойно, но ничего не мог с этим поделать.

— Мы можем спать поджав коленки, чтобы занимать меньше места, — сказал Кончик.

— Я их стригу сама, — заметила Венди.

— Джордж! — воскликнула миссис Дарлинг, которой было больно видеть любимого мужа в таком невыгодном для него свете.

Тут слёзы брызнули у него из глаз, и выяснилось, в чём было дело. Мистер Дарлинг был рад принять их

всех в дом. Только почему они не спросили и его согласия, вместо того чтобы обращаться с ним так, точно он в своём доме — нуль?

— Он нисколько не похож на нуль, — тут же откликнулся Болтун.

— Кудряш, скажи, разве он похож на нуль?

— По-моему, нет. Малышка, ты думаешь, он похож на нуль?

— Вовсе не похож. Двойняшки, как вам кажется, а?

Выяснилось, что никто не считал его нулём, и он очень обрадовался и сказал, что для них найдётся место в гостиной, если они, конечно, там поместятся.

— Поместимся, сэр, — заверили они его.

— Тогда за мной! — закричал он весело. — Я не уверен, что у нас в доме есть гостиная, но мы будем так играть, как будто есть. Гоп-ля-ля!

И он, пританцовывая, побежал по дому, и они — за ним, и все кричали: «Гоп-ля-ля!» — и пританцовывали в поисках гостиной. Я не помню, нашлась ли гостиная, но в доме было много свободных углов, и они в них как раз помещались.

Что касается Питера, то он ещё раз говорил с Венди перед расставанием. Он не то чтобы влетел в окно, но задел его, собираясь улететь, он сделал так, чтобы она могла растворить окно, если захочет. Она захотела.

— Прощай, Венди, — сказал он.

— Боже мой, ты улетаешь?

— Да.

Миссис Дарлинг подошла к окну, теперь она уже не спускала глаз с Венди. Она сказала Питеру, что усыновила всех мальчишек и охотно усыновит и его.

- И вы пошлёте меня в школу?
- Конечно.
- А потом — на работу в контору?
- Ну, вероятно.
- И скоро я вырасту и стану женщиной?
- Довольно скоро.
- Нет, не хочу! О Вендина мама! Подумать только: однажды утром я проснусь, а у меня — борода!
- Я любила бы тебя и бородатого, — успокоила его Венди, а миссис Дарлинг протянула к нему руки, но он отшатнулся:
- Осторожно, леди. Никому не удастся меня изловить и сделать из меня взрослого мужчину.
- Но где же ты будешь жить?
- В маленьком домике, который мы построили для Венди. Феи поместят его на дерево среди ветвей, где они сами спят по ночам.
- Ой, как чудесно! — воскликнула Венди. И миссис Дарлинг взяла её покрепче за руку.
- Мне будет так весело, — сказал Питер, кося одним глазом на Венди.
- Тебе будет одиноко по вечерам.
- Ну так лети со мной.
- Можно, мамочка?
- Конечно нет. Ты наконец-то вернулась. Я тебя теперь никуда не отпускаю.
- Но ему нужна мама.

— Тебе тоже, доченька.

— Ну хорошо, — сказал Питер, делая вид, что он пригласил её только из вежливости, но миссис Дарлинг заметила, как у него покривились губы.

Она смягчилась. Она обещала отпускать Венди каждый год на недельку весной, чтобы помочь ему сделать весеннюю уборку в доме.

— Ты не забудешь прилетать за мной, Питер?

Конечно, он ей это обещал. И тогда он улетел.

Ясно, что всех мальчишек вскоре устроили в школу, и ровно через неделю они подумали, какие они ослы, что не остались на острове. Но было уже поздно, и вскоре они освоились и сделались обыкновенными людьми, как я, или вы, или какой-нибудь Дженкинс-младший.

Как ни печально, но способность летать постепенно их покинула. Вначале Нэна привязывала детей на ночь к кроватям, чтобы они как-нибудь не улетели во сне. А днём мальчишки развлекались тем, что играли у прохожих на виду, притворяясь, будто вываливаются из автобуса. Мальчишки говорили, что это оттого, что у них мало практики. Но дело было не в этом. Просто дети перестали верить в сказку.

Майкл верил дольше других, поэтому, когда через год весной Питер прилетел к Венди, Майкл полетел с ними. Венди полетела в платье, которое она смасте-

рила ещё на острове из листьев и ягод. Она очень боялась, что Питер увидит, как оно ей теперь коротко, но он ничего не заметил. Питер был поглощён только собой. Венди огорчилась, что этот год промелькнул для него как один день. Ей самой ожидание показалось таким нескончаемо долгим!

На следующий год Питер не прилетел. Венди ждала его, нарядившись в новое платье. Старое ей просто не годилось. Но он не показывался.

— Может, он заболел? — сказал Майкл.

— Ты же знаешь, он никогда не болеет.

Майкл подошёл к ней и прошептал на ухо:

— Может, такого мальчика вовсе не существует на свете?

И Венди захотелось плакать.

Но он прилетел в следующем году, и оказалось, что он и не заметил, что пропустил прошлый год. Венди-девочка видела его тогда в последний раз.

Дальше уже шёл год за годом, но беззаботный мальчишка не появлялся, и когда Венди увидела его снова, она была уже замужем.

Все мальчишки выросли, так что нет большого смысла о них говорить. Вы можете встретить Кудряша, и Кончика, и Двойняшек в любой день на улице и увидеть, как они идут на службу с портфельчиком и чёрным зонтом в руках. Майкл сделался машинистом. Малышка женился на какой-то

леди и стал титулованной особой. Вы видите этого судью в мантии и парике? Его когда-то звали Болтуном. А этот бородатый джентльмен, который решительно не знает ни одной сказки, чтобы рассказать своим детишкам перед сном, — это Джон.

Прошло ещё несколько лет, и у Венди родилась дочка. Её называли Джейн. Это было прелестное существо с вечно спрашивающими глазками. Как только она научилась говорить, она стала задавать вопросы, и большинство из них касалось Питера Пэна. Ей нравилось слушать о нём, и Венди рассказывала ей всё, что помнила.

Детская Джейн помещалась в той же самой детской, но там теперь стояли только две кровати — её и нянина, и не было никакой будки, потому что Нэны уже не было на свете. Нэна дожила до глубокой старости, и в последние годы с ней было очень трудно ладить, потому что она была убеждена, что кроме неё никто не умеет воспитывать детей.

Раз в неделю у няни Джейн был выходной день, и тогда Венди укладывала её спать сама. И тогда наступало время сказок.

— Расскажи, как ты была маленькой, — требовала Джейн.

— Это было так давно, доченька, — говорила Венди. — Ах, как летит время!

— Оно летит так же, как ты летала, когда была маленькой? — хитрила Джейн.

— Где они, эти дни, когда я умела летать!

— А почему ты теперь не можешь, мамочка?

— Потому что я — взрослая. Когда люди вырастают, они забывают, как это делается.

— Почему забывают?

— Потому что перестают быть весёлыми, непонимающими и бессердечными. Только весёлые, непонимающие и бессердечные умеют летать.

И вот однажды разыгралась трагедия. Была весна. Сказка была уже рассказана, и Джейн уснула в своей постельке. Венди сидела на полу, возле камина, чтобы видеть штокку, потому что в комнате не горел свет. И пока она штопала, она вдруг услышала петушиный крик. Окно раскрылось само собой, как когда-то, и на пол прыгнул Питер.

Он был таким же, как всегда, и Венди сразу заметила, что все его молочные зубы целы по-прежнему.

Он был маленьким мальчиком, а она — взрослой женщиной. Но он ничего не заметил, потому что был занят собой.

— Привет, Венди!

— Привет, Питер! — ответила она, стараясь съжиться и выглядеть как можно меньше.

— А где же Джон? — спросил он, вдруг заметив, что одной кровати недостаёт.

— Джона здесь нет.

— А Майкл спит?

— Это не Майкл.

Питер взглянул на кровать:

— Ого, появился ребёнок?

— Да.

— Девочка или мальчик?

— Девочка.

Ну уж теперь-то он наверняка поймёт. Но он не понял.

— Питер, ты ждёшь, чтобы я полетела с тобой?

— Конечно. За этим я и прилетел.

— Я не могу, — сказала она извиняющимся тоном. — Я разучилась летать.

— Чепуха! Я научу тебя снова.

Тогда она поднялась и встала в полный рост.

— Что это? — закричал он, отшатываясь.

— Я зажгу свет. И тогда всё увидишь сам.

Насколько я знаю, это был первый и единственный раз в жизни, когда Питер испугался.

— Не зажигай! — закричал он.

— Я взрослая, Питер. Я уже давным-давно выросла.

— Но ты обещала не вырастать!

— Я не смогла. Я замужем, Питер.

— Нет!

— Да! И этот ребёнок — моя дочь.

Он сел на пол и заплакал. И Венди не знала, как его утешить. Хотя когда-то ей это легко удавалось.

Она выбежала из комнаты, чтобы всё обдумать и успокоиться.

А Питер всё плакал и плакал, и его рыдания разбудили Джейн. Она села в кроватке и тут же почувствовала острый интерес к происходящему.

— Мальчик, почему ты плачешь? — спросила она.

Питер встал и поклонился ей, и она поклонилась ему, сидя в кроватке.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — сказала Джейн.

— Меня зовут Питер Пэн.

— Я знаю.

— Я прилетел за своей мамой.

— Я знаю, — сказала Джейн. — Я давно тебя жду.

Они продолжали беседовать друг с другом, когда Венди вернулась в комнату.

— Ему нужна мама, — сказала Джейн.

— Я знаю, — сказала Венди. — Никто не знает это лучше меня.

— Тогда до свидания, — сказал Питер Венди.

Он поднялся в воздух, и бессовестная Джейн поднялась следом. Передвигаться таким способом ей уже было легче всего.

Венди кинулась к окну.

— Нет, нет! — закричала она.

— Я только помогу ему убраться в доме, — сказала Джейн.

Конечно, в конце концов Венди их отпустила. Мы видим её возле окна, она глядит им вслед, как они поднимаются в небо и делаются маленькими, как звёзды.

Постепенно волосы у Венди поседели, а Джейн выросла и тоже вышла замуж. И у неё появилась дочка Маргарет.

И Питер Пэн теперь прилетает за Маргарет, и они вместе улетают на остров Нетинебудет, и Маргарет там рассказывает ему сказки о нём самом, и он их слушает с жадностью.

Когда Маргарет вырастет, у неё родится дочь, которая тоже, в свою очередь, сделается мамой Питера, и так это будет продолжаться до тех пор, пока дети не разучатся быть весёлыми, непонимающими и бессердечными.

БЕАТРИКС ПОТТЕР

ПИТЕР -
КРОЛИК

и
ДРУГИЕ

СКАЗКИ

сказка

про

Питера-

кролика

Жили-были на свете четыре крольчонка, и звали их так: Флопси, Мопси, Ватный Хвост и Питер.

Жили они со своей мамой на песчаном берегу, в кроличьей норе, под корнями высоченной ели.

Однажды утром мама Крольчиха сказала:

— Ну, детки дорогие, можете погулять в поле или побегать в переулочке вдоль живой изгороди. Но только не вздумайте подходить к огороду мистера Мак-Грегора! С папой ведь там и случилось несчастье: он угодил в пирог, который пекла миссис Мак-Грегор. А теперь бегите, да глядите не попадите в беду. А мне нужно идти по делам.

Сказав это, мама Крольчиха взяла корзинку и зонтик и напрямиком через лес направилась в булочную. Там она купила буханку чёрного хлеба и пять сдобных булочек с изюмом.

Флопси, Мопси и Ватный Хвост, а надо сказать, что были они послушными крольчатами, побежали вдоль живой изгороди собирать ежевику.

А Питер — его-то уж не заставишь слушаться! — поскакал напрямиком к огороду мистера Мак-Грегора и протиснулся в щель под калиткой.

Сначала он пожевал немного салата и зелёной фасоли. Потом поел редиски. А когда от редиски его затошнило, пошёл поискать петрушку.

И там, где кончались рамы огуречных парников, как вы думаете, на кого он наткнулся? Ясное дело, на мистера Мак-Грегора!

Мистер Мак-Грегор стоял на четвереньках и сажал капустную рассаду. Он тут же вскочил и, размахивая граблями, понёсся за Питером:

— Держи вора!

Питер страшно испугался. Он носился по всему огороду, потому что забыл, где находится калитка.

Он потерял правый ботинок на капустных грядках, а левый там, где росла картошка. После того как ботинки потерялись, Питер помчался на всех четырёх лапах, и дело пошло быстрее. Может быть, ему бы и удалось спастись, да он налетел на сетку, которой мистер Мак-Грегор накрывал кусты крыжовника от птиц. Большие латунные пуговицы его новой курточки зацепились за сетку.

Питер решил, что пропал, и из глаз у него полились крупные слёзы. Но тут несколько знакомых воробьёв услышали его всхлипы. Они подлетели к кролику, страшно взволнованные, и стали умолять его не падать духом.

Мистер Мак-Грегор уже крался с решетом, которым он собирался накрыть Питера. Но Питер вывернулся из рукавов своей курточки как раз вовремя и удрал, оставив свою совсем-совсем новую курточку возле куста. Он кинулся в сарай и спрятался там на дне лейки мистера Мак-Грегора. Конечно, лейка вполне подходящее место, но в ней почему-то было ужас сколько воды!

Мистер Мак-Грегор и не сомневался в том, что Питер прячется где-то в сарае, ну, например, под

пустым цветочным горшком. Он начал осторожненько переворачивать цветочные горшки, заглядывая под каждый из них.

И тут Питер-кролик чихнул:

— Ап-ап-чх-х-хи!

И сразу же выбрался из лейки.

Мистер Мак-Грегор кинулся к Питеру и даже попытался наступить на него ногой, но Питер успел выпрыгнуть в окно, перевернув при этом три горшка с геранью. Окошко было слишком маленькое — мистеру Мак-Грегору не пролезть. И вообще ему надоело гоняться за Питером. Он вернулся к своей капусте.

Удрав от мистера Мак-Грегора, Питер присел, чтобы перевести дух. Он запыхался и весь дрожал от страха. Вдобавок он до костей промок, сидя в лейке. И теперь совершенно не представлял себе, куда бежать.

Отдышавшись, Питер боязливо засеменил к калитке, но эта калитка была заперта, и к тому же толстенькому кролику под ней было не протиснуться.

Туда-сюда мимо калитки сновала Старая мышь. Она таскала горох и бобы для своего семейства, которое обитало в лесочке по соседству. Питер спросил её, как ему найти незапертую калитку, но мышь держа-

ла во рту такую огромную горошину, что не смогла ему ответить. Она только покачала головой.

И тогда Питер опять заплакал. Пытаясь найти выход, он пересёк сад наискосок, но от этого только ещё больше запутался. И вдруг неожиданно оказался возле пруда, откуда мистер Мак-Грегор таскал воду для поливки. На берегу сидела большая кошка и таращилась на золотых рыбок. Она сидела тихо-тихо, только время от времени кончик её хвоста шевелился, точно вёл какую-то свою собственную жизнь. Питер предпочёл незаметно прошмыгнуть мимо. Он кое-что слышал о кошках от своего двоюродного брата Бенджамина Банни.

Он было направился назад к сараю, но вдруг услышал, как — чик-чок-чак — заговорила мотыга. Питер юркнул в кусты. Подождал. Вроде бы ничего особенного не происходило. Тогда он выбрался из кустов, вскарабкался на тачку и осторожно огляделся. Первое, что он увидел, был мистер Мак-Грегор, который окучивал лук. Он стоял к Питеру спиной, и — по-ди ж ты! — как раз за мистером Мак-Грегором и находилась та самая калитка.

Питер тихонечко слез с тачки и ринулся что было духу по тропинке за кустами чёрной смородины.

Мистер Мак-Грегор заметил его только на повороте. Питер проскользнул под калиткой и нако-

нец-то оказался в безопасности — в лесочке возле огорода.

Мистер Мак-Грегор пристроил новую синюю курточку Питера и маленькие ботиночки к палке и сделал пугало — от дроздов.

А Питер в это время бежал без оглядки, не останавливаясь, пока не оказался дома, под большой елью. Он так устал, что сразу плюхнулся на мягкий песочек, который устилал пол кроличьей норы, и закрыл глаза.

Мама Крольчиха готовила ужин. Она очень удивилась: куда же Питер опять подевал свою курточку и ботинки? Это уже вторая курточка и вторая пара ботинок, которые непослушный крольчонок потерял за последние две недели!

К сожалению, должна сказать, что Питер чувствовал себя не очень-то хорошо в этот вечер и ничего не смог объяснить маме.

Мама уложила Питера в постель и приготовила ему отвар из ромашки: «Одна столовая ложка на ночь».

А Флопси, Мопси и Ватный Хвост получили на ужин булочки, и молоко, и варенье из чёрной смородины.

Однажды утром маленький кролик Бенджамин Банни сидел на берегу ручья.

Он наострил ушки и прислушался: цоки-цок, цоки-цок — по дороге прошагал пони. Он был запряжён в двуколку. Мистер Мак-Грегор правил,

а миссис Мак-Грегор сидела рядом в своём самом нарядном чепчике.

Как только они проехали, Бенджамин Банни проскользнул на дорогу и направился — прыг-дрыг-скок — в гости к своим родственникам, которые жили в лесу, как раз позади огорода мистера Мак-Грегора. В этом лесочке вообще было полно кроличьих нор, но в самой красивой, самой песчаной жила его тётушка и его двоюродные братцы — Флопси, Мопси, Ватный Хвост и Питер.

Тётя Крольчиха была вдовой и зарабатывала тем, что вязала из кроличьего пуха варежки и муфточки. А ещё она продавала травы, и розмариновый чай, и кроличий табак, который на нашем, человеческом, языке называется «лаванда».

По правде сказать, Бенджамину не так уж и хотелось повидаться с тётей. Он обошёл сосну сзади и чуть не споткнулся о своего двоюродного братца Питера.

Питер сидел один-одинёшенек. Он был завёрнут в красный носовой платок и выглядел очень несчастным.

— Питер, — спросил Бенджамин шёпотом, — куда подевалась твоя одёжка?

— Её теперь носит пугало на огороде у мистера Мак-Грегора, — сказал Питер и описал всё по по-

рядку, как за ним гонялись по огороду и как он потерял свои ботинки и курточку с латунными пуговицами.

Бенджамин сел с ним рядом и стал уверять, что мистер Мак-Грегор уехал в своей двуколке, и миссис Мак-Грегор уехала с ним, и они наверняка пробудут в гостях целый день, потому что миссис Мак-Грегор надела свой самый нарядный чепчик.

В эту минуту раздался голос мамы Крольчихи:

— Ватный Хвост! Ватный Хвост! Нарви-ка мне ещё немного ромашек!

Питер сказал маме, что, может быть, он почувствует себя лучше, если пойдёт немного прогуляться.

И Питер с Бенджамином отправились вместе к дому мистера Мак-Грегора и взобрались на плоскую кирпичную стену, которая отделяла огород от опушки леса. Со стены они ясно увидели пугало и на нём курточку с ботиночками Питера, а ещё — шотландский берет мистера Мак-Грегора.

Бенджамин сказал:

— Давай не будем протискиваться под калиткой, это портит одежду. Лучше спустимся по стволу старой груши.

Питер свалился вниз головой на грядку, но ему не было больно, потому что грядку только что вскопал и взрыхлил мистер Мак-Грегор и она оказа-

лась совсем мягкой. На ней только-только всходил салат.

Братья оставили под старой грушей массу причудливых следов, особенно Бенджамин, потому что у него были деревянные башмаки.

Бенджамин сказал, что первым делом надо бы добыть курточку и ботинки Питера, тогда Питер сможет снять носовой платок, который им обязательно сгодится на что-нибудь другое.

Братья раздели пугало. Ночью шёл дождь, и в ботинки набралась вода. А курточка от сырости слегка села.

Бенджамин примерил шотландский берет мистера Мак-Грегора, но он был ему здорово велик.

Когда освободился носовой платок, Бенджамин предложил набрать в него луку и отнести его в подарок тёте.

Но Питер не мог ни о чём таком думать, потому что у него всё равно было плохое настроение. Хуже того: ему всё время слышались какие-то противные звуки.

Бенджамин, напротив, чувствовал себя великолепно. Он съел салатный лист. Потом объявил, что не раз бывал в этом огороде с папой (папу Бенджамина Банни, между прочим, звали Бенджамин Банни-старший): они запасались тут салатом к воскресному

столу. А салат, надо заметить, у мистера Мак-Грегора был очень вкусный.

Питер ничего не ел. Он сказал, что ему хочется домой. Он даже рассыпал половину лука.

Бенджамин-младший ответил, что нечего и думать лезть на старую грушу со всей этой луковой поклажей. Он отважно направился в другой конец сада, туда, где была калитка. Питер ковылял за ним. Они прошли по дощечкам вдоль кирпичной стены.

Мыши, сидя на своих крылечках, разгрызали вишнёвые косточки и подмигивали Питеру-кролику и Бенджамину Банни.

Вдруг Питер снова выронил носовой платок с луком, потому что они очутились среди таких знакомых цветочных горшков, парниковых рам и кадучек. Питеру всё слышались звуки, ещё страшнее прежнего, и глаза у него стали круглыми, как леденцы на палочках.

Он шёл на пару шагов впереди своего двоюродного братца и вдруг остановился. За углом была кошка!

Бенджамин-младший только взглянул на неё, и тут же, даже полсекунды не прошло, как он, и Питер, и лук в платке — все оказались под большой корзиной.

Кошка поднялась, потянулась, подошла и обнюхала корзину. Запах лука, что ли, ей понравился?

Так или иначе, она разлеглась как раз на перевёрнутой корзине. На той самой. И не трогалась с места, наверное, часов пять.

* * *

Я не могу описать вам состояние Питера и Бенджамина, потому что под корзиной было темно. К тому же запах от лука был ужасный, и у братьев текли слёзы.

Солнце ушло за лес и день уже клонился к вечеру, а кошка всё ещё восседала на корзине.

Наконец послышалось — шлёп, шлёп-шлёп-шлёп — это покатились с кирпичной стены кусочки засохшего раствора.

Кошка подняла глаза и увидела старого мистера Бенджамина Банни, важно вышагивающего по кирпичной стене в поисках своего сына. Он курил трубку с кроличьим табаком, а в руке держал прут.

Старый мистер Банни был невысокого мнения о кошках. Мощным прыжком он обрушился со стены на кошку, согнал кошку с корзинки, пнул её хорошенько в бок и загнал в теплицу. В кулаке у него при этом остался клочок кошачьей шерсти. Кошка так удивилась этой неожиданной наглости старого мистера Банни, что даже не догадалась царапнуть его в ответ.

Когда кошка оказалась в теплице, мистер Банни запер за ней снаружи дверь.

Затем он выволок из-под корзины за уши своего сына Бенджамина и хорошенько отстегал его прутом.

Наказав сына, он вытащил своего племянника Питера и извлёк из-под корзины платок с луком. После чего торжественным шагом удалился из сада.

Когда через полчаса мистер Мак-Грегор вернулся домой, то кое-что в саду, прямо скажем, его изумило.

Создавалось впечатление, что кто-то вытоптал весь сад и огород деревянными башмаками. И следы были на удивление крошечные!

Но больше всего мистер Мак-Грегор удивился своей кошке, которая оказалась внутри теплицы и ухитрилась запереть дверь снаружи.

Когда Питер добрался до дому, мама на него не рассердилась, потому что была очень рада, что он нашёл свою курточку и ботиночки. Ватный Хвост с Питером аккуратно сложили красный платок, а мама Крольчиха заплела перья лука в косичку и подвесила его к потолку на кухне, рядом с пучками сухих трав и кроличьего табака.

Говорят, если съесть чересчур много зелёного салата, то он оказывает «снотворное действие».

Меня, вообще-то говоря, от зелёного салата никогда ко сну не клонит. Но, с другой стороны, я ведь не кролик!

Однако салат, безусловно, оказывал «снотворное действие» на Флопсиных крольчат.

Когда Бенджамин Банни вырос, он женился на Флопси, сестре Питера-кролика. У Банни образовалось большое семейство, весёлое и беспечное.

Вряд ли кто помнит имена всех ребятешек по отдельности. Их в основном называли просто — Флопсины крольчата, а иногда — Флопсины Банни.

Родителям вечно не хватало еды, чтобы прокормить всю ораву. И тогда Бенджамин обращался за помощью к Флопсиному брату — Питеру, который выращивал в парниках капустную рассаду на продажу. Но случалось, что у Питера-кролика не оказывалось лишней капусты.

Тогда Флопсины Банни бежали через поле к канаве, которая находилась как раз снаружи кирпичной садовой стены мистера Мак-Грегора.

В канаве обычно бывало много всякой всячины. Ну, например, там валялись баночки из-под варенья, и бумажные пакеты, и целые горы скошенной косилкой травы, всегда с невкусным запахом машинного масла. Были там и слегка подгнившие тыковки, и, как правило, один или два старых ботинка.

А однажды — вот радость-то! — там обнаружилась целая охапка переросшего салата, который уже пустил цветочные стрелки.

Тут уж Флопсины Банни не растерялись и туго набили животы салатом. Крольчата зарылись в скошенную траву и уснули.

Но папу Бенджамина Банни сон одолел не сразу. И прежде чем уснуть, он сообразил натя-

нуть на голову бумажный пакет — чтоб не докучали мухи.

Маленькие Флопсины крольчата блаженно спали на солнышке. Из-за садовой стены доносилось потрескивание работающей косилки.

Бронзовые мясные мухи жужжали, взлетая и снова садясь на садовую ограду. Маленькая старая мышка шарила между банок из-под варенья, выискивая кусочки чего-нибудь съедобного. Звали мышку Томазина Крохотуля, и у неё был очень длинный хвост.

Мышка Томазина зашелестела бумажным пакетом и ненароком разбудила папу Бенджамина Банни. Она несколько раз извинилась и отрекомендовалась ему знакомой Питера-кролика.

Бенджамин и Томазина мирно беседовали, и вдруг до их слуха донеслись звуки тяжёлых шагов.

И тут же, прямо у них над головой, на низкой кирпичной ограде сада появился мистер Мак-Грегор и высыпал мешок скошенной травы на спящих Флопсиных крольчат. Бенджамин притаился под бумажным пакетом. Мышка шмыгнула в банку из-под варенья. А крольчата продолжали безмятежно спать под грудой свалившейся на них травы. Они и не подумали проснуться, потому что ведь зелёный салат такой снотворный!

Им приснилось, будто мама Флопси подтыкает им одеяльца, а они спят на своих сеничках.

После того как мешок опустел, мистер Мак-Грегор глянул вниз и увидел какие-то смешные, коричневатые вроде бы кончики чьих-то ушей. Одна бронзовая муха уселась на такой мохнатый кончик, и тот дёрнулся. Мистер Мак-Грегор слез со стены и подошёл к канаве поближе.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть маленьких крольчат, маленьких крольчат, — приговаривал он, укладывая малышей в мешок.

А глупеньким Флопсиным крольчатам снилось, что мама повернула их на бочок в собственных кроватках. Они чуть-чуть поворочались во сне, но так и не проснулись.

Мистер Мак-Грегор завязал горловину мешка узлом и положил его на кирпичную стену. А сам удалился, чтобы убрать косилку в сарай.

Как только он ушёл, на дорожке со стороны поля показалась миссис Флопси Банни. Она подозрительно поглядела на мешок, недоумевая, куда же подевались её муж и дети.

Тут мышка Томазина выбралась из пустой банки от варенья, а Бенджамин высунул голову из пакета. И они поведали маме Флопси о том, что произошло.

Папа Бенджамин и мама Флопси были просто в отчаянии. Они принялись развязывать тугой узел, но это им никак не удавалось.

Зато мышка Крохотуля была решительной и энергичной. Она быстро прогрызла огромную дыру в нижнем правом углу мешка.

Крольчат быстро выволокли наружу и разбудили шлепками. А потом напихали в мешок гнилых тыковок, засунули туда старую сапожную щётку и вдобавок — две сморщенные репки. Дело было сделано! Потом все забрались в кусты и стали поджидать мистера Мак-Грегора.

Мистер Мак-Грегор не заставил себя ждать. Он взял мешок и направился к своему дому. Мешок повис у него в руке, будто его содержимое было тяжёлым-претяжёлым.

Всё семейство Банни осторожно, на почтительном расстоянии, двинулось следом за ним.

Они видели, как мистер Мак-Грегор вошёл в дом. Все Флопси решили подкрасться к окну, посмотреть, что будет дальше.

Войдя в кухню, мистер Мак-Грегор швырнул мешок на выложенный каменными плитами пол. Будь в нём Флопсины крольчата, они отбили бы себе все бока.

Через окошко было слышно, как хозяин подтянул к себе стул, как скрипнули его ножки о ка-

менную плиту и довольный мистер Мак-Грегор хохотнул.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть маленьких крольчат!

— Каких еще там крольчат? — спросила мужа миссис Мак-Грегор. — Неужели они опять что-нибудь погрызли?

— Один, два, три, четыре, пять, шесть маленьких крольчат, — повторил мистер Мак-Грегор, загибая пальцы, — один, два, три...

— Брось валять дурака в самом-то деле, — рассердилась миссис Мак-Грегор. — Что ты там такое бормочешь?

— В мешке! Крольчата! Один, два, три, четыре, пять, шесть! — не унимался мистер Мак-Грегор.

Миссис Мак-Грегор взяла в руки мешок и пощупала его. Она заявила, что нащупала шесть штук неизвестно чего. И если это кролики, то они, должно быть, очень старые, потому что очень твёрдые. И ещё они почему-то все разной формы.

— В пищу они не годятся, — заключила миссис Мак-Грегор. — Но зато я отделаю кроличьим мехом моё осеннее пальто.

— Как бы не так! — воскликнул мистер Мак-Грегор. — Я их лучше продам и куплю себе табачку!

— Ещё чего! — возмутилась жена. — Я сейчас же отрублю им головы и сниму с них шкурки!

Миссис Мак-Грегор развязала мешок и сунула в него руку. Нащупав гнилые овощи, она страшно удивилась и решила, что муж нарочно над ней подшутил.

Мистер Мак-Грегор тоже очень рассердился. Гнилые овощи полетели в кухонное окно, и одна тыква чуть не пришибла младшего Банни.

Тут папа Бенджамин и мама Флопси решили, что им всем самое время уносить ноги. И все поскакали домой.

Вот так мистеру Мак-Грегору не удалось купить себе табачку, а миссис Мак-Грегор — оторочить осеннее пальто кроличьим мехом.

Но зато к следующему Рождеству мышка Томазина Крохотуля получила в подарок от Флопсиного семейства столько кроличьего пуха, что его хватило на шубку, на шапочку, на муфту и на пару хороших рукавиц.

МЫШКА

МИССИС

КРОХОТУЛЯ

Знакомая нам лесная мышка по имени миссис Крохотуля жила в доме, который располагался в земляной насыпи. Такой забавный дом! В нём были бесконечно длинные песчаные коридоры, которые кончались кладовыми, и ореховыми погребам, и ещё другими погребам, доверху наполненными крупой. Всё это размещалось между корнями кустарника. В доме у мышки, само собой, была кухня, и гостиная, и холодная кладовочка для скоропортящихся припасов. Ну и спальня, конечно, тоже была, где

миссис Крохотуля спала в кровати, сделанной из маленькой коробочки.

Миссис Крохотуля была невероятной чистюлей: всё время то щёткой, то тряпкой, то веником она подметала, чистила свои мягкие песчаные полы.

Иногда в её коридорах вдруг появлялся какой-нибудь заблудившийся жучок.

— Кыш, кыш, жучок-грязные ножки, — кричала миссис Крохотуля и стучала черенком щётки о совок.

Как-то раз она увидела, как по её коридорам бегают маленькая старушка в красном платице в чёрный горошек.

— Божья коровка, улети на небо, принеси мне хлеба, — тут же закричала миссис Крохотуля, — чёрного и белого, только не горелого!

А в другой раз приполз паук, спасавшийся от проливного дождя.

— Прошу прощения, — сказал он. — Не здесь ли живёт мисс Маффет?

Тут бы как раз и вспомнить всем известную песенку:

Мисс Маффет сидела
На кочке и ела
Сметану и хлеб с творогом.

Но страшный мужчина —
Седой паучина
Приполз,
А мисс Маффет — бегом!

Но миссис Крохотуля закричала на гостя:

— Пошёл прочь, седой паучина! Развесишь тут свою паутину по моему хорошенькому домику!

И она спровадила паука через окно. Пауку ничего не оставалось делать, как покорно спуститься вниз по тоненькой верёвочке.

Миссис Крохотуля отправилась в дальнюю кладовую за вишнёвыми косточками и семенами чертополоха к обеду.

По пути она всё принюхивалась и принюхивалась.

«Определённо пахнет мёдом, — думала она. — Таволга, что ли, так пахнет за окном? А что это на полу? По-моему, это отпечатки маленьких грязных ножек».

И вдруг за углом она наткнулась на пчелу Бэббити Бамбл.

— Бзз-Ззз-Жжж! — сказала пчела.

Миссис Крохотуля бросила на неё свирепый взгляд и очень пожалела, что в руках у неё не оказалось швабры.

— Здравствуй, Бэббити Бамбл. Я бы с удовольствием купила пчелиного воску. Но объясни, здесь-то ты что делаешь? И почему ты вечно влетаешь и говоришь «Бзз-Ззз-Жжж»?

— Бзз-Ззз-Жжж! — ответила пчела раздражённо. Она метнулась в сторону и скрылась в кладовой, где миссис Крохотуля обычно хранила жёлуди.

Но миссис Крохотуля съела все жёлуди ещё до Рождества, так что кладовая оказалась пустой.

Однако в ней почему-то оказался какой-то неопрятный сухой мох. Миссис Крохотуля стала его выкидывать. Но оттуда вдруг высунулись три-четыре пчелиных рожицы и яростно зажужжали.

— Послушайте, я вовсе никому не сдаю помещений, — сказала миссис Крохотуля. Вы вторглись в мой дом незаконно!

— Бзз! Ззз! Жжж!

«Надо их отсюда выгнать!» — думала мышка.

— Бзз-Ззз-Жжж!

«Кто же мне поможет? — размышляла миссис Крохотуля. — Скорее всего, мистер Джексон?! Правда, входя в дом, он никогда не вытирает ноги!»

До обеда миссис Крохотуля решила с пчёлами не связываться.

Возвращаясь в гостиную, она услышала, что кто-то там кашляет хриплым голосом. Оказалось — мистер Джексон собственной персоной!

Он едва уместился в её маленьком кресле-качалке. Свои ноги мистер Джексон закинул на каминную решётку и так и сидел, шевеля пальцами ног и блаженно улыбаясь во весь рот.

Он жил рядом с живой изгородью в очень грязной и сырой канавке.

— Как поживаете, мистер Джексон? Боже мой, как же вы промокли!

— Благодарю, благодарю, благодарю, миссис Крохотуля! Я немного тут посижу, пообсохну, — сказал мистер Джексон.

Он сидел и улыбался, а вода с его одежды так и капала, так и капала на пол, а миссис Крохотуля ходила вокруг него с тряпкой.

Он столько времени просидел, что хочешь — не хочешь, а надо было его спросить, не останется ли он пообедать.

Сначала миссис Крохотуля предложила ему ответить вишнёвых косточек.

— Благодарю вас, но у меня зубов-то нет, зубов-то нет, зубов-то нет! — сказал мистер Джексон.

И он раскрыл рот чересчур широко, чтоб было видно: у него действительно нет зубов. Естественно, у него не было ни одного зуба. Он ведь был жабой!

Потом миссис Крохотуля поставила перед ним тарелочку чертополоховых семян.

— Тиддли, виддли-виддли! — сказал мистер Джексон. — Пуфф, пуфф, пуфф!

И семена на своих парашютиках разлетелись по всей комнате.

— Спасибо, спасибо, спасибо, миссис Крохотуля, — сказал он. — Вот чего бы я действительно — действительно — хотел, так это блюдечко мёда!

— К сожалению, у меня нет мёда, мистер Джексон, — сказала миссис Крохотуля.

— Тиддли, виддли-виддли, миссис Крохотуля, — сказал мистер Джексон, — но у вас пахнет мёдом. Я, собственно, поэтому к вам и зашёл.

Мистер Джексон вылез из-за стола и стал задумчиво шарить по шкафам и буфетам. Миссис Крохотуля ходила за ним по пятам и полотенцем вытирала его огромные мокрые следы на полу в гостиной.

Когда мистер Джексон убедился, что в шкафах и буфетах нет никакого мёда, он двинулся по коридору.

— Да уж, мистер Джексон, сейчас обнаружите вы мёд, как же!

— Тиддли, виддли-виддли, миссис Крохотуля!

Сначала он с трудом забрался в кладовую.

— Тиддли, виддли-виддли! Нету тут никакого мёда, миссис Крохотуля!

Затем он втиснулся в холодную кладовочку. Мисс Бабочка лакомилась там сахаром. Но, увидев мистера Джексона, она тут же выпорхнула в окошко.

— Тиддли, виддли-виддли, миссис Крохотуля. У вас, как я вижу, полно гостей!

— Притом совершенно незваных, — сказала миссис Крохотуля.

Потихоньку они добрались до той кладовки, где миссис Крохотуля встретила пчелу Бэббити Бамбл.

— Тиддли, виддли...

— Бзз! Ззз! Жжж! — и мистер Джексон поймал пчелу Бэббити. Но тут же отпустил её.

— Не люблю пчёл! Они все заросли щетиной, — сказал он, вытирая рот рукавом пиджака.

— Убирайся, ты, старая мерзкая жаба, — завизжала Бэббити Бамбл.

— Я с вами сойду с ума, — рассердилась на них миссис Крохотуля.

Она закрылась в ореховом погребе, пока мистер Джексон выкидывал пчелиное гнездо из её дома. Надо сказать, что при этом он не обращал никакого внимания на пчелиные укусы.

Когда миссис Крохотуля наконец выбралась из погреба, в доме уже никого не было. Но беспорядок был кошмарный!

— Никогда не видела такого кавардака! И мёд размазался, и мох везде валяется, и чертополоховые

семена летают, и полно на полу грязных следов. И это всё в моём чистеньком домике!

Миссис Крохотуля собрала мох и остатки пчелиного воска.

Потом принесла с улицы несколько веток и так загородила вход в свой дом — чтобы мистер Джексон не смог пролезть.

«Так для него будет узковато», — подумала она.

Затем миссис Крохотуля принесла жидкого мыла, фланелевую тряпочку и новую швабру из хозяйственного шкафа.

Но к этому времени она почувствовала, что очень и очень устала.

«Будет ли у меня хоть когда-нибудь снова чисто?» — только и думала бедняжка.

Но не успела она присесть в кресло, как уснула, и еле-еле у неё хватило сил перебраться на кровать.

На следующее утро миссис Крохотуля поднялась рано-рано и начала генеральную уборку.

Ровно две недели она мела, скребла и тёрла. Она натёрла всю мебель пчелиным воском, а потом перечистила все свои жестяные ложечки.

А потом, когда всё в доме заблестело, она устроила праздник для своих друзей — пяти мышек. Без мистера Джексона.

Но он унюхал, что пахнет угощением, и отправился в гости без приглашения. Только на этот раз

мистер Джексон не мог пролезть в дверь. И мышки подавали ему медовую росу в желудёвых чашечках через окно. А мистер Джексон вовсе на них не обижался.

Он сидел на солнышке и говорил:

— Тиддли, виддли-виддли! За ваше здоровье, миссис Крохотуля.

Джонни-городской мышонок родился и жил в буфете. А Тимми Вилли родился в саду. Тимми Вилли был полевым мышонком.

Однажды по ошибке он отправился в город в большой плетёной корзине. Садовник раз в неделю отсылал овощи в город. Он упаковывал их в большую плетёную корзину с крышкой. В тот день, как обычно, садовник оставил корзину у ворот, так чтобы возница мог забрать её сам, когда будет проезжать мимо. Увидев большую корзину, Тимми Вилли решил узнать, что у неё внутри, пролез в дырочку между

прутьями, с удовольствием съел несколько горошин и сладко уснул.

Он очень испугался, когда проснулся и почувствовал, как корзину поднимают и кладут на телегу. Потом началась тряска и слышалось цоканье копыт. Потом на телегу ещё что-то грузили, и время бесконечно тянулось — трюх-трюх-трюх и трюх-трюх-трюх, а Тимми Вилли дрожал, скорчившись среди беспорядочно подпрыгивающих овощей.

Наконец телега остановилась перед домом. Корзину сгрузили и поставили на пол в кухне. Тимми Вилли слышал, как кухарка расплатилась с возницей, потом хлопнула кухонная дверь, а цоканье копыт затихло. Но Тимми Вилли всё равно чувствовал

себя беспокойно. С улицы доносился грохот колёс, лаяли собаки, свистели мальчишки, кухарка смеялась, горничная бегала туда-сюда, а канарейка заливалась, точно паровозный свисток.

Тимми Вилли, который всю жизнь прожил в саду, испугался, прямо скажем, до смерти.

Наконец кухарка открыла корзину и стала доставать овощи.

Перепуганный Тимми Вилли выскочил из корзины, а кухарка, подпрыгнув от страха, завопила:

— Мышь! Мышь! Скорее зовите кошку! Несите быстрее кочергу!

Тимми Вилли не стал дожидаться, когда принесут кочергу. Он помчался вдоль плинтуса и, увидев маленькую дырочку в полу, юркнул в неё. Он пролетел с полфута и рухнул в подпол прямо на обеденный стол, с маху разбив три стакана.

— Кто бы это мог быть? — спросил перепуганный Джонни-городской мышонок. Правда, после первого испуга он быстро пришёл в себя, и к нему вернулись изысканные манеры.

Джонни вежливо представил Тимми Вилли другим девяти мышатам, которые сидели за столом. Тимми Вилли увидел, что все они в белых галстуках и что у них длинные-предлинные хвосты. У Тимми Вилли по сравнению с ними был такой незначительный хвостик! Джонни и его приятели сразу это

заметили, но они были слишком хорошо воспитаны, чтобы сказать об этом прямо, и только одна мышь спросила, не попадал ли он когда-нибудь в мышеловку.

Обед состоял из девяти блюд: не очень обильных, но очень изысканных. Почти все блюда были незнакомы Тимми Вилли, и он немного боялся их пробовать. Но к этому времени мышонок ужасно проголодался, да к тому же не хотел показаться невоспитанным. Правда, от непрерывного шума наверху он так нервничал, что даже уронил тарелку.

— Не обращай внимания, нам до них нет дела, — сказал Джонни. — И почему эти парни никак не несут десерт?

Надо сказать, что два мышонка, которые прислуживали за столом, перед каждой переменной блюд прорывались наверх в кухню. Несколько раз они кувырком влетали в комнату, смеясь и попискивая, и Тимми Вилли с ужасом узнал, что за ними гналась кошка. У него пропал аппетит. Мышонок почувствовал, что вот-вот потеряет сознание.

— Попробуй заливного, — предложил Джонни-городской мышонок. — Не хочешь? Может, хочешь лечь спать? Я тебе покажу самую удобную диванную подушку.

В диванной подушке была дырка. Джонни сказал, что это самая лучшая постель и что её обычно пред-

лагают только гостям. Но от дивана пахло кошкой! Тимми Вилли предпочёл устроиться без всяких удобств под каминной решёткой.

На следующее утро всё повторилось. Подавали отличный завтрак — для тех, кто привык завтракать салом. Но Тимми Вилли вырос на салате и корнеплодах.

Джонни и его друзья веселились под полом весь день, а к вечеру вышли из норки и пошли бродить по всему дому. Они слышали, как горничная с грохотом уронила поднос, и вот теперь надо было пойти и не взирая на кошку подобрать крошки: сахар и капельки варенья.

Тимми Вилли мечтал оказаться дома — в своей тихой норке на солнечном берегу. Городская еда ему совсем не подходила, да и шум в доме был такой, что ни на минуту не удавалось заснуть. За несколько дней он сильно исхудал. Даже Джонни это заметил и поинтересовался, в чём дело.

Тимми Вилли рассказал ему про жизнь в деревне, про сад и про огород.

— Сдаётся мне, там, должно быть, очень скучно, — заметил Джонни. — И куда же ты деваешься, когда идёт дождь?

— Когда идёт дождь, я сижу в своей норке и чищу пшеничные зёрнышки и разные семена, которые собираю осенью. Я поглядываю на певчих дроздов на лужайке и на мою подружку Малиновку. А когда

солнышко покажется снова, поглядел бы ты на мой сад — и розы, и гвоздики, и анютины глазки, и — никакого шума, только птички, только пчёлы, да ещё овцы на лугах жуют траву.

За разговором мышата не заметили, как из-за угла выскочила кошка. Но им повезло: мышата вовремя успели удрать.

— Опять эта кошка! — воскликнул Джонни, когда они укрылись в угольном погребе.

Там разговор возобновился.

— Я немного разочарован. Мы так старались быть гостеприимными, Тимоти Вильям.

— О, конечно, конечно, вы были очень добры, но я чувствую себя совсем больным.

— Наверно, твои зубы и твой желудок не привыкли к нашей пище. Может, ты поступил бы мудро, если бы вернулся домой в плетёной корзине, — посоветовал Джонни.

— Да! Да! — воскликнул Тимми Вилли.

— Мы, вообще, могли бы тебя и на прошлой неделе отправить, — сказал Джонни немного обиженно. — Разве ты не знаешь, что пустую корзину отправляют в деревню каждую неделю по субботам?

Итак, Тимми Вилли, попрощавшись со своими новыми друзьями, спрятался в корзине, взяв с собой на дорогу крошечку пирожного и завядший капустный листик. Наконец, после хорошенькой тряски

корзину благополучно поставили на землю в его родном саду.

Иногда по субботам мышонок выходил посмотреть на корзину, которую всё так же ставили возле ворот. Но уж теперь Тимми Вилли в неё не влезал, нет! Из корзинки тоже никто не показывался, хотя Джонни-городской мышонок обещал ему приехать в гости.

Прошла зима. Снова появилось солнышко. Тимми Вилли сидел возле своей норки, грелся на солнышке и принюхивался к запаху фиалок и весенней травы. Он наполовину уже и забыл, как ездил в город. И тут на песчаной дорожке, одетый с иголки, с коричневым кожаным чемоданчиком появился Джонни.

Тимми Вилли встретил его с распростёртыми объятиями.

— Ты приехал в самое лучшее время года, мы с тобой пообедаем пудингом из трав и посидим на солнышке.

— Гм, гм... Однако здесь сыровато, — сказал Джонни, перекидывая хвост через руку, чтобы тот не запачкался. — Что это за чудовищный шум? — удивился он.

— Это? — сказал Тимми Вилли. — Да это всего лишь корова. Я сбегая попрошу у неё молочка. Коровы совсем не опасные, если только, конечно, случайно не улягутся на тебя. А как поживают твои друзья?

— Средне, — вздохнул Джонни.

Тут выяснилось, почему он явился в гости такой ранней весной. Вся семья уехала на Пасху к морю, а кухарке за особую плату велено заняться генеральной уборкой и обязательно избавиться от мышей. У кошки родились четыре котёнка, и она придушила канарейку.

— Говорят, это сделали мыши, но мне-то лучше знать! — сказал Джонни. — А это что ещё за грохот?

— Да это просто косилка на лужайке. Я принесу травки, чтобы устроить тебе постель. И вообще, Джонни, лучше бы тебе обосноваться в деревне.

— М-м-м, ладно, подождём до следующей недели. В этот вторник корзина не будет отправляться в город, пока они там у моря.

— Да, я уверен, что тебе и не захочется возвращаться в город, — сказал Тимми Вилли.

Но Джонни был городским мышонком и, конечно, захотел отправиться назад с первой же корзиной.

— В деревне уж слишком спокойно, — заявил он.

Одним нравится одно место, а другим — другое. Что до меня, то я больше люблю деревню, как Тимми Вилли.

Это киска, которую зовут мисс Моппет. И ей кажется, что она услышал, как скребётся мышь.

А это Мышь, которая выглядывает из-под буфета. Она дразнит мисс Моппет. Она не боится киску.

Мисс Моппет прыгнула — да слишком поздно. Мышку не поймала, а головой стукнулась — ой-ой-ой!

«Какой твёрдый буфет», — думает она.

Мышка глядит на мисс Моппет с самого верха буфета.

Киска повязала ушибленную голову пыльной тряпкой и сидит перед камином.

Мышке кажется, что бедная голова мисс Моппет совсем разболелась. Она потихоньку спускается по шнуру.

Похоже, что мисс Моппет становится всё хуже и хуже. Мышка подходит поближе.

Мисс Моппет обхватила свою бедную голову лапами, а сама смотрит на Мышь через дырку в тряпке. Мышка подобралась совсем уж близко.

И тогда мисс Моппет неожиданно бросается на Мышь.

Мышка дразнила мисс Моппет, и за это мисс Моппет теперь хочет подразнить Мышь. А это, согласитесь, нехорошо!

Мисс Моппет заматывает Мышь в тряпку и подбрасывает её, как мячик. Но киска забыла про дырку в тряпке, и когда она наконец развернула тряпку... там не было никакой Мыши!

Мышь вывернулась и убежала через дырку и теперь отплясывает джигу на самом верху буфета!

Жили-были три котёнка, и звали их: Рукавичка, Том-котёнок и Моппет.

У каждого была прелестная шубка, и они перека-
тывались через порог без посторонней помощи и во-
зились в пыли.

Но вот однажды их мама — миссис Табита Твит-
чит — пригласила к чаю друзей. По этому случаю
она притащила котят домой: надо же было помыть
их и принарядить, пока не прибыли гости. Сначала
она вымыла им мордочки. Потом пригладила шерст-
ку щеткой. Затем расчесала хвостики и усики расчес-

кой. Все вели себя хорошо. Только Том вертелся и царапался. Миссис Табита надела на Рукавичку и Моппет белые кружевные пелеринки и чистые фартучки. Вслед за этим она принялась выдвигать ящики комода и доставать всякую ужасно неудобную одежду для своего сына Томаса. Том растолстел, да к тому же он за последнее время очень вырос, так что от курточки и от штанишек отскочило несколько пуговиц сразу. Но мама быстро пришила их на место.

Когда котята были одеты, миссис Табита выгнала их в сад, чтобы они не путались под ногами, пока она готовит горячие тосты с маслом. И надо сказать, поступила весьма неосмотрительно.

— Осторожно, не испачкайтесь, дети! — крикнула она им вслед. — Ходите только на задних лапках, держитесь подальше от ведра с золой, обойдите стороной свинарник, не играйте с курицей Сэлли-замарашкой и с семейством уток Плюхвводу.

Моппет и Рукавичка передвигались на задних лапках, но как-то не очень уверенно. Вдруг они наступили на свои чистые фартучки и полетели прямо носом вниз. Когда они поднялись, то на фартучках обнаружилось несколько зелёных пятен!

— Давайте-ка лучше залезем на кирпичную, садовую стену и там посидим, — сказала Моппет.

Они перевернули свои фартучки задом наперед и побежали вприпрыжку. Но тут белая пелеринка свалилась с Моппет прямо на дорогу.

Том-котёнок совсем не мог идти вприпрыжку, когда на нём были надеты штанишки. Он помаленьку продвигался к стене, ломая хрупкий папоротник и сея пуговицы направо и налево. Вся одежда с него прямо сваливалась, когда он наконец вскарабкался на стену.

Рукавичка и Моппет попытались привести его в порядок, но его шляпа слетела со стены на землю, а все пуговицы уже окончательно оторвались.

Когда они переживали все эти трудности, послышалось — топ-шлёп-култых-култых — и трое уток Плюхввуду показались на дороге. Они шлёпали гуськом, выстроившись в затылок, — топ-шлёп-култых-култых, топ-шлёп-култых-култых. Они встали рядышком и уставились на котят. Глаза их сузились. Потом двое из них — Ребекка и Джемайма Плюхввуду подняли с земли шляпу и пелеринку и напялили на себя. Рукавичка так хохотала, что упала со стены. Моппет и Том слезли вслед за ней. Одежда, которая ещё оставалась на Томе, свалилась с него окончательно.

— Мистер Селезень Плюхввуду! Пожалуйста! Помогите нам снова одеть Тома! Помогите нам застегнуть пуговицы!

Мистер Селезень медленно приблизился и стал подбирать с земли разные предметы одежды.

Но он надел их на себя самого! Онигодились ему ещё меньше, чем Тому.

— Какое прекрасное утро! — заметил мистер Селезень Плюхввуду.

И все трое — он, Джемайма и Ребекка Плюхвводу двинулись в путь вдоль дороги, вышагивая: топ-шлёп-култых-култых, топ-шлёп-култых-култых!

И тут в саду появилась Табита Твитчит и обнаружила своих детей на садовой стене, и были они совершенно раздеты. Она сволокла их со стены, хорошенько отшлёпала и отправила домой.

— Мои друзья придут с минуты на минуту, а вас даже и показать нельзя. Стыдитесь! — сказала миссис Табита Твитчит.

Она велела им идти наверх в детскую и, к сожалению, вынуждена была сказать гостям, что они лежат в постели и будто бы у них корь, что было, конечно, сущей неправдой.

И даже совсем всё было наоборот. Они не лежали в постели. Ну прямо нисколько!

И какие-то странные звуки доносились из верхних комнат и нарушали спокойное достоинство дружеского чаепития.

И я думаю, что когда-нибудь я напишу для вас подробнее про Тома-котёнка. В другой книжке.

Что касается семейства Плюхвводу, то они пошли на пруд. Одежда вся с них тут же слетела, потому что ведь на ней не было пуговиц.

И мистер Селезень Плюхвводу, и Ребекка, и Джемайма ищут её в воде до сих пор.

ПРО миссис

ЛИТТЛ-
МИЛЛ

Жила-была на свете одна маленькая девочка, которую звали Люси. Жила она на ферме Литтл-таун, что значит — Городок. Девочка она была хорошая, только всё время теряла носовые платки!

Однажды вышла она во двор вся в слезах:

— Ой-ой-ой! Я опять потеряла свои носовые платочки. Целых три платочка и передничек! Не видел ли ты их, Полосатик?

Но полосатый котёнок молча продолжал мыть свои беленькие лапки.

Тогда Люси спросила рябую курочку:

— Курочка Сэлли, может быть, ты нашла мои носовые платочки?

Но рябая курочка кинулась к курятнику и ни к селу ни к городу громко закудаhtала:

— Я бегаю босиком, босико-ко-ком, босико-ком!

Тогда Люси спросила Малиновку, которая сидела на ветке.

Малиновка искоса взглянула на Люси блестящим чёрным глазом, перепорхнула через каменный забор и улетела.

Люси вскарабкалась на забор поглядеть на высокий холм за фермой: не там ли она потеряла свои но-

совые платочки. Люси увидела такой высокий холм, что вершина его терялась где-то в облаках, точно у него и не было никакой вершины!

И девочке показалось, что далеко-далеко на склоне холма на траве что-то белеет.

Люси стала карабкаться на холм так быстро, как только поспевали её толстенные ножки. Она бежала по крутой тропинке — всё вверх и вверх, пока Литтлтаун не оказался под нею. Она могла бы, если бы захотела, забросить камешек прямо в трубу!

Вдруг Люси оказалась возле родничка, который, булькая, бил прямо из-под земли.

Кто-то поставил жестяной бидончик прямо под струю, и вода уже переливалась через край, потому что бидончик был немногим больше яичной скорлупки! И там, где песок на дорожке был влажным, на нём отпечатались множество каких-то малюсеньких следочков.

Люси побежала дальше.

Тропинка кончилась под большой скалой. Там зеленела невысокая травка. Были вбиты колышки, а между ними натянуты шнурочки, сплетённые из листьев рогоза. На шнурочках сушилось бельё и было полно бельевых прищепок. Но платочков там не было! Правда, обнаружилось кое-что другое — дверь! Она вела прямо внутрь холма. А внутри холма за дверью кто-то напевал:

Блузочки-скатёрочки,
Кружева-оборочки,
Не осталось ни пятна,
Всё — сплошная белизна!

Люси постучала разок, потом другой — песенка оборвалась, и тоненький испуганный голосок спросил:

— Кто там?

Люси отворила дверь. И что бы вы думали она увидела? Маленькую чистенькую кухоньку с полом, выложенным каменными плитами, и с деревянными балками под потолком, как на любой кухне любой фермы. Только потолок был такой низкий, что Люси почти касалась его макушкой, и посуда на полках была малюсенькая, и вообще всё было крошечное. Тепло и уютно пахло свежевыглаженным бельём. А возле стола с утюгом в руке стояла очень маленькая толстенная тётя и с опаской глядела на Люси. Подол её цветастого платьяца был подоткнут. Из-под платьяца виднелась нижняя юбка в полосочку, а спереди — широкий фартук. Её чёрный носик так и ходил ходуном, приносясь: пых-пых-пых, а глазки мигали, как звёздочки. А там, где у Люси из-под шапочки выбивались золотистые кудряшки, у хозяйки кухни из-под чепчика виднелись... ИГОЛКИ!

— Кто ты? — спросила Люси. — И не видала ли ты моих носовых платочков?

Маленькая тётенька присела в забавном реверансе:

— О да-да-да, с вашего позволения, сударыня, меня зовут миссис Тигги-Мигл, о да-да-да, с вашего позволения, никто не умеет крахмалить бельё лучше меня.

Тут она что-то вытащила из бельевой корзины и расстелила поверх одеяла, на котором гладила.

— Что это такое? — спросила Люси. — Это вовсе не мой носовой платочек!

— О нет, с вашего позволения, сударыня, это жилет папы-малиновки.

Миссис Тигги-Мигл прогладила его, аккуратно свернула и отложила в сторонку.

Потом она сняла что-то с деревянной перекладины, на которой сушилось бельё.

— Но это тоже не мой платочек! — сказала Люси.

— О нет-нет, с вашего позволения, сударыня, это скатерть из Дамаска. Она принадлежит Дженни-крапивнику. Очень неаккуратная птица. Заляпала всю скатерть смородинным вином. Смородинные пятна отстирываются с таким трудом!

Носик миссис Тигги-Мигл так и ходил ходуном — пых-пых-пых, а глазки мигали, как звёздочки. Она взяла с плиты утюг погорячее.

— А вот и один из моих платочков! — воскликнула Люси. — И мой передничек!

Миссис Тигги-Мигл прогладила и его, расправила оборочки и загладила складочки.

— Ой, чудесно! — сказала Люси. — А что это такое жёлтое, длинное и с пальцами на концах, как у перчаток?

— А! Это чулки рябой курочки Сэлли. Посмотри, пятки совсем проносились, оттого что она всё время копается в земле. Она скоро останется совсем босой, — сказала миссис Тигги-Мигл.

— Ой, вон ещё один платочек. Но это ведь не мой? Он красный!

— О нет, с вашего позволения, сударыня, это платок мамы Крольчихи. Он весь пропах луком. Его пришлось стирать совершенно отдельно. И всё равно мне не удалось уничтожить запах.

— А вон и ещё один мой платочек! — сказала Люси. — А это что такое вон там, смешное, маленькое, беленькое?

— Это пара рукавичек полосатой кошечки. Она моет их сама, а я глажу.

— А вот и мой последний платочек! — обрадовалась Люси. — Скажите, а что вы макаете в тазик с крахмалом?

— Это прелестные манишки Тома-Титмауса. Такой привередливый мышонок, ужас! — сказала миссис

Тигги-Мигл. — Ну вот и всё с глажкой, теперь мне надо развесить для просушки кое-что из выстиранного.

— А что это такое миленькое, пушистенькое? — спросила Люси.

— Это шерстяные жакеточки ягнят из Скелгхила.

— Как? Разве их одёжки снимаются? — спросила Люси.

— Конечно, с вашего позволения, сударыня. Вон, посмотрите на метки на плече. Вот ещё одна — с меткой «Гейтсгард», а вот три, помеченные «Литтлтаун». Их всегда метят, прежде чем отправить в стирку! — сказала миссис Тигги-Мигл.

И она стала развешивать на верёвке выстиранное бельё: маленькие мышинные курточки, и чёрный кротовый бархатный жилет, и рыженькое беличье пальтишко, принадлежавшее бельчонку Орешкину, и невероятно севшую синюю куртку Питера-кролика, и ещё чью-то, неизвестно чью, нижнюю юбку без метки. Наконец корзина опустела!

После этого миссис Тигги-Мигл заварила чай и налила одну чашечку Люси, а другую себе. Они сидели на лавке возле камина и поглядывали друг на друга. Рука, которой миссис Тигги-Мигл держала чашку с чаем, была тёмно-коричневая, сморщенная, со следами мыльной пены. А из чепчика и платья миссис Тигги-Мигл торчали булавки острым концом наружу, так что Люси на всякий случай от неё отодвинулась.

Когда Люси и миссис Тигги-Мигл напились чаю, они уложили бельё в узелки. И носовые платочки Люси тоже упаковали в фартучек и закололи серебряной английской булавкой.

Они затушили огонь кусочком дёрна, забрали узелки с бельём, заперли дверь, а ключ спрятали под порошком.

Спускаясь с холма, миссис Тигги-Мигл и Люси встречали разных зверушек. Первыми — Питера-кролика и Бенджамина Банни. И миссис Тигги-Мигл отдала им чисто выстиранные вещички. Все звери и птицы были очень благодарны доброй миссис Тигги-Мигл.

И вот когда Люси и миссис Тигги-Мигл спустились к самому подножию холма и оказались возле каменного забора, у них остался лишь один узелок с платочками.

Тут Люси вскарабкалась на забор и обернулась, чтобы пожелать миссис Тигги-Мигл доброй ночи и сказать ей спасибо, но — удивительное дело: миссис Тигги-Мигл не стала ждать «спасибо» и не спросила плату за стирку! Она уже бежала вверх, вверх, вверх по холму. И куда девался её чепчик в оборочках? И её шаль? И платье? И полосатая нижняя юбка? И какая она стала крошечная, и вся серая, и вся в КОЛЮЧКАХ! А как же иначе! Ведь миссис Тигги-Мигл на самом деле была просто ежихой.

Вот послушайте историю про утку — Джемайму по фамилии Плюхвводу, которую ужасно сердило, что фермерская жена не позволяла ей высидывать своих утят.

Хотя золовка утки Джемаймы миссис Ребекка Плюхвводу и говаривала ей:

— Ах, да пусть их высидывает, кто хочет! У меня не хватает терпения просидеть на гнезде двадцать восемь дней. И у тебя не хватит. Джемайма! Поверь мне, ты этих невылупившихся птенцов непременно простудишь!

— Нет, — упрямилась Джемайма. — Я хочу сама вывести утят. И выведу!

Она было попробовала припрятывать яйца, но их всегда кто-нибудь находил и забирал. Джемайма Плюхвводу пришла в полное отчаяние. И тогда она

решила устроить себе гнездо где-нибудь подальше от фермы.

Стояла прекрасная весенняя погода. Джемайма двинулась в путь вдоль просёлочной дороги. Дорога эта взбиралась на невысокий холм. На Джемайме была дорожная одежда — шаль и шляпка с высокими полями.

Джемайма доковыляла до вершины холма и в отдалении разглядела лесок. Ей показалось, что как раз там она и найдёт себе спокойный приют.

Надо признаться, что Джемайма Плюхвводу не очень-то умела летать. Она кинулась с холма вниз — в сторону лесочка, размахивая шалью, а затем, неуклюже подпрыгнув, поднялась в воздух. Понемногу полёт её выравнился, и лететь стало легче. Она поплыла по воздуху над вершинами деревьев и вскоре заметила полянку посреди леса, на которой не росли ни дубы, ни ели и не валялось ни ветвей, ни сучьев.

Джемайма опустилась на землю и заковыляла своей обычной походкой вперевалочку в поисках сухого и удобного местечка для гнезда.

Она приглядела пенёк в зарослях наперстянки, или, как этот цветок ещё называют, лисьего уха. Но, подойдя поближе, даже вздрогнула — на пеньке сидел элегантно одетый господин и читал газету. У него были острые ушки и песочного цвета усы.

— Кряк? — сказала Джемайма, склонив голову слегка набок. — Кряк?

— Вы заблудились в лесу, сударыня, не так ли? — спросил он.

У элегантного господина, глядевшего на неё поверх газеты, был длинный пушистый хвост, который он подстелил под себя, поскольку пенёк был слегка сыроват.

Джемайме подумалось, что он очень учтив и что выглядит премило. Она объяснила своему новому знакомому, что нет, она не заблудилась, а просто ищет удобное местечко для гнезда.

— Ах, вот оно что! — воскликнул господин с песочными усами, разглядывая Джемайму.

Он сложил газету и засунул её в задний карман брюк. Джемайма пожаловалась ему на кур, которые, как ни крути, уж очень много на себя берут.

— В самом деле? Как интересно! — заметил учтивый господин. — Хотел бы я встретиться с этими птицами. Я бы им показал, как лезть не в свои дела. А что касается гнезда, — продолжал он, — то тут не возникнет никаких затруднений. У меня в дровяном сарае огромный запас перьев, и вы, моя дорогая, там никому не мешаете. Устраивайтесь и сидите себе, сколько захочется.

И он повёл её в сторону унылого вида домишки, стоящего в густых зарослях. Домишко был сооружён из ивовых прутьев, обмазанных глиной, на крыше

две бадейки без донышек, надетые одна на другую, изображали трубу.

— Это моя летняя резиденция, — проговорил учтивый господин. — В моей зимней норе... ммм... я хочу сказать, в моём зимнем доме вам не было бы так уж удобно.

За домом находился кособокий сарай, который был сколочен из старых ящиков из-под мыла. Господин распахнул дверь и пригласил Джемайму войти.

Вся внутренность сарая была почти до краёв заполнена перьями. Казалось, что и места для воздуха не осталось. Но зато какие они были мягкие и тёплые!

Джемайма Плюхввуду слегка удивилась, что в одном месте может оказаться сразу столько перьев. Но очень-то раздумывать на эту тему она себе не позволила и быстренько устроила гнездо.

Когда Джемайма появилась в дверях сарая, господин с песочными усами сидел на бревне и опять читал. А может, и не читал. Кто его знает. Во всяком случае, газета была развёрнута, и он опять поглядел на утку поверх газетного листа.

Учтивый господин выразил сожаление, что Джемайма должна была на ночь вернуться на ферму. Он обещал, что постережёт её гнёздышко до завтра, пока она не вернётся. К этому он добавил, что обожает утиные яйца и маленьких утят. И ещё заметил,

что он бесконечно горд оттого, что в сарае скоро будет гнездо, полное утиных яиц.

С того самого дня Джемайма Плюхввуду являлась в сарай аккуратно каждый день после обеда. И в конце концов в гнезде оказалось девять яиц. Они были зеленовато-белые и рыжему господину очень пришлись по душе. Когда Джемайма отсутствовала, он их пересчитывал и переворачивал для собственного удовольствия.

Наконец Джемайма объявила, что с завтрашнего дня она начинает высиживать утят.

— Я принесу с собой мешочек зерна, — добавила она. — Потому что, пока утята не вылупятся, я не должна покидать гнезда. Они могут простудиться.

— Сударыня, не извольте беспокоиться и не носите никаких мешочков! — воскликнул господин с песочными усами. — Я буду каждый день доставлять вам столько овса, сколько пожелаете. Но до того, как вы приступите к вашему утомительному сидению, — продолжал он, — я хочу вас как следует угостить. Давайте с вами вместе пообедаем, только вы и я — и никого больше! Я попрошу вас принести кое-какие травки из огорода, чтобы мы могли приготовить душистый... ммм... омлет. Пучок шалфея, ну там ещё немного тимьяна, пару листочков мяты и две луковицы. Да, и не забудьте

петрушку! А я принесу остальное, чем нафаршировать... ммм... я хочу сказать, с чем приготовить омлет.

Джемайма Плюхвводу была настоящей простушкой: даже упоминание о луке не возбудило у неё никаких подозрений. Она безмятежно бродила по огороду и отщипывала разные травки, которые употребляются в тех случаях, когда готовят фаршированную утку!

Мало этого, она ещё и на кухню забрела и взяла из плетёной корзины две головки репчатого лука.

Когда она выходила из кухни, навстречу ей попался колли по имени Кеп.

— Зачем это тебе понадобился лук? — спросил он строгим голосом. — И куда это ты ходишь каждый день в полном одиночестве, а? Отвечай, Джемайма Плюхвводу!

Джемайма всегда побаивалась этого колли и со страху выложила ему всё как есть.

Колли слушал, склонив набок свою мудрую голову. Он ухмыльнулся, когда она описывала учтивого господина с песочными усами.

Колли хорошенько расспросил её, где в точности находится этот лес и где в нём расположены дом и кривобокий сарай.

И, не добавив больше ни слова, повернулся и пошёл по деревенской улице. Он отправился на поиски

двух подросших щенков фокстерьера, которые имели обыкновение носиться за тележкой.

А Джемайма Плюхвводу спешила по просёлку, который взбирается на невысокий холм и ведёт в сторону леса. День был солнечный и жаркий. Ей было тяжело тащить все эти пучки зелени да ещё и две луковицы в придачу.

Но она всё-таки долетела до леса и приземлилась рядом с домом, где жил длиннохвостый господин. Он восседал на бревне, время от времени принюхивался и оглядывался на лесную опушку.

— Давай пошевеливайся! — резко сказал он Джемайме. — Небось побежишь сначала любоваться своим сокровищем! Ступай в сарай — да быстро!

«Что-то он подрастерял свою обычную учтивость!» — подумала Джемайма. До сих пор ей не приходилось слышать, чтобы он говорил в таком тоне. Ей стало не по себе.

Джемайма пересчитала своих будущих утят, и тут до её слуха донеслись звуки шагов. Под дверью показался к чему-то принюхивающийся чёрный нос. Вслед за этим кто-то запер дверь снаружи. Джемайма струсила не на шутку.

А через минуту послышался ужасный шум — рычание, лай, вопли, визг и скулёж.

И вскоре умный и отважный пёс Кеп отпер дверь сарая и выпустил дрожащую пленницу.

Увы! Щенки фокстерьера заскочили в сарай, и не успела Джемайма опомниться, как они перебили все утиные яйца.

У Кепа было прокушено ухо, а оба щенка хромали на все лапы. А господин с песочными усами куда-то исчез навсегда.

Джемайму проводили домой. Глаза её были полны слёз, так ей было жаль своих зеленовато-белых яичек.

В июне она снесла ещё несколько яиц, и ей разрешили оставить их себе. И вскоре у неё вылупились четыре утёнка.

Жила-была на свете одна лягушка по имени мистер Джереми Фишер. А Фишер, как всем известно, значит рыбовод. Жил мистер Фишер в маленьком сыроватом домике, окружённом лютиками, на самом берегу пруда.

Домик стоял так близко к воде, что в кладовке вечно хлюпала вода. И у задней двери домика — тоже.

Но мистеру Джереми очень даже нравилось взять да и промочить ноги. Его никто никогда не ругал за это. И к тому же он никогда не схватывал наморозка!

— Пойду-ка я нарою червей, — сказал как-то мистер Джереми Фишер, — и поймаю на обед целое блюдо миног. Если мне попадётся больше пяти рыбок, я приглашу к обеду друзей: мистера Олдермена Птолемея Черепуху и сэра Исаака Ньютона. Правда, Олдермен предпочитает салат.

Мистер Джереми облачился в непромокаемый плащ и ещё надел блестящие новенькие калоши. Он взял в руки удочку, плетёную корзинку с завтраком и в несколько огромных прыжков добрался до того места, где хранилась его лодка. Лодка была зелёная, круглая и очень напоминала лист водяной лилии. Она была привязана к крепкой водоросли в заводи пруда.

Мистер Джереми взял шест из тростника и вытолкнул лодку на открытую воду.

— Я знаю хорошее местечко, где водятся миноги, — сказал мистер Джереми Фишер.

Он воткнул свой шест в илистое дно и привязал к нему лодку. Затем он уселся по-турецки, скрестив ноги, и занялся своим рыболовным инвентарём. У него был прелестный красненький поплавок. Удочкой служил плотный стебелёк травы, а леска была сделана из тонкого белого конского волоса. На конец лески он прицепил маленького извивающегося червячка. Дождинки скатывались у него по спине, он просидел неподвижно, тараща глаза на поплавок, должно быть, около часу.

— В конце концов, это начинает мне надоедать, — сказал мистер Джереми. — Мне бы хотелось чего-нибудь перекусить.

Он поплыл обратно, отталкиваясь шестом и лавируя между водорослями. Приплыв к берегу, он достал кое-что из своей корзинки.

— Я съем сэндвич с бабочкой и побуду здесь, пока кончится ливень, — сказал мистер Фишер.

Большой жук-плавунец поднырнул под лист, на котором сидел мистер Джереми, и пощекотал носок его калоши.

Мистер Джереми подтянул ноги, сел поудобнее и продолжал жевать свой сэндвич.

Один или два раза что-то зашелестело в прибрежной траве, и послышался громкий плеск.

— Надеюсь, это не крыса, — пробормотал мистер Джереми. — Думается, мне лучше убраться отсюда.

Мистер Джереми отплыл чуточку в сторонку и закинул наживку в пруд. У него тут же начало клевать: поплавок дёрнулся и тут же ушёл под воду.

— Минога! Минога! Я ухватил её за нос! — завопил мистер Джереми, резко дёргая удилище.

Но какой неприятный сюрприз! Вместо гладенькой жирненькой миноги в лодку плюхнулся Джек Шарп, утыканный острыми колючками по всей спине. Кто же не знает, что шарп — как раз и значит острый да колючий! Рыбка-колюшка, вот кто это был!

Колюшка металась по лодке, стараясь уколоть Джереми, пока совсем не выбилась из сил. Потом рывком плюхнулась назад, в воду. После чего стайка маленьких рыбёшек осмеяла мистера Джереми, высунув головки из воды.

И пока неутешный мистер Джереми Фишер сидел на краю лодки, посасывая исколотые пальцы и с тоской глядя на воду, случилось нечто ещё гораздо худшее, и это могло стать по-настоящему ужасным, если бы на мистере Джереми не был надет плащ.

Подплыла колоссальная, огромная форель — хлопнула по воде хвостом — плюх-блям! — схватила мистера Джереми и — раз! — поволокла его на дно пруда!

Но вкус его плаща показался ей таким противным, что меньше чем через полминуты она его выплюнула. Единственное, что она проглотила, так это калоши мистера Джереми.

Мистер Джереми выскочил из пруда, как выскакивает пробка из бутылки или пузырьки, когда открываешь газированную воду, и изо всех сил поплыл к берегу. Он вскарабкался на берег и поскакал домой в своём изодранном в лохмотья плаще.

— Какое счастье, что это не щука, — проговорил мистер Джереми Фишер. — Я потерял свою удочку и корзинку. Ну да ладно. Всё равно я больше никогда не отважусь на рыбную ловлю!

Он налепил на пальцы лейкопластырь. А оба его друга пришли к обеду.

Он не мог угостить их рыбкой, но у него нашлось кое-что другое в кладовочке.

Сэр Исаак Ньютон был, как всегда, в своём золотисто-чёрном жилете. А мистер Олдермен Птолемей Черепаха принёс с собой много зелёного салата в авоське.

Вместо аппетитного блюда из миног к столу подавались жареные кузнечики в соусе из божьих коровок, что у лягушек считается изысканным блюдом. Но лично я думаю, что это было ужасно!

ПРО БЕЛЬЧОНКА ПО ИМЕНИ ОРЕШКИН

Это рассказ с хвостом... Нет, не так. Это рассказ как раз без хвоста. Ну, в общем, это рассказ про рыжий пушистый хвост бельчонка по имени Орешкин.

Так вот, у бельчонка по имени Орешкин был брат, которого звали Вкуснйчка. И ещё у них была целая куча всяких двоюродных братьев и сестёр. Все они жили на опушке, на самом берегу озера.

А на середине озера был остров, поросший орешником. А ещё там стоял старый дуб, как водится, с большим дуплом, а в дупле жил филин по имени Старый Браун.

Однажды осенью, когда орехи спелли, а листья орешника кое-где уже были золотыми, — Орешкин, Вкуснйчка и другие бельчата сплели из прутьев не-

большие плотики и, захватив по мешку, поплыли на остров к Старому Брауну за орехами.

В лапках у каждого бельчонка было по веслу, а распушённые хвосты служили им парусами.

В подарок Старому Брауну Вкусничка и другие бельчата везли трёх жирных мышей.

Отвесив низкий поклон, бельчата положили свой подарок на пороге дупла и очень вежливо попросили:

— Мистер Старый Браун, окажите нам любезность, позвольте набрать орехов на вашем острове.

Но Орешкин, вместо того чтобы поклониться как все, дёргался, точно красная вишня на ветке, и распевал:

Эту загадку не знает никто:

Маленький, красненький, в красном пальто.

С палкой в руке,

С камнем в мешке.

Отгадай — и прибавится

Монетка в кошельке!

Эта загадка была стара как мир, так что мистер Старый Браун не обратил на Орешкина ровно никакого внимания.

Он, как всегда, прищурил глаза и заснул.

А бельчата набили мешки орехами и к вечеру поплыли домой.

На следующее утро они вновь вернулись к филину на остров. Вкусничка и другие бельчата привезли с собой жирного крота и положили его перед Старым Брауном на пороге.

— Мистер Старый Браун, будьте столь великодушны, — просили они, — позвольте нам пособирать ещё орехов на вашем острове.

Но от Орешкина разве дождёшься уважения? Он приплясывал, щекотал мистера Брауна крапивой и при этом припевал:

Старый мистер Бе!
Вот загадочка тебе:
«Хитти-питти у ограды,
Хитти-питти за оградой,
А коснётесь Хитти-питти,
Жизни будете не рады!»
Кузь!

Мистер Браун неожиданно проснулся и унёс крота в дом. Он захлопнул дверь прямо у Орешкина перед носом.

Бельчата рассыпались по всему острову и набрали полные мешки орехов.

А дерзкий Орешкин набрал жёлтых и красных желудей, уселся на пень старого бука и, забавляясь желудями, поглядывал на дверь мистера Брауна.

На третий день Вкусничка и шесть других бельчат поднялись рано-рано и отправились на рыбалку. Они

поймали в подарок Старому Брауну семь жирных миног.

А у Орешкина не было никакого подарка. Он бежал впереди и распевал:

Как-то раз в пустыне спросил меня монах:

— Сколько земляники зреет на волнах?

Я ему ответил вежливо вполне:

— Столько, сколько карпов спеет на сосне!

Но мистер Старый Браун не интересовался загадками, даже если ему подсказывали ответ.

На четвёртый день бельчата привезли в подарок Старому Брауну шесть больших жуков, а для него жуки что сливы в пудинге. Каждый жук был завернут в лист щавеля, а каждый лист — скреплён сосновой иголкой.

Но Орешкин по-прежнему распевал, как самый настоящий невежа:

Старый мистер Бе!

Вот загадочка тебе:

«Мука́ — англичанка

И фрукт испанский в синем

Встретились однажды

Под ужасным ливнем,

Долго обсыхали в очень жаркой печке.

Если угадаешь — дам тебе колечко!»

Всё это было просто смешно, потому что у Орешкина не было никакого колечка, и дать Старому Брауну было абсолютно нечего.

Остальные бельчата гоняли по всему острову за орехами, а наш Орешкин нарвал цветов шиповника и натыкал в них сосновых иголок. Он решил подарить их малиновкам вместо подушечек для булавок.

На пятый день бельчата привезли в подарок филину дикого мёда. Они стащили его у шмелей, которые жили на самой-самой макушке холма. Мёд был такой сладкий и липкий, что бельчата все перемазались. Пришлось облизывать пальчики. Наконец, они выложили мёд перед дверью мистера Старого Брауна.

А Орешкин в это время подпрыгивал и пел:

Жжу-жжу-жжу!

Жжу-жжу-жжу!

Когда я брёл через перевал,

Я летучих свинок повстречал:

С жёлтыми шейками, с жёлтыми спинками;

Я счастлив, что встретился с этими свинками!

Мистер Старый Браун с отвращением посмотрел на нахального Орешкина. Но мёд съел весь!

На шестой день, а это была суббота, бельчата снова приплыли на остров. В последний раз. В подарок старому филину они привезли с собой свежее яичко.

А весёлый Орешкин скакал перед ним, смеялся и горланил:

Шалтай-Болтай лежал на траве,
С белым покрывалом на лысой голове,
Сорок врачей лечили его,
Не могли поделаться с Шалтаем ничего!

Орешкин становился всё нахальнее и нахальнее:

Старый мистер Бе! Старый мистер Бе!
Хикамор-Хэкамор
Влез на кухню
На спор!
И вот королевский повар
Совсем не знает теперь,
Как Хикамора,
Как Хэкамора
Выгнать из кухни за дверь!

Орешкин приплясывал, как солнечный лучик. Но Старый Браун всё ещё молчал и пока не говорил ни слова.

А Орешкин не унимался. Он скакал, и вопил, и завывал как ветер, и наконец подпрыгнул и с разбегу вскочил прямо на голову Старого Брауна!..

И послышался шелест крыльев, и раздался шум драки, и разнеслось очень громкое — «Виу!». Остальные бельчата бросились врассыпную и попрятались в кустах.

Когда они осторожненько, оглядываясь по сторонам, вылезли из кустов, то увидели, как Старый Браун тихо сидит на пороге и глаза у него закрыты, будто ничего не случилось.

* * *

Но Орешкин сидел в жилетном кармане мистера Старого Брауна!

* * *

Кажется, тут и конец всей истории. Но это не так.

Старый Браун понёс Орешкина в дом, взяв его за хвост. Но Орешкин стал вырываться изо всех сил, и хвост его переломился как раз на две половинки. Орешкин рванулся к лестнице и выскочил в чердачное окно.

И до сего дня, если вы увидите Орешкина на дереве и попытаетесь загадать ему загадку, он будет швырять в вас палками, и топать ногами, и ругаться, и кричать:

— Чок-чок-чок-кук-курр-кук-к!

СТАРЫЙ
портной

из
ГЛОСТЕРА

В те далёкие времена, когда в моде были шпаги, напудренные парики и долгополые камзолы с вышитыми на лацканах цветами — именно тогда, когда благородные господа носили гофрированные кружевные манжеты и жилетки из тафты, обшитые золотыми лентами, — жил-поживал в городе Глостере старый портной.

Сидел он себе посиживал, скрестив ноги по-турецки, на портновском столе возле самого окна в своей маленькой мастерской с раннего утра и до самых сумерек.

Целыми днями кроил он и выкраивал, сшивал и смеётывал куски гроденапля и люстрина: у тканей тогда бывали такие странные имена!

Надо заметить, что хоть он и шил всякие шёлковые наряды для горожан, сам-то старый портной был бедный-пребедный. Был он маленький сухонький старичок с остреньким личиком, в очках, со скрюченными от старости пальцами, в потёртом пиджачке.

Он кроил заказанное ему платье экономно, приглядываясь к вышивке на ткани, так что у него оставались только крошечные лоскуточки.

— Ничего из них не сошьёшь, — усмехался портной. — Разве что жилетки для мышек или ленточки для мышинных чепчиков.

Однажды холодным зимним днем, в канун Рождества, портной принялся кроить вишнёвого цвета камзол из плиса, расшитого розочками и анютиными глазками. К камзолу ещё полагался жилет из кремового атласа с отделкой из тончайшего газа, обшитого зелёненькой синелькой. Этот наряд предназначался самому господину мэру города Глостера.

Портной работал не покладая рук и за работой разговаривал сам с собой, потому что больше разговаривать было не с кем. Он аккуратно всё промерял, а затем, повертев материю так и этак, резал её по выкройке. Вскоре весь портновский стол покрылся лоскутками вишнёвого цвета.

— Ну, прямо никакой тебе ширины! — бормотал он себе под нос. — Пелеринки для мышек, ленточки для чепчиков... Для мышек, да и только!

Когда снег повалил хлопьями и снежинки густо облепили оконные стёкла, так что свет совсем перестал проникать в окно, портной решил закончить работу. Шёлк, расшитый плис и атлас, вырезанные точно по выкройке, остались лежать на столе. Всего оказалось двенадцать кусочков для камзола и четыре — для жилета. И ещё там же находились клапаны для карманов, и кружево для манжет, и пуговички тоже были разложены в образцовом порядке. Для подкладки была приготовлена тонкая жёлтая тафта, а чтобы обшить петельки на жилете, был приготовлен вишнёвого цвета шнуручек. Словом, утром оставалось только всё это одно к другому пригнуть и пришить. Правда, недоставало ещё одного моточка вишнёвого шёлка для шнурка на самую последнюю петельку.

Старый портной вышел на тёмную улицу. Он не оставался ночевать в своей мастерской. Портной проверил, хорошо ли заперто окошко, повернул ключ в дверном замке и положил его в карман. В маленькой портняжной мастерской никого не бывало по ночам, кроме маленьких сереньких мышек, а они входили туда и выходили оттуда безо всяких ключей! Потому что за деревянной обшивкой всех старых домов в городе Глостере есть потайные дверцы и крошечные галерейки, по которым мышки перебегают из дома

в дом: они могут обойти вообще все дома в городе, ни разу не показавшись на улице.

Старый портной побрёл домой сквозь густую пелену снега. Он жил рядышком с глостерским колледжем. Его дом стоял возле самых ворот. И хотя это был совсем небольшой домик, бедный портной мог позволить себе снимать в нём всего лишь маленькую кухоньку. Он жил один, и был у него только кот, которого звали Симпкин. Пока хозяин находился на работе, Симпкин хозяйничал дома. Надо сказать, что он тоже очень любил мышек, хоть и не помышлял о том, чтобы шить им пелеринки или чепчики!

— Мяу? — промяукал кот, как только хозяин появился на пороге. — Мяу?

— Симпкин, — сказал портной, — Симпкин, может, мы с тобой хорошо заработаем. Но я так устал, что прямо весь расползаюсь по швам. На-ка, возьми четырёхпенсовик, Симпкин, и ещё прихвати глиняный горшочек. На один пенни купи хлебца, на другой — молочка, на третий — колбаски. И послушай, Симпкин, купи моточек шёлка вишнёвого цвета. И гляди, не потеряй последний пенни, иначе я просто конченный человек, потому что у меня не хватает шнуручка на последнюю петельку.

На что Симпкин снова сказал:

— Мяу?

И, взяв деньги и прихватив горшочек, вышел на тёмную улицу.

Портной ужасно устал, к тому же он чувствовал, что заболевает. Он расположился в кресле возле камина, разговаривая с самим собой о камзоле, который ему предстояло сшить.

— Я, конечно, хорошо заработаю. Мэр города Глостера венчается на Рождество, и он заказал мне камзол и расшитый жилет на подкладке из жёлтой тафты. Тафты как раз хватает, остаётся только на пелеринки для мышек...

Но тут портной вздрогнул, потому что со стороны кухонного шкафчика до его слуха донеслись странные звуки: «Тип-тап, тип-тап, тип-тап, тип!»

— Что бы это могло быть? — воскликнул портной, вскакивая с кресла. Полки шкафчика были уставлены кастрюльками и глиняными горшочками, тарелками с рисунком из ивовых листьев, чашками и кружками.

Портной подошёл к шкафчику и застыл возле него, прислушиваясь и приглядываясь сквозь очки. Снова из-под одной из чашек донеслись те же самые необычные звуки: «Тип-тап, тип-тап, тип-тап, тип!»

— Всё это довольно странно, — заметил старый портной из Глостера. Он приподнял одну из чашек, что лежала на полке кверху донышком. Из-под неё выступила крошечная живая леди-мышь и присела в изящном реверансе. После этого она ловко соскочила с полки и скрылась за деревянной обшивкой стены.

Портной снова опустился в своё кресло перед камином и забормотал невнятно:

— Деревянная обшивка выкроена из шёлка персикового цвета, вышита тамбурным швом и расшита красивыми бутончиками роз. И стоило ли доверять последний четырёхпенсовик коту? Двадцать одна петелька, обшитая шнурочком вишнёвого цвета!

Но тут снова от шкафа донеслись всё те же самые звуки: «Тип-тап, тип-тап, тип-тап, тип!»

— Ну, это просто что-то сверхъестественное, — заметил портной из Глостера и перевернул ещё одну чашку, которая стояла кверху донышком. Из-под неё появился джентльмен-мышка и отвесил ему низкий поклон. И тут зазвучал прямо целый хор «тапов» и «типов», перекликавшихся друг с другом, точно скрип жучков-древоточцев в старых, изъеденных оконных ставнях.

«Тип-тап, тип-тап, тип-тап, тип!»

И из-под чашек, и горшочков, и мисочек стали появляться мышки, которые тут же соскакивали с полок и исчезали за деревянной обшивкой.

Старый портной рухнул в своё кресло, приговаривая:

— Двадцать одна петелька из вишнёвого шёлка! Надо всё закончить к полудню в четверг. А сейчас вечер вторника. И должен ли я был выпустить всех этих мышей? Ведь они, несомненно, собственность Симпкина! Ах, пропал я, пропал, ведь у меня недостаёт шнурочка!

Мышки высунули мордочки из-за обшивки и прислушались к тому, что он там бормотал по поводу этого замечательного камзола. Они что-то прошептали друг другу относительно подкладки из тафты и про пелеринки для мышек. И все разом умчались по своим потайным переходам за деревянной обшивкой домов, тоненькими голосами скликая всех городских мышей. Ни единой мышки не осталось у портного на кухне, когда вернулся Симпкин, держа в лапах горшочек с молоком. Он ворвался в дом с сердитым «Гр-р-р». Так ворчат коты, когда их что-то раздражает. Симпкин терпеть не мог, когда идёт снег. Снег запылил ему уши, напал за воротник. Он положил хлеб и колбасу на стол и принялся...

— Симпкин, — сказал портной. — А где же моток вишнёвого шёлка для шнура?

Но Симпкин молча поставил горшочек с молоком на полку и подозрительно поглядел на перевёрнутые чашки. Куда подевался его ужин из прекрасных жирненьких мышек?

— Симпкин, — сказал портной, — где мой вишнёвый моток?

Симпкин незаметно сунул свёрточек с шёлком в чайник для заварки и, не отвечая на вопрос, только плевался и ворчал на хозяина. Если бы он умел пользоваться человеческим языком, он, несомненно, в свою очередь спросил бы:

— А где мои мыши?

— Увы, я конченный человек! — вздохнул портной из Глостера и в глубокой печали отправился спать.

Всю эту долгую ночь Симпкин шарил и шарил по всей кухне, заглядывал в буфеты, и ящики, и за деревянную стенную обшивку. Он искал даже в чайнике, куда он спрятал моток вишнёвого шёлка, но решительно нигде не мог найти ни одной мышки!

Когда портной начинал что-то бормотать во сне, Симпкин говорил: «Миауу-гррр!» — и вообще издавал те странные и противные звуки, которыми кошки обычно изъясняются по ночам.

А бедный портной заболел лихорадкой. Он метался во сне в своей деревянной кровати под балдахин и всё время повторял:

— Не хватает шнуручка! Не хватает шнуручка!

Он проболел весь следующий день и ещё следующий. Что ж это будет с камзолом вишнёвого цвета? В портняжной мастерской на столе лежали выкроенные кусочки атласа и расшитого шёлка, и была прорезана ровно двадцать одна петелька. Кто же, кто же сошьёт их, кто зайдёт в мастерскую, раз все задвижки на окнах задвинуты и дверь крепко заперта на замок?

Но какие замки помешают маленьким сереньким мышкам? Они и без всяких ключей спокойно входят во все старые дома в городе Глостере!

А люди в это время спешили на рынок, с трудом продираясь сквозь густую снежную пелену. Они то-

ропились купить рождественских гусей и индеек, надо ведь было ещё успеть испечь рождественские пироги. И только бедного портного и голодного Симпкина не ждал никакой ужин на Рождество!

Портной лежал в жару три дня и три ночи. И вот уже наступил Сочельник, и было уже довольно поздно. Луна взобралась высоко в небо, повисла над крышами и каминными трубами, глянула вниз на домик рядом с городским колледжем. Света не было ни в одном из домов. В городе стояла тишина. Весь город Глостер крепко спал под плотным снежным одеялом.

Симпкину страх как хотелось есть. Он стоял возле кровати с балдахином и мяукал, спрашивая, куда же подевались его мыши.

Но это только в старых сказках рассказывается, что будто бы в ночь перед Рождеством звери начинают говорить человеческими словами. Правда, изредка встречаются такие люди, которые уверяют, будто понимают, что звери говорят.

Когда часы на городском Соборе пробили полночь, Симпкину показалось, что он услышал ответ на свой вопрос. Он выбрался из дому и пошёл по заснеженным улицам. Со всех коньков старых глостерских крыш доносились тысячи весёлых голосов, которые распевали старинные рождественские гимны — все, какие мне довелось в жизни услышать, а некоторые и не доводилось вовсе никогда.

Сперва Симпкин разобрал, что прокричал петух:

— Хозяйка, вставай, пеки пироги!

— Ой-ей-ей-ей! — вздохнул голодный Симпкин.

На одном из чердаков зажёгся свет, послышался топот танцующих кошачьих лап.

— Тра-та-та, тра-та-та, вышла кошка за кота! — пробормотал Симпкин. — Все коты в городе Глостере пляшут, кроме меня.

Под деревянными стрехами все воробышки-скворушки распевали в ожидании рождественского пирога. На соборной колокольне пробудились галки. И хотя на дворе стояла полночь, всюю заливались дрозды и малиновки: воздух так и звенел от тоненьких птичьих голосов. У бедного голодного Симпкина всё это вызывало одну лишь досаду. Особенно его сердили пронзительные голоса, доносившиеся из-за деревянной решётки в каком-то чердачном окне. Наверняка голоса эти принадлежали летучим мышам. Вечно они в самые лютые морозы что-то бормочут во сне, ну прямо как старый портной из Глостера. Они выговаривали нечто загадочное, что-то вроде:

«Ззум», — сказал зелёный шмель.

«Жжу», — пчела сказала.

Скажем мы и «ззум» и «жжу»

И все начнём сначала.

Симпкин пошёл прочь, потряхивая ушами, точно у него в шапке засела пчела.

Из окошка портняжной мастерской на улицу падал свет. Когда Симпкин подкрался к окну и заглянул внутрь, он увидел, что там горит множество свечей. До него донеслось звяканье ножниц, треск обрываемых ниток, а тоненькие мышинные голосочки весело пели:

Двадцать три портняжки
Пошли ловить улитку,
С собою захвативши
Сиреневую нитку.
Из них один портняжка,
Чей был всех выше рост,
Улитку подрядился
К утру поймать за хвост.
Но хитрая улитка,
На них наставив рожки,
Заставила портняжек
Спасаться по дорожке!
Бегите, бегите, а не то забодает!

И тут же, не сделав и минутной передышки, тоненькие мышинные голосочки опять завели песенку:

Муку для нашей леди
Просеем через сито,
Овсяные лепёшки
Уложены в корыто.
Каштаны жарить будем
Мы в печке целый час...

— Мяу! Мяу! — прервал их пение Симпкин и стал скрестись в дверь. Но ключ-то ведь находился у портного под подушкой, и коту было никак не войти в дверь.

Серенькие мышки только посмеялись над ним и снова затянули хором:

За прялками сидели
Три мышки у окошка,
В окошко постучалась

К ним миссис Пусси — кошка.

— Чем заняты, ребята?

— Прядём из шерсти пряжу.

Прядём её прилежно

Отнюдь не на продажу!

Для джентльменов платье

Из пряжи будет выткано.

— Впустите на минутку,

Я стану резать нитки вам,

Перекушу — и сразу начну мотать в клубки.

— Ах нет, не надо, право,

Не впустим, миссис Пусси,

А ну как вместо ниток

Нам головы откусишь!

— Мяу! Мяу! — завопил Симпкин, а мышки сказали:

— Хей, дидл, динкети?

И тут же запели:

Хей, дидл, динкети, поппети, пет!

На каждом купце красный плащик надет:

Шёлковый ворот, подол меховой.

Купцы с весёлой песней идут по мостовой.

Мышки при этом отбивали такт серебряными напёрсточками, но Симпкину все эти песни не нравились нисколечко.

Он всё принюхивался и мяукал под дверью. А из-за двери неслись уж совсем чудные припевки:

Купил я в воскресенье
Горшки и горшочки,
Чепцы и черепочки
За фартинг за один.

— И всё положил под чашки в кухонном шкафчике, — добавили мышки с издёвкой.

— Мяу! Царап! Царап! — лупил Симпкин лапами по оконной раме.

А мышки в ответ на это все вскочили на ноги и завопили хором:

— Не хватает шнурочка! Не хватает шнурочка!

И тут же задёрнули шторы, так что Симпкин ничего больше видеть не мог.

Но через щёлочки в шторах до него всё-таки доносились серебряный стук напёрсточков и тоненькие мышинные голосочки, которые выпевали:

— Не хватает шнурочка! Не хватает шнурочка!

Симпкин отошёл от дверей мастерской и направился обратно к дому, о чём-то глубоко задумавшись.

Дома он обнаружил, что хозяин спит спокойно: температура у него спала. Тогда Симпкин на цыпочках прошёлся по кухне и достал свёрточек с вишнёвым шёлком из заварочного чайника.

В незанавешенное окно падал лунный свет.

Симпкин хорошенько рассмотрел моточек, и ему стало стыдно, потому что он оказался гораздо хуже, чем добрые маленькие мышки.

Когда старый портной проснулся на следующее утро, первое, что он увидел, это моточек вишнёвого шёлка, лежащий на его стёганом одеяле. А рядом с кроватью стоял глубоко раскаявшийся Симпкин.

— Увы! — воскликнул портной. — Я конченный человек, мне пора расползаться по швам. Но зато — вот он, мой моточек вишнёвого шёлка!

Солнце золотило снег, когда портной поднялся с постели, оделся и вышел на улицу.

Симпкин бежал впереди.

Скворцы насвистывали, усевшись на края каминных труб, дрозды и малиновки тоже напевали что-то своё, совсем не то, что они пели полночной порой.

— Увы! — вздыхал старый портной. — Теперь у меня есть вишнёвые нитки для шнурочка. Но сил у меня нет, и времени осталось разве что обметать одну-единственную петельку: ведь уже наступило рождественское утро! А глостерский мэр венчается в полдень. И где же его вишнёвого цвета камзол?

Он отпер дверь своей маленькой мастерской, и Симпкин кинулся туда первым, точно заранее знал, что он там обнаружит.

Но в мастерской решительно никого не было.

Ни одной — ни единой серенькой мышки!

Стол был чисто вытерт тряпочкой. Обрывки ниток и лоскуточки были подобраны с пола.

А на столе — о радость! — старый портной не удержался от громкого возгласа — там, на столе, где он ос-

тавил всего лишь крой вишнёвого плиса — лежал красивейший камзол и расшитый атласный жилет, какой ещё ни разу не носил ни один мэр города Глостера.

На камзоле красовалась вышивка из розочек и анютиных глазок, а по жилету были разбросаны маки и васильки.

Всё было готово, кроме одной-единственной петельки, которая оставалась необмётанной, а к тому месту, где ей полагалось быть, булавкой была прикреплена записочка.

На ней бисерным почерком было написано: «Не хватает шнурочка».

С этого самого дня счастье повернулось лицом к старому портному из Глостера.

Он разбогател и растолстел чрезвычайно.

Он шил потрясающие жилеты для всех богатых купцов города Глостера, и для всех благородных джентльменов в его окрестностях.

Никто ещё нигде не встречал таких тонких кружевных манжет и расшитых лацканов!

Но его петли — каждая из них была настоящим шедевром!

Стежки, какими обмётывались петли, были такие изящные, такие изящные, что невозможно было вообразить, как старый человек в очках может сделать их скрюченными пальцами. Стежки были такие крошечные, такие крошечные — казалось, что их могли сделать только маленькие серенькие мышки!

СОДЕРЖАНИЕ

ДЖ. М. БАРРИ. ПИТЕР ПЭН

<i>Глава 1. Питер Пэн нарушает спокойствие</i>	<i>6</i>
<i>Глава 2. Тень</i>	<i>17</i>
<i>Глава 3. В путь! В путь!</i>	<i>35</i>
<i>Глава 4. Полёт</i>	<i>57</i>
<i>Глава 5. Всамделишный остров</i>	<i>69</i>
<i>Глава 6. Маленький домик</i>	<i>85</i>
<i>Глава 7. Дом под землёй</i>	<i>100</i>
<i>Глава 8. Русалочья лагуна</i>	<i>109</i>
<i>Глава 9. Птица Нет</i>	<i>128</i>
<i>Глава 10. Счастливое семейство</i>	<i>133</i>
<i>Глава 11. Сказка, которую рассказывала Венди</i>	<i>141</i>
<i>Глава 12. Дети похищены</i>	<i>150</i>
<i>Глава 13. Вы верите, что существуют феи?</i>	<i>157</i>
<i>Глава 14. На пиратском корабле</i>	<i>168</i>
<i>Глава 15. «На этот раз — или Крюк, или я!»</i>	<i>176</i>
<i>Глава 16. Возвращение домой</i>	<i>190</i>
<i>Глава 17. Когда Венди стала взрослой</i>	<i>203</i>

**БЕАТРИКС ПОТТЕР.
ПИТЕР-КРОЛИК И ДРУГИЕ**

Сказка про Питера-кролика	216
Про Бенджамина Банни	223
Сказка о Флопсиных крольчатах	231
Мышка миссис Крохотуля	239
Про Джонни — городского мышонка	250
Про мисс Моппет	260
Про Тома-котёнка	262
Про миссис Тигги-Мигл	267
Сказка про Джемайму Плюхввуду	276
Сказка о Джереми-рыболове	285
Про бельчонка по имени Орешкин	291
Старый портной из Глостера	299

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

ТОКМАКОВА ИРИНА ПЕТРОВНА

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Питер Кролик и другие
Пересказы

Заведующая редакцией *Н. М. Иманова*
Ответственный редактор *Л. Я. Либет*
Составитель *Н. А. Терехова*
Художественные редакторы *В. Ф. Горелов, Р. А. Клочков*
Оформление *С. Ю. Губина*
Технический редактор *С. А. Толмачева*
Компьютерная верстка *С. Л. Мамедова*
Корректор *И. А. Курникова*
Цветоделение *А. Е. Косых, О. А. Молочков*

Изд. лиц. № 061622 от 07.10.97.

Подписано в печать 29.12.00. Формат 70×90^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,40. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2943.

ООО «Дрофа». 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

По вопросам приобретения продукции издательства «Дрофа»
обращаться по адресу: 127018, Москва, Суцевский вал, 49.
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52.

Торговый дом «Школьник».
109172, Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А.
Тел.: (095) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.

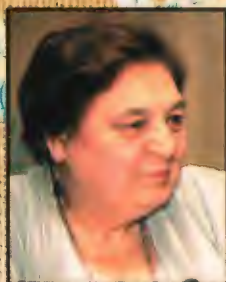
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

дрофа

Ирина Петровна Токмакова

Вот уже более сорока лет своё творчество посвящает детям.

Её стихи включены во многие учебники и хрестоматии. Дети любят и её прозаические сказочные повести, добрые, занимательные, весёлые.

Пьесы для детей Ирины Токмаковой поставлены лучшими театрами России.

В переводах Ирины Токмаковой увидели свет многие произведения английской классической литературы, книги современных английских, немецких, польских, болгарских, чешских писателей и поэтов.

Стихи и сказки Ирины Токмаковой переведены на семнадцать языков. Они выходили в Германии, Венгрии, Польше, Японии, в странах СНГ.

Много времени посвятила писательница международной деятельности, участвуя в международных жюри, работая в исполкомах международных организаций по детской литературе.

Лев Алексеевич Токмаков

Родился в Екатеринбурге в 1928 году.

Окончил Московское высшее художественно-промышленное училище (б. «Строгановское»). Его педагогами были Павел Кузнецов, Александр Куприн.

Член МОСХа с 1959 года, заслуженный художник России с 1980 года, в 1998 году присвоено звание народного художника России. Один из ведущих художников детской книги: им проиллюстрировано около 300 книг для детей. Обладатель трёх почётных дипломов Международного совета по детской и юношеской литературе за 1980, 1988 и 1999 годы. В 1985 году получил золотую медаль Biennale Bratislava в Братиславе за иллюстрации к книге Отфрида Пройслера «Крабат». В 1999 году Льву Токмакову за иллюстрации и оформление романа Виктора Гюго «Отверженные» присуждается серебряная медаль Российской академии художеств. С иллюстрациями Льва Токмакова выходили книги В. Берестова, А. Барто, С. Михалкова, Дж. Родари, И. Токмаковой и др.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН МОСКВА

ISBN 5-7107-2979-5 (22) (12 - 4

Токмакова. Питер Кролик и др.

525417

100.00

9"785710"729793"